

Выпуск готовили:

В.А. Зубакин (главный редактор)
Е.В. Зубакина
Е.В. Чернова

Дизайн и вёрстка: **Е. Чернова**
Фотография стерхов на первой странице обложки: **Wang LiQiang**
Фотография обыкновенной горлицы на последней странице обложки:
Alberto Sunil Onamkulam

Адрес Координационного центра Союза: Россия, 111123, Москва, шоссе Энтузиастов, дом 60, корп. 1
Тел/факс (495) 672-22-63
e-mail: mail@rbcu.ru
http://www.rbcu.ru

Благодарим за поддержку
всех тех,
кто безвозмездно
помогал и помогает
в издании «Мира птиц».

Если вы хотите
тоже помочь журналу,
можете перечислить
деньги на расчётный счёт
4070381000031000041
в ОАО «Банк Москвы»
г. Москва, инн. 7702000406
БИК 044525219
к/с 3010181050000000219
с пометкой
«благотворительный взнос
для «Мира птиц»,
или внести пожертвование
в Координационный центр
Союза охраны птиц России.

Мнение авторов статей может не совпадать с мнением редакции.

Распространяется среди членов Союза охраны птиц России бесплатно.

Тираж 2000 экз.
© Союз охраны птиц России

СОДЕРЖАНИЕ**Contents**

ТЕМА НОМЕРА	2	О. Михайлова. А не прогуляться ли на болото? .... 35 O. Mikhaylova. A walk to marsh
TOPIC OF THE ISSUE		
В.П. Белик. Наши горлицы	2	
V.P. Belik. Our Doves		
Е.И. Ильяшенко. Журавли – птицы 2020 года.....	5	
E.I. Ilyashenko. Cranes are the birds of the year 2020		
ВЕСТИ ОРНИТОЛОГИИ	11	
ORNITHOLOGICAL NEWS		
В. Мельников. Актуальные проблемы		
охраны птиц	11	
V. Melnikov. Urgent problems of bird conservation		
А.В. Белоусова. Несколько слов		
о Конференции, посвящённой 120-летию		
Георгия Петровича Дементьева.....	12	
A.V. Belousova. Some words about the Conference		
dedicated to the 120th anniversary of Georgy Dementiev		
Э.З. Габбасова, П.Г. Полежанкина ,		
Г.Р. Волынкина. Онлайн-трансляция		
жизни сапсанов в Уфе	14	
E.Z. Gabbasova, P.G. Polezhankina, G.R. Volynkina.		
Online translation of Peregrine Falcon life in Ufa town		
ВАШИ НАБЛЮДЕНИЯ	18	
YOUR OBSERVATIONS		
Л.В. Маловичко. Наблюдения за галками		
<i>Corvus monedula</i> с различными		
морфологическими аномалиями.....	18	
L.V. Malovichko. Watching for Jackdaws		
that have different morphological anomaly		
ПТИЦЫ ВОКРУГ НАС	21	
BIRDS AROUND US		
А. Субботин. По следам чёрного дятла	21	
A. Subbotin. I follow in the tracks of Black Woodpecker		
Е. Комлев. Галка Галя	27	
E. Komlev. Galya the Jackdaw		
О. Михайлова. К птицам за счастьем.....	28	
O. Mikhaylova. To birds for happiness		
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ	31	
TRAVEL NOTES		
В.П. Белик, Н.И. Насрулаев. По Аварскому		
и Андийскому Койсу Дагестанской Республики		
в целях зоологических наблюдений... ..	31	
V.P. Belik, N.I. Nasrulaev. Along Avarsksy and Andiysky		
Koysu, Dagestan Republic, for zoological observation		
Р.А. Мнацеканов, И.С. Найданов.		
В поисках солнечного орла	34	
R.A. Mnatsakanov, I.S. Naydanov.		
We look for Imperial Eagle		
НАШИ ПОТЕРИ	57	
IN MEMORIAM		
Памяти Александра Ивановича Шепеля		
(28.05.1953 – 19.03.2018).....	57	
Alexander Ivanovich Shepel' (28.05.1953 – 19.03.2018)		
Александр Константинович Юрлов		
(1953 – 2018)	58	
Alexander Konstantinovich Yurlov (1953 – 2018)		
Мурат Хамидович Емтыль (1949 – 2018)	59	
Murat Khamidovich Emtly' (1949 – 2018)		
Памяти Андрея Вадимовича Алексеева		
(1960 – 2020)	60	
Andrey Vadimovich Alekseyev (1960 – 2020)		
Памяти Николая Сергеевича Панькина.....	62	
Nikolay Sergeyevich Pan'kin		
КАК ВСТУПИТЬ В СОЮЗ	63	
HOW TO JOIN THE RBCU		

Требования к материалам, присыпаемым в редакцию бюллетеня для публикации

Электронные тексты : допускается присыпать в форматах .txt, .doc, .rtf. Таблицы просьба присыпать в форматах .doc и .rtf. Объём текста не более 10 000 знаков. (включая пробелы).

Компьютерная графика: Векторные изображения желательно присыпать в формате .eps, допустимы форматы .cdr, .ai. Растровые изображения желательно присыпать в формате .tif, .psd, допускается формат .jpg обязательно без сжатия. Для формата .tif допустима LZW-компрессия. Разрешение изображений должно быть не менее 300 dpi.

Рукописи, машинописные тексты, слайды и фотографии принимаются к печати в случае невозможности предоставить электронный вариант. Ссылки на литературу в тексте и в конце статьи мы просим приводить только в том случае, если их отсутствие существенно влияет на содержание. Редакция оставляет за собой право отклонять присланные материалы. Тексты не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке материалов ссылка на «Мир птиц» обязательна.

Наши горлицы

Горлица, или по-народному горлинка – древнее русское название небольших голубей, широко распространённое также во всех славянских языках: украинском, болгарском, сербском, чешском, польском... Исконное значение этого названия доподлинно неизвестно. По предположению Макса Фасмера, оно произошло от слова «горло», очевидно из-за большого зоба («горла») этих птиц, но есть также мнение, что это звукоподражательное название, связанное с особым, горловым воркованием – брачным пением горлиц.

Наша обыкновенная горлица, воркуя на дереве, как бы мурлычет про себя: «турр-туррр, турр-туррр...» или «гурр-гуррр, гурр-гуррр...», отчего ей в народе дали ещё одно характерное имя – «турлушка». Да и в научном латинском названии, присвоенном этому виду в 1758 году Карлом Линнеем, горлица значится как *Streptopelia turtur*. При ворковании у горлиц сильно раздувается горло, служащее своеобразным резонатором, усилившим звуки, почему, возможно, и возникло славянское название этих птиц. А для того, чтобы быть ещё более заметными для соседей, самцы горлиц совершают ещё и характерные токовые полёты. Время от времени прерывая воркование, они, хлопая крыльями, взлетают с вершины дерева высоко вверх, а затем медленно планируют.

Интересно также латинское родовое название, данное горлицам в 1855 году французским орнитологом Шарлем-Люсьеном Бонапартом, племянником императора Наполеона, – *Streptopelia*, т.е. ожереловый голубь, от древнегреческого «*στρέπτη*» (ожерелье). Действительно, у большинства горлиц на шее хорошо видно характерное «украшение» – тёмные пятна по бокам или чёрное полуколечко на зашейке. Отсюда возникло известное многим из нас название другого вида – кольчатой горлицы, а также экзотической филиппинской двукольчатой горлицы.

У обыкновенной горлицы сбоку на шее выделяется пестрое, чёрно-белое пятно – как бы висящая

Обыкновенная горлица. Фото Pascal De Munc

на цепочке иконка, которая дала повод христианам причислить горлицу к святым птицам, к символу Святого Духа. А позже, в 1949 году, Пабло Пикассо сделал голубя с оливковой ветвью в клюве символом мира. Но ещё древние греки полагали, что из-за отсутствия желчного пузыря голуби вовсе лишены злого нрава, а у язычников Древнего Рима голубка, свившая гнездо в опрокинутом шлеме Марса, тоже считалась символом мира.

Горлицы, впрочем, как и все остальные голуби, – исключительно растительноядные, зерноядные виды, беззащитные перед различными хищниками. Поэтому, быть может, они и стали олицетворением мирной птицы. Однако между собой голуби достаточно сварливы, и отстаивая права на территорию, корм или другие ресурсы они могут драться друг с другом, используя, правда, единственное имеющееся у них «грозное оружие» – крылья.

Ещё одна характерная привычка голубей – трогательные «поцелуи», связанные с особенностями кормления птенцов полупереваренной пищей – зобным, или птичьим молочком. Чтобы вызвать выделение этого «молока», птенцам нужно пощипать мягкую восковицу в основании клюва голубя. Вот поэтому самец и самка при спаривании и «целуются», провевряя жизненно важную способность партнёра выкоркнуть будущее потомство.

Обыкновенная горлица, которой в России посвящён 2019 орнитологический год, ещё недавно была обычнейшей птицей, широко распространённой в умеренных широтах Евразии к востоку до Западной Сибири и Средней Азии. Возвращаясь в конце апреля – начале мая с африканских зимовок, горлицы заселяли мозаичные леса и перелески вдоль рек и в предгорьях, лесополосы среди полей, иногда селились в сельских и городских садах и парках. И с этого времени до середины лета воздух буквально наполнялся мягким, миротворным воркованием многочисленных горлиц. На Руси это был сигнал к началу поздних полевых работ: «Как горлица заворкует, пора коноплю сеять!»

В конце лета, перед отлётом на зимовку, горлицы собирались в стаи, кочуя по убранным полям и собирая на живьё осыпавшееся зерно, а днём улетали к ручьям и прудам на отдых и водопой, крайне необходимый зерноядным птицам. В это время открывалась охота на «полевую дичь», к которой относили также и горлиц, и охотники когда-то в массе добывали набравших жирок птиц, готовившихся к дальнему перелёту.

О численности горлиц и масштабах охоты на них в прошлом свидетельствуют такие цифры. В Северной Евразии, на территории бывшего СССР, например, по оценке С.Г. Приклонского, в XX веке гнездилось ориентировочно 1,9–2,7 миллиона пар, всего же в пределах ареала обитало 4–5 миллионов пар,

а к концу лета численность птиц увеличивалась до 15–20 миллионов особей. Только в Ираке в полёсе около 100 км шириной осенью из Средней Азии в Африку пролетало не менее 3 миллионов горлиц. На Мальте же в Средиземном море весной за день пролета регистрировали около 20 тысяч горлиц, а их ежегодная добыча составляла там 100 тысяч особей.

В Грузии в середине XX века ежегодно добывали от 19 до 60 тысяч горлиц, на Украине – в среднем 218 тысяч, а в России – более 250 тысяч птиц в год. А в XIX веке в степях Приазовья, по свидетельству С.Н. Алфераки, спрятавшись под деревом у реки, охотники стреляли иногда до 60 горлиц за утро.

Но в конце XX – начале XXI века практически все популяции нашей горлицы охватила глубочайшая депрессия. Так, по словам А.В. Давыгоры, в Оренбургской области он не встречал этих птиц уже около 10 лет. Судя по письмам из Казахстана, горлицы совершенно не встречаются там сейчас даже на миграциях. На Ставрополье в 1980-е годы гнездилось 200 тыс. пар, а к концу лета численность горлиц достигала 0,8–1,0 млн. особей. Однако в начале XXI века популяция этих птиц оценивалась там уже лишь в 3,5–4,5 тыс. особей, сократившись за 20 лет почти в 100 раз.

В предгорьях Северного Кавказа в конце XIX века, по данным Н.Я. Динника – охотника и натуралиста, известнейшего знатока природы Кавказа, – горлиц было «несметное количество», и их можно было видеть «по несколько штук почти на каждом кусте и на каждом стоге сена», а на деревьях они сидели «целыми табунами». Но в начале XXI века в степях по Лабе, Урупу, Зеленчуку и Кубани мало было учтено всего лишь 5 токовавших горлиц на пеших маршрутах общей протяжённостью более 350 км, т.е. не более 5 пар/100 кв. км, что на 2–3 порядка ниже, чем было известно там в середине XX века.

Не менее серьёзное падение численности обыкновенной горлицы отмечено в Поволжье, в Прибалтике, на Верхнем Дону и во многих других регионах. Её общая численность в Европейской России в 2016 году оценена в 7–15 тыс. пар, что более чем в 100 раз ниже, чем было здесь в конце XX века (1,0–2,5 млн. пар). За последние 16 лет на 30–50% сократилась и вся европейская популяция этого вида.

Причины такого быстрого снижения численности и глубокой депрессии остаются до конца не понятными, поскольку внимание на это обращали обычно уже после исчезновения птиц, и выявить лимитирующие факторы не удавалось. Я, к примеру, сначала грешил на хищников – ястребов и куниц, особенно сильно размножившихся в наших лесах в конце XX века. Некоторые исследователи объясняли исчезновение горлиц химизацией сельского хозяйства, иногда обвиняли наших охотников...

Однако падение численности этих птиц было связано, скорее всего, с какими-то причинами, повлиявши-

Ловля птиц в Африке. Фото Leo Zwarts

ми на них в местах зимовки в Африканском Сахеле, где горлицы проводят около полугода своей жизни, возможно – с усилившимися там засухами.

К сожалению, объективных, реальных сведений о ситуации в глубинной Африке к нам поступает очень мало. Тем не менее, судя по косвенным данным, можно полагать, что горлиц вместе с другими зимующими там птицами могли в массе вылавливать местные жители с помощью появившихся в конце XX века прочных, дешёвых капроновых сетей, а также крючьев. Они значительно повысили результативность охоты, особенно у водоёмов, куда горлицы ежедневно летали на водопой. Поэтому из многочисленных стай горлиц, улетавших осенью в Африку, весной на Ставрополье, как недавно писал В.Н. Федосов, возвращались лишь единичные птицы.

В связи с резким сокращением численности обыкновенной горлицы в России встал вопрос о необходимости занесения её в Красную книгу, о запрете охоты на неё, чтобы сохранить у нас хотя бы то небольшое поголовье взрослых птиц, которые со временем, при ликвидации негативных факторов, смогут размножаться и восстановить былые популяции. Однако некоторые охотники, не видевшие прежнего обилия горлиц в наших лесах и степях, встретив сейчас 3–4 птицы за день, по-прежнему считают этот вид обычным и требуют продолжения охоты на горлиц.

Горлицы гнездятся на деревьях, иногда на кустах, устраивая среди ветвей небольшое, рыхлое, плоское гнездо, через дно которого в просветы иногда

Кольчатая горлица. Фото О. Першина

можно разглядеть 2 блестящие-белых круглых яйца, характерных для всех голубей. Птенцов горлицы выводят у нас 1–2 раза за лето, причем среди орнитологов долгое время шла дискуссия, могут ли эти птицы делать в России по две кладки за сезон. Ответ на возникший вопрос мне дал господин случай, когда в начале августа 1964 г. в Полесье на севере Украины были найдены 2 свежих яйца, отложенных в гнездо, из которого недавно вылетели птенцы первого выводка, оставившие на бортах лотка валик свежего помёта.

Много беззащитных гнезд горлицы в лесах погибает от хищников, непогоды и других причин, и успешность размножения этих птиц составляет обычно не более 40–70%, т.е. из гнезд вылетает в среднем примерно 1 птенец на пару. Но даже при этой, в общем-то, очень невысокой плодовитости горлицы долгое время поддерживали свою значительную численность, несмотря на интенсивную охоту на этих птиц осенью во время миграций. Это объяснялось, вероятно, их слабой уязвимостью для природных хищников благодаря очень быстрому, стремительному, манёвренному полёту, позволяющему горлицам избегать когтей различных ястребов, соколов и других орнитофагов.

Так, по данным С.Г. Приклонского, в гнёздах ястребатетеревятника в Окском заповеднике в середине XX века среди 188 добытых хищниками птиц оказалось всего 6 горлиц, у перепелятника – из 108 птиц обнаружили лишь 4 горлицы, а у канюка – из 459 птиц только 13 горлиц, причем, по всей видимости, – молодых, поскольку взрослую горлицу канюк вряд ли словит.

Кроме обыкновенной, в России обитает ещё 3 вида горлиц: большая, малая и кольчатая, а из Китая в Приморье изредка залетает пятый вид – короткохвостая горлица. Большая горлица внешне очень похожа на обыкновенную, только слегка крупнее. Сходны эти виды и экологически. Распространена большая горлица в Сибири и юго-восточной Азии. В конце XX века она, как и обыкновенная горлица, испытала очень резкую депрессию численности,

тоже связанную, вероятно, в основном с массовым выловом птиц сетями на зимовках в южной Азии. Но в последнее время, по сведениям В.В. Рябцева из Прибайкалья, популяция большой горлицы начала восстанавливаться, что связано, по-видимому, с законодательным ограничением лова птиц в Китае.

Другой вид – кольчатая горлица – хорошо известен, наверное, во всём мире. Ей были посвящены сотни и тысячи газетных и журнальных публикаций и книг, описывавших ход ее расселения в Европе в XX веке. Известна также древняя легенда, связанная с казнью Иисуса Христа, объясняющая появление этой птицы на Ближнем Востоке, в Палестине в начале новой эры.

Рассказывают, что когда Иисуса вели на Голгофу с тяжким крестом на плечах, на обочине дороги встретилась торговка, которая в ответ на просьбу налить кружку молока потребовала у Иисуса 18 монет. А после его распятия жадная женщина превратилась в птицу, которая до сих пор летает, повторяя «Восемнадцать, восемнадцать, восемнадцать...». Позже этой птице дали и латинское название *Streptopelia decaocto*, т.е. в переводе «ожереловый голубь – восемнадцать». Слово «decaocto» слышалось в ворковании этой горлицы, вероятно, римлянам – завоевателям Палестины. При определённой доле фантазии его и сейчас можно разобрать в ее пении, хотя для нас оно больше воспринимается как приглушенное кукование: «ку-куууу-ку, ку-куууу-ку, ...». И жители Южной России, впервые увидевшие в конце XX века эту незнакомую птицу, иногда называли ее «кукушкой», а некоторым слышалась в ее крике даже знакомая «чекушка».

Прославилась же кольчатая горлица своим неожиданным, необычайно стремительным и не до конца объяснённым спуртом – расширением гнездового ареала, широкой экспансиией в Европе. До начала XX века она обитала на Ближнем Востоке и Балканах, но в 1930-е годы начала быстро расселяться с Балкан на север, запад и восток, заселив вскоре почти всю Европу к северу до Скандинавии и на восток до Урала и Зауралья. Интересно, что и на Ближний Восток эта горлица проникла, вероятно, в результате такой же быстрой экспансии в начале новой эры из Индостана, где находилась ее метрополия. Именно неожиданное вселение горлицы в Палестину и привело к возникновению легенды, связавшей появление нового вида птиц с казнью Иисуса.

Русское же название кольчатой горлице присвоили за чёрное полуколечко, хорошо выраженное на зашейке. Общая же ее окраска светло-кофейная, с широкой белой каймой на конце хвоста. Обитает эта горлица, в отличие от обыкновенной, в основном возле человека – в садах, парках и скверах городов и сёл, гнездясь обычно на деревьях, но иногда также на различных строениях.

Непоседой оказалась и малая, или египетская горлица, которая распространена в Африке и на юге

Азии, оттуда краем ареала заходит в Среднюю Азию. Но в XX веке малые горлицы появились также в Азербайджане, а потом с товарняками, возившими зерно в Армению, они проникли в Ереван, где этих птиц наблюдали, по словам В. Ананяна, вылетающими из прибывавших на станцию вагонов. В конце 1970-х годов малые горлицы начали расселяться из Азербайджана и в Дагестан, на север, заселив за 20 лет всё каспийское побережье вплоть до Махачкалы. А затем их стали замечать и в других регионах Предкавказья: в Северной Осетии, в Ставропольском и Краснодарском крае, в Калмыкии.

Малая горлица, как и кольчатая, живёт только рядом с человеком, причем чаще селится не на деревьях и кустах, а на постройках, устраивая из тонких прутиков такое же, как и у других горлиц, рыхлое, примитивное гнездо под карнизами крыш, за наличниками окон, на различных выступах стен домов, сараев и т.п. Малая горлица похожа на кольчатую, но заметно меньше, а вместо чёрного полукольца у нее по бокам шеи расположено небольшое пёстрое пятно, напоминающее «иконку» обыкновенной горлицы.

Исконная родина всех горлиц – Африка и Южная Азия, где обитает ещё 13–14 видов, которые внешностью и экологией во многом напоминают наших птиц. Лишь два вида – розовый голубь и мадагаскарская горлица – несколько выделяются своими размерами и строением, и их иногда относят к особому роду. Кроме того, в Африке известна своеобразная смеющаяся горлица (*Streptopelia risoria*), которая разводится во многих странах как клеточная птица, но в природе не встречается. Обычно её считают одомашненной формой дикой смеющейся горлицы (*Streptopelia roseogrisea*), распространенной в саваннах на севере Африканского континента.

Можно полагать, что некоторые из этих субтропических птиц со временем, в связи с нынешним потеплением климата, проникнут и к нам на север, в Россию, как это происходит сейчас в Приморье с индокитайской короткохвостой горлицей (*Streptopelia tranquebarica*), или с африканской капской горлицей (*Oena capensis*), недавно залетевшей в Абхазию, а также встреченной однажды в аэропорту Махачкалы в Дагестане.

В.П. Белик

Журавли – птицы 2020 года

В связи с критическим состоянием журавлей Восточной Азии, Дальневосточное отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) предложило объявить наступающий 2020 год Годом дальневосточных журавлей, чтобы содействовать сохранению этих редких птиц и мест их обитания. Международный фонд охраны журавлей (МФОЖ) поддержал эту инициативу и в декабре 2019 г. на совещании по разработке стратегии сохранения журавлей Восточной Азии объявил 2020 год – Годом журавлей.

Эту идею подхватили Союз охраны птиц России и Рабочая группа по журавлям Евразии. Несмотря на то, что серый журавль уже был Птицей года в 1998 г. (тогда проходил международный учёт журавлей), в 2019 г. на Годичном собрании Центрального Совета Союза решили, что все виды журавлей, обитающие в России, заслуживают повышенного внимания.

Журавли – общее название представителей семейства Журавлиные, включающего 15 видов. Они обитают на всех континентах, за исключением Южной Америки и Антарктиды. Само слово «журавль» в языках многих народов звукоподражательное,озвучное курлыканью журавлей, в котором прослеживается звук «р». Это российское «журавль», «журка», «журавушка», «курлыка»; украинское «журавель», латинское «grus», греческое «геранос», английское «crane», немецкое «kranich», французское «grue», испанское «grulla», монгольское «торо». На тюркских языках журавль – «тырна», «дорна», «дурна». По-японски название этой птицы «цуру», чтоозвучно якутскому названию журавля

«туруйя». Однако, к японскому журавлю у японцев особое отношение, и называют они его «танчо». Только в китайском языке в слове, обозначающем журавля, нет звука «р» – «хо» или «хэ».

В видовых названиях журавлей отражены или цвет оперения – серый, чёрный, черношейный, или страны и места их обитания – канадский, американский, индийский, японский, австралийский, даурский. Венценосные журавли получили свое название из-за длинных золотистых перьев на голове, образующих корону. Красавок называют так за украшающие удлинённые перья на голове и шее, а серёжчатого журавля – за уникальные «серёжки» – два длинных кожистых отростка под подбородком, покрытых мелкими перьями. Стерха на разных языках называют белый журавль – по цвету оперения, или сибирский – по месту обитания в Сибири, а по поводу происхождения названия «стерх» существуют разные версии. Одна из них заключается в том, что название этой птицы введено при первоописании П.С. Палласом (1773) и основано им на немецком слове «storch» (аист), попавшем к населению Сибири от немецких исследователей природы, приглашённых Петром I в начале XVIII в. По другой версии слово «стерх» – древнее и своим происхождением восходит к древнеславянским корням. В древнерусском языке слова «стърхъ», а в старославянском «стърхъ» сохраняют общеславянский корень «str» в значении «скорость» и «божественность», «ster» – «ссеющий бог». Это название сибиряки использовали задолго до П.С. Палласа. В Якутии стерха называют «кытальк», чтоозвучно

Журавли мира (слева направо): даурский, японский, серый, индийский, австралийский (задний план), американский, восточный венценосный (передний план), серёжчатый, черношейный (задний план), райская красавка, стерх, чёрный (задний план), красавка (передний план), канадский, западный венценосный, птенец стерха. Художник Дэвид Рэнкин. Постер предоставлен Международным Фондом охраны журавлей

звукам его дуэта – «кы-та-лы, кы-та-лы». По другой версии якутское название произошло от якутского слова «кылы», что означает подпрыгивание на одной ноге, при этом вторая нога должна быть приподнята и согнута в колене – так подпрыгивают стерхи во время танцев.

Журавли – крупные стройные птицы на высоких ногах, с длинной шеей и относительно широкими крыльями. Самый высокий из них – индийский. Его рост достигает 180 см, размах крыльев – 240 см. Самый массивный – японский журавль: взрослые птицы весят до 10–12 кг при высоте чуть больше 150 см. Самый мелкий журавль – красавка. Его рост не превышает 95–97 см, а масса тела – 3,5 кг.

Окраска журавлей более или менее однотонная, серая, иногда с дополнительными белыми или чёрными участками на шее и голове. Контрастную окраску, сочетающую белые и чёрные участки оперения, имеют только три белых журавля – стерх, американский и японский. Окраска молодых птиц обычно менее яркая, размытая, сероватая, к трём месяцам рыжеватые перья сохраняются только на голове и шее. У белых журавлей молодые трёх-четырёхмесячные птицы имеют белую окраску с ярко-рыжими пятнами.

У всех журавлей, за исключением венценосных и красавок, на голове есть голые участки красной кожи, покрытой бугорчатыми выростами и волосовидными жёсткими щетинками. Ещё одна отличительная особенность журавлей – трёхстепенные маховые перья крыла. Они заметно удлинены, часто рассечены и несколько изогнуты, образуя подобие «хвоста» или своеобразного «шлейфа», прикрывающего рулевые перья. Интересна особенность линьки: раз в два года журавли, за исключением красавки, сбрасывают все первостепенные маховые перья и теряют способность к полёту. Обычно это происходит во время

насиживания и выращивания птенцов, когда журавли ведут очень скрытный образ жизни. У красавки, живущей в открытых степных местообитаниях, линька первостепенных маховых проходит постепенно.

Длинные ноги позволяют журавлям быстро передвигаться по болотам, перешагивая через кочки, разгуливать среди высокой травы. Длинные широко расставленные пальцы обеспечивают устойчивость тяжёлого тела и позволяют не проваливаться в мягкую болотную почву. Задний палец очень короткий, поэтому журавли, кроме венценосных, не могут сидеть на ветке, обхватив её пальцами, как цапли. Отсутствие отпечатка заднего пальца на почве – признак, отличающий след журавля от следа цапли. Между средним и внешним пальцами есть маленькая перепонка, которая помогает преодолевать вплавь глубокие участки. Даже птенец сразу после вылупления способен переплывать участки воды между кочками.

Клюв у журавлей прямой, острый, сравнительно длинный. Это универсальное орудие для добычи пищи: острым кончиком, как пинцетом, журавли могут подбирать с земли семена растений и собирать насекомых и моллюсков. Длинный сильный клюв позволяет ловить рыбу, добывать мелких млекопитающих и земноводных, выкапывать червей, личинок насекомых, корни и корневища растений. У стерха, специализирующегося на корневищах и клубеньках водных растений, которые он выкапывает из заболоченной почвы, клюв самый мощный. У наиболее сухопутной красавки, собирающей корм с поверхности земли, клюв относительно небольшой.

Издаваемые журавлями звуки разнообразны. Одни означают тревогу, другие служат сигналом к взлёту, третьи позволяют поддерживать связь в полёте, четвертые созывают птенцов. Мелодичное курлыканье, которое журавли издают в полёте, всегда впечатляло

людей, его воспевали в стихах и песнях. Соответственно настроению человека оно вызывает грусть или радость. Осенью журавлиные крики никого не оставляют равнодушным, настолько явно звучат в голосах птиц печальные нотки прощания. Весной, засыпав радостное курлыканье журавлей, на раздолье пробуждающейся природы зачастую выходила вся деревня. К птицам обращались с просьбами о плодородии, здоровье, благополучии в семье. Этот момент отражён в картине художника-передвижника А. Степанова «Журавли летят» (1891 г.).

Самый замечательный вокальный элемент журавлинного репертуара – это «дуэт», синхронно исполняемый супружеской парой. Начинает дуэт самец, самка вступает мгновение спустя, а затем дуэт воспринимается как единый голос, поэтому его часто называют унисональным. Дуэт удивительно музыкален, гармоничен, громок и слышен на расстоянии более двух километров. Громкость обеспечивает строение гортани, которая намного длиннее шеи и свёрнута в спираль. Она подобна духовым музыкальным инструментам, издающим громкие звуки за счёт свёрнутых в спираль трубочек. Дуэт звучит в особых случаях: в знак приветствия восходящего солнца, признания заключенного брачного союза, при появлении яйца в гнезде, вылуплении птенца, защиты своей гнездовой территории. Но прежде всего это средство коммуникации. Журавли оповещают, что данная территория занята. При этом виды, гнездящиеся на лесных болотах (серый, чёрный журавли), кричат значительно чаще, чем, например, более молчаливые стерхи – жители открытых тундровых местообитаний, которым для защиты своих гнездовых участков достаточен зрительный контакт с соседними парами.

При исполнении дуэта партнёры принимают очень красивую позу. Она специфична для каждого вида, но при этом у всех журавлей голова и шея подняты вверх, крылья подняты и полуразвернуты, а маховые перья опущены вниз. За позу, которую стерхи принимают во время дуэта, в Индии их называют «птица-лилия».

Язык поз у журавлей очень разнообразен. Наиболее примечательны угрожающие позы, исполняемые обычно перед атакой на соперника или врага – вышагивание на прямых ногах; стойка на носках пальцев, при этом шея напряжена и клюв упирается в землю; закидывание головы за крыло с синхронно издаваемым утробным звуком. Стерх при этом ещё и опускает одно крыло, со стороны, обращённой к врагу. При угрозе гнезду или птенцам журавли могут принимать позу раненой птицы – припадают к земле на полусогнутых ногах и с раскрытыми крыльями. При осмотре территории или при опасности журавли принимают насторожённую позу с вытянутой вверх шеей. Другие позы журавлей – это позы во время кормёжки, когда птицы кажутся немного горбатыми и их в это время можно на большом расстоянии спутать с отарой овец, поза отдыха и сна, часто на одной ноге, и ряд других.

Ещё одна примечательная особенность журавлей – танцы. Репертуар танцев составляют прыжки, перемежающиеся с пробежками и подбрасыванием палочек, крылья при этом полуразвернутые. Характерны многократно повторяющиеся движения шеи и головой вверх-вниз. Журавли исполняют танцы в любое время года, когда находятся в возбуждённом состоянии. Но в период гнездования танцы играют важную роль, так как помогают синхронизировать готовность к размножению.

У многих народов имитации танцев журавлей служат важной составляющей их культуры, особенно в странах, исповедующих буддизм – Японии, Корее, Китае и других странах Восточной Азии. В древности в Корее танцы журавлей исполняли в закрытых дворах монастырей. Сейчас их исполняют открыто, им посвящены ежегодные фестивали. При этом искусство исполнения танца передаётся по наследству. Главный исполнитель танца журавля в современной Корее, потомок танцоров, обучает этому танцу молодое поколение. В Бутане, во время ежегодного проведения фестиваля журавля, проходящего в монастырях в то время, когда черношейные журавли прилетают на зимовку, танец журавля – кульминация праздника. Танец стерха – неотъемлемая часть якутского фольклора «Олонхо»; его танцуют и коренные народы Западной Сибири, ханты и манси, для которых стерх – культовая птица. В Калмыкии танец журавлей исполняет национальный ансамбль «Ойрото».

Журавли – всеядные птицы, однако для каждого сезона существуют предпочтения. В гнездовой

Дуэт стерхов. Фото Т. Кашенцевой

период они кормятся главным образом животными кормами – мышевидными грызунами, птенцами и яйцами птиц, рыбой, рептилиями, амфибиями, крупными насекомыми, моллюсками и другими беспозвоночными, хотя в их рацион в это время включены ягоды и соцветия растений. В предмиграционный период, во время миграции и на местах зимовки основу питания составляют растительные корма – семена и проростки различных растений, в том числе, и культурных: пшеницы, ячменя, кукурузы, гороха, сои, проса, сорго и др. В это время большинство видов журавлей держатся на сельскохозяйственных полях. Стерх, в отличие от других видов, во внегнездовое время кормится в основном на мелководье корневыми клубеньками и корневищами водных растений. Однако в последние годы стерхов всё чаще встречают на убранных пшеничных и рисовых полях.

Летящие журавли отличаются от цапель вытянутой шеей, а от гусей – хорошо заметными длинными ногами. В полёте они выстраиваются в форме клина, при котором воздушные потоки от впереди летящей птицы облегчают полёт последующей. Наибольшая нагрузка приходится на лидирующего журавля, поэтому птицы регулярно перестраиваются. Молодые особи всегда летят внутри стаи.

Журавли начинают размножаться на третий – пятый год жизни. До достижения половозрелости молодые птицы держатся группами и в стаях, где происходит формирование пар. Журавли – моногамы, т.е. пары сохраняются в течение многих лет. Однако новейшие исследования показали, что птицы могут находить нового партнёра в случае гибели прежнего, а иногда и меняют партнёра. Полового диморфизма в окраске нет. Самки несколько мельче самцов, но в природе уловить этот признак трудно.

Основные гнездовые местообитания журавлей – болота и заболоченные участки лугов и пойм рек. Условно журавлей, обитающих в России, можно разделить на птиц открытых пространств (красавку, стерх, канадский, даурский и японский журавли) и лесных (серый и чёрный журавли). Чёрный журавль

Чёрный журавль – обитатель лиственничных болот. Фото Гуо Юминя

гнездится в таёжной зоне в лиственничных морях, которые в гнездовое время труднодоступны. Серый журавль наиболее пластичен и может гнездиться как в лесу, так и в лесостепной зоне в тростниках, окаймляющих водно-болотные угодья, а то и вовсе на открытых заболоченных участках среди сельскохозяйственного ландшафта или в межгорных долинах. Красавка гнездится в степи, но обязательно недалеко от водоема – озера, артезианского колодца, степного лимана.

В гнездовой период журавли строго территориальные птицы. Гнездовой участок птицы охраняют от вторжения особей своего вида; в него входит не только гнездо, но и окружающая территория в радиусе 1–3 км, где родители водят птенцов.

У большинства видов гнёзда – больше плоские платформы, построенные из сухой травы или тростника, с небольшим углублением в середине – лотком. Гнёзда располагаются на кочках или возвышениях и нередко окружены водой, так как ближайшая к гнезду растительность используется птицами для строительства. Наиболее сухолюбивая красавка гнездится вообще не строит, откладывая яйца в неглубокую ямку, по краям которой часто укладывает камешки, кусочки сухого навоза или травинки. В кладке журавлей два яйца. Кладки из трёх яиц иногда встречаются у красавок и венценосных журавлей и чрезвычайно редко у серого и даурского журавлей. После гибели первой кладки в начале периода насиживания журавли через некоторое время могут отложить повторную. Насиживают оба партнёра, длительность инкубации 28–32 дня. У большинства журавлей скорлупа яиц зеленовато- или коричневато-оливковая с красновато-коричневыми пятнами – под цвет прошлогодней травы.

Птенцы имеют золотисто-рыжую окраску со светлыми пятнами на верхней стороне тела, что также маскирует их под цвет прошлогодней травы. Птенец красавки отличается более серым пухом и светлой головой, что делает его незаметным в сухих степях. Масса птенцов при вылуплении около 140 г, но растут они очень быстро и к трём месяцам практически достигают размеров взрослой птицы. Развитие птенцов у журавлей происходит по полуводковому типу, т.е. птенцы, едва обсохнув, покидают гнездо и следуют за родителями (характерно для выводкового типа), но получают пищу от родителей (характерно для птенцового типа). Впрочем, птенцы уже в первые дни жизни учатся кормиться самостоятельно. Сразу же после вылупления второго птенца журавлята покидают гнездо и вместе с родителями бродят по своей территории в поисках корма.

У журавлей практически нет врагов в природе, но гнёзда ряда видов могут быть разорены енотовидной собакой, а птенцы съедены лисицей. Отмечены случаи нападения на журавлей крупных хищных птиц. На местах зимовки в Израиле молодые птенцы и ослабленные особи могут стать жертвой камышовых котов и кабанов.

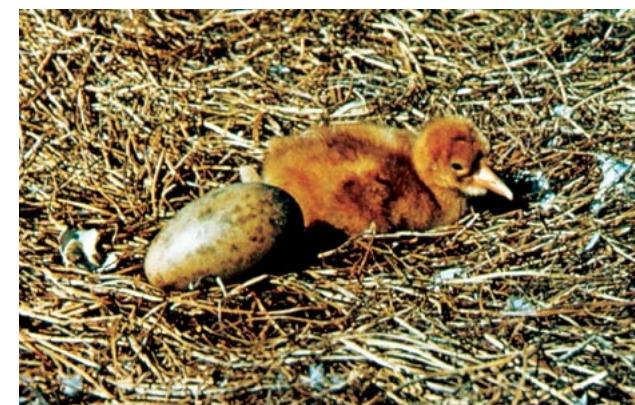
В августе–сентябре журавли с выводками собираются на традиционных местах в предполётные скопления, насчитывающие сотни и тысячи птиц. В это время, а также во время миграций и на зимовках, они ведут стайный образ жизни. Миграции требуют огромных энергетических затрат, поэтому основная задача журавлей в предмиграционный период – накопить жировые запасы. Наблюдения показали, что именно в стае журавли могут больше времени тратить на кормление и меньше – на оглядывание. Ведь в большой стае вероятность того, что кто-то заметит приближающуюся опасность, гораздо больше. Журавли очень осторожные птицы, незаметно подобраться к стае практически невозможно. На европейских гербах журавлей часто изображают с камнем в лапе. Восходит этот образ к легенде, по которой в отдыхающей стае одна из птиц сторожит покой остальных, держа в приподнятой лапе камень. Если птица засыпает, камень падает и будит ее.

Журавли России – перелётные птицы. Каждую осень они совершают дальние миграции на юг, а весной возвращаются на места гнездования. Самый дальний мигрант – стерх, который из мест гнездования на севере Восточной Сибири летит на зимовку на юго-восток Китая, пролетая до 8 тыс. км. Красавка, гнездящаяся в Восточной Азии – единственный из всех видов журавлей совершает миграции на высоте до 7 тыс. м над уровнем моря, пролетая на места зимовки в Индию над Гималаями.

Стратегия сезонных миграций журавлей заключается в перелёте на дальние расстояния с минимальными затратами времени и энергии. Для этого журавли, как и другие крупные птицы с широкими крыльями (орлы, аисты), используют воздушные термали – восходящие потоки тёплого воздуха. Используя их, журавли, планируя, поднимаются на значительную высоту. При благоприятном ветре, достигнув вершины термали, они начинают снижаться, также экономно планируя в направлении миграции, после чего отыскивают следующую термаль. Таким образом, почти не используя активного энергозатратного машущего полёта, журавли преодолевают очень большие расстояния за короткий промежуток времени.

Виды журавлей, обитающие в Африке, Индии, Австралии и странах Восточной Азии – оседлые. Журавли, гнездящиеся в горных долинах на высоте до 2–2,5 тыс. метров над уровнем моря, совершают вертикальные миграции на сравнительно короткие расстояния. К таким видам относятся черношейный журавль, а также закавказский и тибетский подвиды серого журавля.

Журавли – долгожители. Продолжительность их жизни в природе не известна, но в неволе зарегистрированы случаи, когда серёжчатый журавль прожил 36 лет, даурский – 45 лет, японский – 57 лет, а наиболее известный долгожитель – стерх по кличке Вольф –

Однодневный птенец стерха в гнезде. Фото В.Е. Флинта

около 70 лет. В буддизме журавли, наряду с черепахой и сосной – символы долголетия. Часто японских журавлей рисуют сидящими на сосне – это двойной символ долголетия. Известна японская поговорка «Журавль живёт 1000 лет, а черепаха 10000 лет». В Китае говорят: «Черепаха – это символ десяти тысяч лет, а журавль – тысячи поколений».

Ни одной птице, за исключением геральдического орла, не уделено в фольклоре и творчестве разных народов столько внимания, сколько журавлям. Изысканная элегантная внешность, удивительно музыкальный голос, особое чувство собственного достоинства и благородства – все это делает журавля культовой фигурой, заставляет людей приписывать им необычные свойства.

В России журавли – любимые народом птицы, символ родины, супружеской верности и долголетия. В христианстве – символ доброй жизни, верности, аскетизма; их называли «Божьими птицами». Существовала традиция оставлять специально для прокорма журавлей неубранной полоску пшеницы. Её называли «Христова бороздка».

Наиболее известен в нашей стране серый журавль – широко распространённая птица. Ему посвящено много стихов, песен, легенд, поверий, сказок и рассказов. С раннего детства маленькие дети знакомятся с этой умной птицей через пословицы, поговорки, стихи, сказки и рассказы. Наиболее знаменитая сказка «Лиса и журавль» рассказывает о том, как лиса и журавль в гости друг к другу ходили, и журавль перехитрил лису.

Для россиян улетающий осенью клин журавлей символизировал невероятную тоску по родному краю. Жители деревень порой долго бежали волнистые журавли к клину и кричали: «Колесом дорога!», чтобы птицы вернулись весной домой. Иногда говорили, что этими словами якобы можно задержать улетающих журавлей, а вместе с ними – и наступление холода. Весной русский народ почитал журавля как птицу всеобщего счастья и радости. Говорили: «Если кто весной в первый раз увидит пару журавлей – скоро гулять ему на свадьбе». Наблюдение целой стаи птиц

иногда считали знаком грядущего пополнения семейства или встречи с родственниками.

В России существует легенда, что души солдат, погибших в бою, переселяются в журавлей. Поэтому на многих памятниках погибшим воинам изображены журавли. Такие памятники можно встретить как в маленьких отдаленных посёлках, так и крупных городах. В Москве памятник с изображением журавлей поставлен в память погибших при террористическом акте в 2002 г. Превращению погибших в журавлей посвящено знаменитое стихотворение дагестанского поэта Расула Гамзатова, переложенное позже на музыку и ставшее известной всем россиянам песней. Эта песня всегда звучит на празднике, посвящённом победе России в Великой отечественной войне.

Почему же такие большие сильные птицы, практически не имеющие врагов в природе и любимые многими народами, так уязвимы? Из 15 видов 11 занесены в Красный список МСОП как исчезающие, находящиеся под угрозой исчезновения и уязвимые. В наиболее критическом состоянии находятся журавли с белым оперением – стерх, японский и американский. Из семи видов журавлей, обитающих с России, пять – стерх, японский, даурский, чёрный журавли и красавка – занесены в Красную книгу России. Два вида – серый и канадский – считаются обычными, но серый журавль занесён во многие региональные Красные книги субъектов федерации европейской России.

Основная причина, влияющая на сокращение численности многих журавлей – исчезновение и деградация местообитаний. Журавли не смогли выдержать пресса экономического развития. Строящиеся города, дороги, линии электропередач, загрязнение, осушение водно-болотных угодий, зарегулирование рек

Птенец красавки. Фото О. Горошко

и строительство дамб, влияющих на гидрологический режим болот и рек, применение ядохимикатов в сельском хозяйстве – этот список можно продолжать и продолжать. Наряду с антропогенными факторами, долговременная засуха привела к исчезновению мест обитания птиц, открытых пространств – японского и даурского журавлей и красавки. Практически во всех странах, где обитают журавли, за исключением Канады и южных штатов США, установлен запрет на их добычу. Однако нелегальная охота в Пакистане и Афганистане привела к критическому состоянию западносибирской популяции стерха. Её численность оценена в 10–20 птиц и уже более 10 лет на зимовку в Иран прилетает одна птица, а на местах зимовки в Индии с 2002 г. стерхи отсутствуют. На входе в национальный парк Кеоладео, где ещё в 1960-е годы зимовало около 160 особей, стоит монумент со словами «В вашей следующей жизни вы можете стать угрожаемым видом. Давайте сохраним стерха!». Во время миграции через Пакистан и Афганистан в Индию, и через Саудовскую Аравию на зимовку в Северо-Восточную Африку, гибнут тысячи серых журавлей и красавок.

Международный год журавлей в 2020 г. и акция «Журавль – птица года» в России призваны обратить внимание на современное состояние журавлей и помочь сохранить этих удивительных птиц.

Чем вы лично можете помочь журавлям?
Узнайте больше о журавлях и их местообитаниях. Знания помогут принять правильные решения в деле сохранения редких видов. Расскажите о журавлях друзьям и знакомым, а также охотникам, рыбакам и фермерам. Принимайте участие в создании и распространении информационных листовок, в проведении акций, литературных конкурсов и конкурсов рисунков, выставок творчества, посвященных журавлям. Участвуйте в природоохранных акциях, таких как «День журавля», «Весна идёт!», «День птиц», «Международный день мигрирующих птиц», «Международный день охраны водно-болотных угодий». Они помогают расширить знания, широко распространить их и вовлекать как можно больше людей в сохранение нашей уникальной природы. За помощью обращайтесь в Рабочую группу по журавлям Евразии и Союз охраны птиц России.

Если вы стали свидетелем нелегальной охоты на журавлей, сообщите в природоохранные организации вашего района, области или в Общество охотников и рыболовов.

Вместе мы сохраним этих прекрасных птиц!

Использованная литература:

В.Е. Флинт. 2005. 101 вопрос о журавле. М., Рабочая группа по журавлям Евразии, 46 с.

Грищенко В.Н. 2005. Журавли в народных верованиях – Информационный бюллетень Рабочей группы по журавлям Евразии, 9: 114–119.

Е.И. Ильяшенко

Актуальные проблемы охраны птиц

Итоги Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Союза охраны птиц России, прошедшей 10–11 февраля 2018 года на базе Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева.

Юбилей можно отмечать по-разному. Союз охраны птиц России отметил своё двадцатипятилетие активной работой. Сохранение птиц требует мощного теоретического базиса, обосновывающего стратегию и тактику сохранения биологических видов и мест их обитания. Обсуждение ключевых аспектов охраны птиц России и стало темой встречи наиболее активных членов Союза, приуроченной к его четвертьвековому юбилею.

В гостеприимных стенах ставшей уже родной Тимирязевской академии собрались орнитологи со всей нашей страны – от Калининграда до Камчатки. Традиционно наиболее общие, заглавные темы обсуждались на открывающем работу Конференции пленарном заседании. Президент Союза Андрей Владимирович Салтыков сделал обобщающий доклад, показав основные достижения Союза за последние годы и особо акцентировав внимание на том, что ещё предстоит сделать, какие вопросы и проблемы в деле сохранения птиц остаются нерешёнными.

Анна Вадимовна Белоусова подняла давний и неоднозначный вопрос о подходах к выделению видов птиц для занесения в федеральную и региональные Красные книги. Продолжил рассмотрение «красно книжных» проблем Виктор Павлович Белик, проанализировав сложившуюся патовую ситуацию с утверждением списка видов для нового издания Красной книги России.

Вице-президент Союза Надежда Юрьевна Киселёва рассказала о массовых акциях, причём не просто осветила успехи, но и указала на «тонкие места», предложив дальнейшие сценарии развития этого направления деятельности. В том числе оценила перспективность набирающих обороты конкурсов, проводящихся на площадках социальных сетей.

Екатерина Сергеевна Преображенская подвела итог 30-летнего мониторинга зимующих птиц России по программе Евразийских Рождественских учётов «Parus». В завершении пленарного заседания Михаил Владимирович Калякин на примере работы Программы «Птицы Москвы и Подмосковья» осветил современные подходы по сбору первичной информации по редким видам птиц с привлечением большого количества любителей и использованием открытых онлайн баз данных. Он высказал мнение о перспективности распространения опыта Москвы и Подмосковья на всю территорию России.

Дальнейшая работа Конференции проходила в две-три параллели на секционных заседаниях. Среди пяти ключевых направлений, выделенных в разные секции, наиболее обширной, включившей в себя аж три заседания, стала секция «Редкие виды птиц и их охрана». На ней продолжилось обсуждение проблем ведения региональных Красных книг (Брянская, Рязанская, Ивановская области, Республика Калмыкия). Эльдар Анверович Рустамов сделал доклад о редких и исчезающих видах птиц, занесённых в Красную книгу Туркменистана. Много внимания было уделено дневным хищным птицам, совам, обитателям водно-болотных угодий и степей.

Большой блок работ, посвящённых территориальной охране птиц, был разделён на две секции. На одной из них рассматривались и обсуждались доклады, касающиеся важнейшего направления деятельности Союза – выделению и сохранению Ключевых орнитологических территорий России (КОТР). Другая была посвящена не менее важному и острому вопросу – проблеме охраны птиц на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Не оставлено без внимания и экологическое просвещение. Ему была посвящена отдельная секция.

Участники Конференции. Фото В. Мельникова

Самый вкусный подарок. Фото В. Мельникова

На второй день продолжила работу самая обширная секция «Редкие виды птиц и их охрана», а также

Несколько слов о Конференции, посвящённой 120-летию Георгия Петровича Дементьева

С 27 по 30 сентября 2018 г. на Звенигородской биостанции МГУ прошла замечательная Конференция, посвящённая 120-летию Георгия Петровича Дементьева. В самом начале была сессия с воспоминани-
ями о нём, на которой выяснилось, что у каждого из орнитологов свой Георгий Петрович: у кого-то он автор книг о соколах и соколиной охоте, для других – очень глубокий систематик, для третьих – морфолог

Участники Конференции. Фото В.В. Гаврилова

проведено заседание, посвящённое острым вопросам взаимоотношения птиц и техногенной среды. И мощным заключительным аккордом прозвучали демонстрация фильма Андрея Салтыкова по итогам реализации проекта «Птицы и ЛЭП» и доклад Олега Бородина и Максима Королькова о развитии в России ветроэнергетического комплекса и возникающих в связи с этим проблемах сохранения птиц. В заключение была принята резолюция конференции.

Самый вкусный подарок Союзу к юбилею был преподнесён Михаилом Калякиным и Ольгой Волцит от имени коллектива Программы «Птицы Москвы и Подмосковья»: торт с эмблемой Союза – тонкоклювым кроншнепом.

Оргкомитет и Программный комитет конференции благодарят всех участников. Особое спасибо хочется сказать руководству и сотрудникам Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева и лично Любови Васильевне Маловичко, обеспечивших комфортную и эффективную работу.

**Председатель
Программного комитета конференции
Владимир Мельников**

Слева направо: Валерий Михайлович Гаврилов, Мария Георгиевна Вахрамеева (дочь Г.П. Дементьева), Георгий Вахрамеев (правнук Г.П. Дементьева), Эльдар Анверович Рустамов. Фото В.В. Гаврилова

и знаток поведения. И, главное, для всех он – учитель. И пусть мало кто из участников Конференции встречался с ним лично, зато у Георгия Петровича учились наши учителя.

В первый день в кулуарах были показаны фрагменты видеозаписи о праздновании 100-летия Георгия Петровича в Зоомузее МГУ. Как же сильно за 20 лет поменялось лицо нашей науки: ушли седобородые отцы-основатели, старой гвардии осталось очень мало. И что-то мало было в 1998 г. в Зоомузее молодёжи. 20 лет спустя число студентов и аспирантов сильно выросло, а главное, студенты все были очень толковые, они задавали вопросы, участвовали в заседании Мензбирского общества. Замечательно, что наш корабль продолжает держаться на плаву, и происходит это благодаря МГУ и ещё ряду замечательных вузов. К сожалению, среди наших учёных очень мало лидеров, объединяющих вокруг себя учеников и последователей, чаще учёные предпочитают «одиночный образ жизни». Как же повезло нашей орнитологической науке, что Георгий Петрович был настоящим объединителем и собирателем научных коллективов, он вырастил целую когорту учеников и последователей.

Была очень тёплая атмосфера, это тепло гениально умеет создавать директор биостанции, Валерий Михайлович Гаврилов, соединяя порядок и дисциплину с самыми демократичными принципами уважения всех живых существ, населяющих биостанцию – в том числе и четвероногих. И все мы это чувствовали.

Очень важным и запоминающимся было выступление дочери Георгия Петровича – Марии Георгиевны. Обязательно прочтите её простые и трогательные истории из жизни семьи Дементьевых, которые опубликованы в изданном к началу Конференции сборнике статей. Исторические артефакты, связанные

с Г.П. Дементьевым, сохранились и в семье Рустамовых – Эльдар Анверович Рустамов рассказал о дневниках Георгия Петровича из архива его отца, Анвера Кеюшевича, и даже продемонстрировал один из них.

У Конференции была разнообразная программа, это было очень по-дементьевски и очень полезно для участников. За короткий срок они могли ознакомиться с самыми передовыми и оригинальными исследованиями в различных направлениях орнитологии – в области палеонтологии, систематики, изучения динамики популяций, миграций, микроэволюции, поведения, биоакустики, охраны редких видов. Отлично встроились в тематику пленарные доклады, посвященные современным представлениям о сенсорных системах птиц, гнездовом паразитизме птиц, энергетике и экологическом феномене воробышных птиц, механизме поддержания фенотипической изменчивости природных популяций. Из своего очень плотного графика выкроил время и специально приехал Евгений Александрович Коблик с презентацией «Гималаи – «ключ» к пониманию разнообразия и таксономии азиатских пеночек (*Phylloscopidae*)».

Открытием для меня стала работа А.С. Опаева об отсутствии экологической сегрегации и межвидовой территориальности у трёх криптических симбиотических видов очковых пеночек. Если оставить за скобками, виды ли эти пеночки или их различия не достигли ещё видового уровня, это исследование даёт очень хорошую основу для изучения процессов видообразования. По-моему, автору и самому доставляло удовольствие рассказывать о результатах своей работы. К сожалению, мы очень мало обсуждаем доклады друг друга, и хотя вопросы задавались почти ко всем докладам, но горячих дискуссий не возникло.

Были две неповторимые изюминки Конференции. Одна из них – демонстрационные показы хищных птиц. Общение с сокольниками и их птицами было достаточно долгим, поэтому можно было понаблюдать за птицами в самые разные моменты – при кормлении, полёте, общении с хозяином. Наблюдения за взаимоотношениями хищной птицы и её хозяина показали, насколько подвижна психика у этих птиц, и как тонко, осторожно, бережно и с каким терпением должен взаимодействовать с ними человек. С птицей никак нельзя действовать силой, общение с ней – это тренировка выдержки и спокойствия. А когда сокольник поправляет на груди у своего сокола растрепавшиеся пёрышки, как любящий отец поправляет любимому дитяте растрепавшиеся волосы – это растрогает и заставит восхищаться любого.

Ещё один бриллиант Конференции – выставка Вадима Алексеевича Горбатова и его презентация «Птицы и изобразительное искусство». Вадим Алексеевич тонкий пейзажист, при этом птицы, становясь главными героями его картин, не теряют своей естественности. Вадим Алексеевич в течение часа раскрыл перед нами невероятную по своему богатству

и разнообразию галерею своих полотен, посвященных сюжетам с птицами, показал, как рождались его шедевры. Всем хотелось только одного, чтобы этот непрерывный поток красоты продолжался как можно дольше. По картинам Вадима Алексеевича можно изучать поведение и экологию многих видов, но это не главное. Все его картины полны любовью и восхищением жизнью природы. У каждого, наверняка, есть своя любимая картина Вадима Горбатова. У меня это «Старая лодка» – картина с куликом, садящимся на край старой карельской долбленики у берега. В ней есть недосказанность – сидят все-таки кулик или не сидят, есть грусть, есть надежда. Но главное – в ней есть гармония, которую никакими словами не выразишь.

А.В. Белоусова

Вадим Алексеевич Горбатов и Наталья Викторовна Лебедева. Фото В.В. Гаврилова

Онлайн-трансляция жизни сапсанов в Уфе

Сапсан – один из самых уникальных представителей мира птиц, великолепно приспособленный к высоким скоростям полёта. В середине XX в. учёные во всем мире били тревогу – численность вида стремительно сокращалась. Это происходило во многом из-за использования в сельском хозяйстве пестицидов группы ДДТ.

По пищевой цепочке этот яд попадал в организм сапсанов, накапливался в организме и приводил к утончению скорлупы яйца, которая уже не выдерживала веса насиживающей самки.

Сапсан – и поныне охраняемый вид, он занесён в Красную книгу России, включён в список угрожаемых видов Международного союза охраны природы (IUCN). Главные причины, негативно влияющие на численность этого вида – фактор беспокойства, браконьерство, неблагоприятные погодные условия.

Исторически первоначальные места обитания сапсанов – высокие скальные обрывы по берегам рек. Там им обеспечена безопасность от четвероногих хищников.

В последние годы численность этого вида значительно возросла, и птицы осваивают новые места обитания. Сапсаны стали гнездиться в городах, на крышах высотных зданий. В Западной Европе они селятся на соборах, жилых строениях, в США – на 14-50-этажных зданиях. Сейчас известно гнездование сапсанов в таких европейских городах, как Брюссель, Кальяри, Флоренция, Рим, Неаполь, Бонн, Берлин, Прага, Вена, София, Варшава, Москва и ряд других. В некоторых городах реализуются проекты по реинтродукции сапсанов.

Процесс приспособления редких хищных птиц к условиям трансформированной среды в последнее время находится под пристальным вниманием многочисленных исследователей в России и за рубежом.

Совершенно уникальная ситуация сложилась в столице Республики Башкортостан – Уфе. По наблюдениям местных орнитологов, на территории Уфы гнездятся как минимум 8 пар сапсанов. При этом предпочтение при выборе места для гнездования не связано с наличием по соседству природных биотопов. Сапсаны в Уфе легко приспособились к городской среде и занимают многоэтажные строения при условиях их близости к реке, достаточной высоты, наличия запасных площадок и присад.

Одна из пар выводит потомство на крыше главного офиса ПАО «Банк УРАЛСИБ» предположительно с 2006 г. (дата самого раннего снимка, запечатлевшего факт присутствия хищных птиц). Зная о редкости сапсанов, руководство Банка ежегодно ограничивает работы по очистке фасада здания в гнездовой сезон.

В 2019 г. башкирские орнитологи и специалисты регионального отделения Русского географического общества в рамках проекта создания «Атласа птиц города Уфы» получили уникальную возможность сбора научных сведений о гнездовой жизни сапсанов при практически полном отсутствии беспокойства птиц. Банк УРАЛСИБ профинансировал дорогостоящий проект по покупке видеокамеры, её установке и ведению онлайн-трансляции гнездовой жизни сапсанов.

Процесс установки камеры проходил в апреле 2019 г. в несколько этапов, чтобы не навредить птицам и не погубить кладку. Камера крепилась к вершине металлической трубы, а та, в свою очередь, прикреплялась к лестнице на крыше непосредственно над гнездом. Трубу покрасили в тот же цвет, которым была окрашена лестница. Сапсаны, конечно, волновались и пристально следили за манипуляциями

людей. Но как только люди ушли с крыши Банка, самка тут же слетела к кладке и села насиживать. В кладке сапсанов было 4 яйца – это хороший показатель благоприятности условий размножения.

Трансляция гнездовой жизни сапсанов в режиме реального времени шла с 14 мая по 1 июля 2019 года. Появление первого птенца камера зафиксировала 20 мая, второй вылупился 21 мая. Третий, появившийся 23 мая, к сожалению, погиб при резкой смене погоды, как и четвёртый птенец, который погиб в яйце.

В возрасте 3-х недель – 11 июня – орнитологи осмотрели птенцов и окольцевали их, аккуратно закрепив на лапках цветные кольца. По традиции птицам дали имена, связанные с местом обнаружения кладки. Двух молодых самочек назвали Уралочка и Сибирь.

В последнюю неделю июня оба птенца успешно встали на крыло. Сначала старшая Сибирь (номер D057) стала запрыгивать на бортик выступа крыши, а затем и Уралочка (номер D058) последовала примеру сестры. Первый настоящий полёт они совершили во вторник 25 июня. Новым местом, где держались слёtkи, на 3 дня стала крыша пристройки к главному зданию УРАЛСИБА (уровень 3-4 этажей). 27 июня соколята приземлялись на землю рядом с Банком: прохожие видели их на остановках, возле аптек и кафе. В этот день сотрудники Хозяйственной дирекции Банка дважды подбирали птиц и в коробке заносили обратно, на выступ крыши пристройки. У старшего птенца даже подозревали травму крыла, но опасения оказались напрасными. Под вечер обход территории вокруг здания сделали орнитологи и волонтёры проекта. Всё семейство было замечено на крышах домов ближайшего жилого квартала. Родители учили детей охоте.

1 июля трансляция с крыши была остановлена. За это время её посмотрели более 80 000 посетителей. Судя по диалогам в чате, за жизнью уфимских птенцов следили не только в России. Комментарии оставляли орнитологи и любители дикой природы из Украины, Казахстана, Нидерландов, Германии, США и Канады.

В международной практике чат онлайн-трансляций подобного рода обычно закрыт. Но Банк не стал

Справка:

ПАО «БАНК УРАЛСИБ» (генеральная лицензия Банка России №30 от 10.09.15) входит в число ведущих российских банков, предоставляя различным и корпоративным клиентам широкий спектр банковских продуктов и услуг. Банку присвоены рейтинги международных рейтинговых агентств: «B+» Fitch Ratings, «B» Standard&Poor's и «B2» Moody's Investors Service, а также рейтинг Аналитического Кредитного Рейтингового Агентства (АКРА) «BBB-» (RU).

Атлас птиц города Уфы – научно-исследовательский и социальный проект, участники которого узнают и делятся с уфимцами информацией о птицах, населяющих город и его окрестности. Участники создают интерактивную карту, которая показывает, где вероятнее всего можно встретить тот или иной вид птиц. Наблюдение ведётся под руководством профессиональных орнитологов <http://ufabirds.ru>.

Птенцам 18 дней. Фото Э.З. Габбасовой

отключать коммуникацию со зрителями. Благодаря распространению информации от активных участников общения, многие уфимцы вовремя сообщали сведения о передвижении птенцов в городе, что помогло обезопасить молодых птиц в день их первых тренировочных полётов. Очевидцы на улицах города стремились как можно скорее сообщить о местонахождении соколят в Банк или дозвониться орнитологам. Это было очень трогательным и осознанным проявлением внимания и заботы со стороны уфимцев к редкому виду птиц.

Позже из фрагментов видеотрансляции активисты проекта планируют смонтировать фильм, в котором озвучка, по просьбе иностранных наблюдателей, будет дублироваться субтитрами на английском языке.

Банк планирует продолжить трансляцию и в следующем году, а также провести работы по обновлению покрытия выступа крыши, на котором живут соколы (работы по очистке фасадов Банк теперь осуществляет только после взросления и вылета птенцов соколиного семейства).

По данным статистики YouTube:

Общее время трансляции – 48 дней.

Количество уникальных просмотров – около 85 000.

Трансляцию посмотрели в 7 странах: России, Украине, Казахстане, Нидерландах, Германии, США и Канаде.

Среднее время просмотра зрителем – 15 минут.

Каждый заинтересованный зритель посмотрел трансляцию примерно 4 раза.

Максимальное количество зрителей, одновременно следивших за происходящим – 130 человек.

65% зрителей составили женщины, мужчины – 35%.

Э.З. Габбасова, орнитолог, методист ГБУДО РДЭБЦ, П.Г. Полежанкина, к.б.н., орнитолог, биолог Геопарка «Янган-Тау», Г.Р. Волынкина, главный специалист Управления региональных коммуникаций филиала ПАО «Банк УРАЛСИБ» в Уфе
Фото летящего сапсана – П.Г. Полежанкина

Наблюдения за галками *Corvus monedula* с различными морфологическими аномалиями

В научной литературе и средствах массовой информации описано много случаев нормального существования птиц с разнообразными отклонениями в окраске оперения и морфологии, в том числе в результате травм или болезней (Березовиков 2018; Дворянов 2018; Домбровский 2007а, б, 2018; Корбут 2018; Лукашин 2018; Маловичко, Рахимов 2018; Назин 2018; Подковыркин 2006; Прокофьева 2006; Рахимов 2001 и др.). У галок чаще всего описывают гипертрофию клюва. Так, Д.В. Кулаков сфотографировал 9 апреля 2005 г. в парке города Череповца Вологодской области галку с удлинённым надклювьем. Эта птица в момент фотографирования вела себя активно и собирала строительный материал для гнезда вместе со своим партнёром, имевшим нормальный клюв. 6 августа 2009 г. в Орловской области также обнаружена галка, у которой надклювье сильно отросло, однако она вполне комфортно чувствовала себя среди своих сородичей. Отмечено, что птицы с морфологическими дефектами клюва и нижних конечностей бывают вполне упитаны и социально адекватны (Рахимов 2001; Резанов 2007). Накопление подобных фактов представляет большой теоретический интерес.

Материалы по морфологическим дефектам клюва и конечностей, а также цветовым аберрациям оперения птиц собраны с 26 июня по 26 июля 2019 г. Повторные исследования проведены в конце сен-

тября и в конце октября по 3 дня в микрорайоне Анненки города Калуги на площади около 2.5 км². Анненки расположены на северо-западе Калужской области в пределах Смоленско-Московской возвышенности в подзоне смешанных лесов. Близлежащие водоёмы – река Грязинка, озеро Резвансое (недалеко от впадения реки Угры в Оку), река Яченка, Яченское водохранилище (на юго-востоке за Калужским бором); к югу от трассы М3 протекает река Ока. На исследуемой территории обитает около 1000 галок, гнездящихся под крышами и в нишах многоэтажных домов. Кормятся галки в основном на пищевых контейнерах (на исследуемой территории имеется 14 точек сбора мусора).

Нами в макрорайоне Анненки встречено 12 галок с различными аномалиями и 7 галок с травмированными крыльями.

1. Галка с удлинённым надклювьем 29 июня 2019 г. встречена на балконе 5-этажного жилого дома. В дальнейшем она часто кормилась у торговых киосков в стае нормальных галок. В течение месяца она отмечалась на автостанции или у мусорных контейнеров. Люди подкармливали галок и голубей хлебом. Аномальная особь почти не отличалась поведением от других галок: была проворной и активной (фото 1).

2. Галка с аномально гипертрофированным надклювьем: длинным, тонким и загнутым книзу (фото 2).

Фото 1. Галка с удлинённым надклювьем. Анненки, Калуга. 22 июля 2019

Фото 2. Галка с аномально гипертрофированным надклювьем: длинным, тонким и загнутым книзу. Анненки, Калуга. 12 июля 2019

Фото 3. Галка с аномально гипертрофированным надклювьем. Анненки, Калуга. 8 июля 2017

Фото 4. Галка с аномально гипертрофированным надклювьем. Анненки, Калуга. 3 октября 2019

Фото 6. Галка с отсутствующей правой цевкой. Анненки, Калуга. 21 октября 2019

Фото 5. Галка с патологией пальцев на левой ноге. Анненки, Калуга. 20 октября 2019

Фото 7. Галка с патологией рогового покрова цевки. Анненки, Калуга. 24 июля 2019

Фото 8. Галка с вывернутыми вбок пальцами на левой ноге. Анненки, Калуга. 20 октября 2019

Наблюдалась ежедневно весь июль у мусорного бака на улице Вишневского, д. 6. В октябре нам она уже ни разу не встретилась. Галки искали что-то съедобное в мусоре, с ними держалась и эта аномальная птица. Кормилась обычно вместе с другими. Брать с земли корм она не могла, но приспособилась – наклоняла голову в сторону и подбирала корм боковой стороной клюва.

3. Галка с аномально гипертрофированным наклювьем: очень длинным, тонким и загнутым книзу (фото 3). Наблюдалась в течение всего июля и в октябре у торговых киосков и на автостоянке. Галки, грачи и сизые голуби постоянно отгоняли аномальную галку, и она научилась ловить бросаемые людьми кусочки хлеба на лету, после чего садилась на дерево и съедала корм. Довольно часто она не успевала схватить кусочек хлеба: её опережали другие галки и голуби. 3 октября, очевидно, эта же галка кормилась на постоянном месте у ларьков на автостоянке, но клюв её был уже сильно перекрещён, как у клеста (фото 4).

4. Галка с патологией пальцев на левой ноге (фото 5). Наблюдалась с июля по ноябрь на автостоянке и у мусорных баков. Птица перемещалась прыжками и заметно отставала от других галок, однако это не мешало ей ловко подпрыгивать за кусочками хлеба.

5. Галка с отсутствующей правой цевкой (фото 6). Встречалась ежедневно в течение июля и в октябре. Перемещалась по земле прыжками с длительными

остановками. При подкармливании ей редко доставался хлеб: опережали голуби и здоровые галки. Но если хлеб бросали непосредственно ей, то она подпрыгивала, ловила на лету и садилась на дерево, где съедала его.

6. Галка с патологией рогового покрова цевки (фото 7). Встречалась весь июль около киоска на автостоянке. В октябре не наблюдалась. Ничем не отличалась по поведению от обычных галок.

7. Галка с вывернутыми вбок пальцами на левой ноге (фото 8). Отмечена в течение всего периода наблюдений. Птица опиралась на одну лапу, второй ступала только на средний палец, сильно прихрамывая. Корм ей было трудно добывать: её отгоняли соседи.

Фото 9. Галки с лысиной на голове. Анненки, Калуга.
24 июля 2019

Фото 10. Галка с лысой головой и шеей. Анненки, Калуга. 22 июля 2019

Фото 11. Галка с лысой головой и шеей с коричневым оперением. Анненки, Калуга. 22 июля 2019

Фото 12. Галка с белыми перьями на крыле. Анненки, Калуга. 21 октября 2019

Фото 13. Захватывание корма галкой с дефектным клювом. Анненки, Калуга. 12 июля 2019

8, 9. Галки с лысиной на голове (фото 9). У одной из них проявляется частичный лейцизм (белые перья по телу – см. фото слева). Обе птицы наблюдались в течение всего июля у пищевых баков. Кормились в стае с другими галками на мусорных контейнерах и по поведению ничем не отличались.

10. Галка с лысой головой и шеей (фото 10). Наблюдалась в течение всего июля (перья не появлялись). Птица кормилась с стае с другими галками и голубями на мусорных контейнерах. Часто прилетала на автостоянку, но держалась обособленно от других птиц.

11. Галка с лысой головой и шеей с коричневым оперением (фото 11). Встречалась в течение всего июля (перья на голове и шее, как и у птицы № 10,

2019.07.27

Фото 14. Галка с лысой головой и шеей. 2019.07.27

2019.07.22

Фото 15. Галка с лысой головой и шеей. 2019.07.22

не появлялись). Отмечалась на мусорных контейнерах у общежития в стае с другими галками и голубями, которые иногда её отгоняли от источника корма.

12. Галка с белыми перьями на крыле (фото 12). Отмечена на мусорном контейнере у магазина. Отклонений в поведении не замечено.

13. Галки с травмированными крыльями. Отмечено 7 таких особей на мусорных контейнерах. Все испытывали затруднения в перемещении, поэтому большую часть времени сидели на деревьях или на земле.

Для всех рассмотренных случаев следует отметить, что летом при обилии корма поведение галок с морфологическими дефектами было вполне адекватным, даже птица с сильным дефектом клюва умудрялась брать корм (фото 12). Это позволяло таким птицам поддерживать нормальное состояние. При посещении этой территории 30 сентября – 3 октября 2019 оказалось, что галки с длинными изогнутыми клювами (за исключением одной) никогда не отмечены, как и лысые; а 29 октября не отмечено ни одной галки с дефектами клюва. Возможно, они погибли во время похолодания из-за трудностей сбора корма либо из-за преследования людьми (мы видели, что это делали подростки).

Л.В. Маловичко
Фото автора

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28,
Экспресс-выпуск 1853: 5482-5491

По следам чёрного дятла

Там, где нет людей, он скрытен, осторожен и совершенно бесшумен; появление его так же внезапно, как и исчезновение, а на присутствие указывают следы его колossalной деятельности. Это желна, или чёрный дятел – самый крупный и элегантный дятел, настоящий призрак наших северных лесов. Однако, не всегда он так призрачен: есть много моментов в его жизни, когда, не страшась никого, дятел заявляет о себе сильным стуком, слышным издалека, и звучным громким голосом. Об этих моментах его интересной биологии мы и будем говорить. Почти всё, о чём рассказано ниже, основывается на изучении следов жизнедеятельности, которыми этот вид щедро снабжал меня на протяжении более чем двадцати лет.

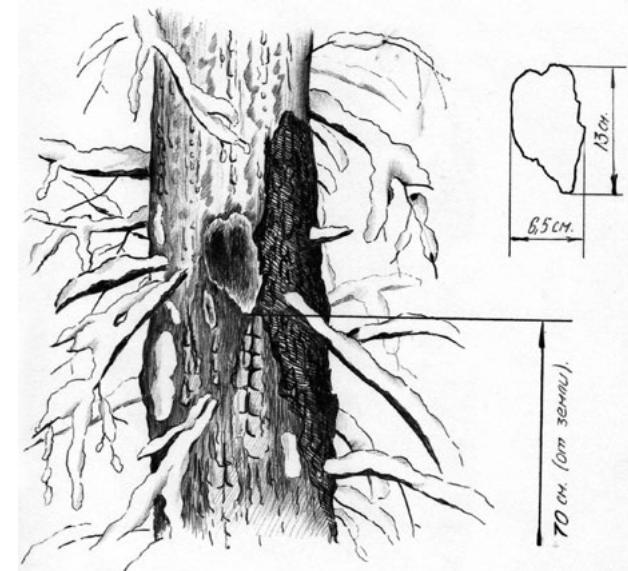
Чёрного дятла по своим размерам и силе можно смело ставить во главе всех дятлов России. Размером он едва ли не с ворону, но уже и в целом стройнее. Безусловно, он самый крупный и деятельный. Его не зря назвали чёрным: издали он чёрен, как сажа или грач. Но вблизи можно рассмотреть кое-какие цветовые различия. Оперение головы,

Чернильные пятна на стволе
попадающей ст. 2.12. 1993г.

спины, крыльев и хвоста условно матово-чёрные. Но на ярком солнце можно видеть, что спина и перья крыльев отливают тёмно-бурым блеском. Всё рыхлое оперение груди и брюшка скорее не чёрное, а чёрно-серое, цепкие лапы свинцово-серые. Самцы на голове носят красную «шапочку», цвет которой может варьировать от кроваво-красного до тёмно-бордового или вишнёвого. У самок вместо «шапочки» сдвинутый на затылок красный квадратик. Этим они и различаются. Но особенную красоту чёрному дятлу придают ослепительно белые глаза и мощный клюв. Его глаза, как замечено у меня в дневнике, с одной стороны, словно неживые, с другой – необычайно чарующие. Таких белых, словно искусственных, глаз нет ни у одной другой птицы.

В своей естественной среде обитания, в смешанных и таёжных хвойных лесах, вдали от человека желна – самый пугливый, осторожный и скрытный дятел. За редким исключением, он никогда не подпустит к себе близко. О присутствии желны в лесу наглядно говорят следы его размашистой деятельности. И если среди млекопитающих нашей средней полосы наибольшие преобразования в окружающем ландшафте оказывают бобры, то в мире птиц – чёрные дятлы. Желна способна если не преобразовывать ландшафт, то вносить в окружающую среду значительные изменения. Преобразования эти всё же не остаются незамеченными и влекут за собой определённые последствия для биотопов, где живёт этот дятел. Чёрный дятел – типичная оседлая

Две дятловины (большая и маленькая),
проделанные чёрным дятлом, или же
одной в смолистом стволе ст. (ум.).
Сентябрь – октябрь 1992г.
9г. Елово-ольховый лес. Комсомольский
район. Ивановская обл.

птица, и там, где он гнездился, он в большинстве случаев останется и зимовать. На тех участках, где стабильно обитает желна, следы её пребывания будут основным «наглядным пособием» по скрытой от человеческого глаза жизни этой птицы.

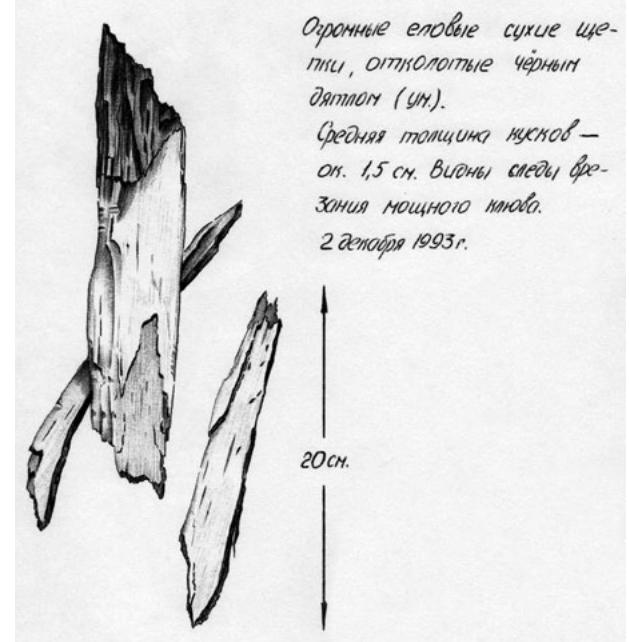
В процессе изучения кормовой деятельности этого дятла я осмелился выделить три её основные формы. Первая: продалбливание глубоких пробоин (дятловин) в ствалах и пнях разных деревьев, но преимущественно, берёз и елей; вторая: ошкуривание поражённых насекомыми-ксилофагами берёз и елей и третья, носящая частный характер: раздалбливание древесины чёрной ольхи в поисках зимующих там личинок перепончатокрылых. Все отмеченные формы применительны практически к зимнему сезону, а точнее – к периоду с поздней осени до весны.

Начнём с так называемых, дятловин – глубоких пробоин, нередко углублённых до сердцевины пней и деревьев. Некоторые дятловины, особенно в погибших или трухлявых деревьях (берёзах), достигают таких впечатляющих размеров, что туда можно засунуть голову. Ни один другой дятел не способен проделать такое. Цель выдалбливания подобных ниш, конечно же, кормёжка. Взрослые насекомые-ксилофаги, их куколки и личинки – вот главнейший корм для нашего дятла, особенно в зимний период. Здоровые деревья дятлы не трогают, только заражённые их участки или полностью поражённые стволы.

В середине октября 1994 г. я спугнул кормящегося дятла со ствала крепкой живой ели. Начиная

с подножия и до 2,5 м. в высоту её ствол имел десять свежих пробоин, разного размера – следы недавней деятельности желны. Все дятловины были характерны для чёрного дятла: прямоугольно-вытянутой или овальной формы с закруглёнными краями и клинообразно сужающиеся в глубину. Высота каждой пробоины колебалась в пределах от 8-12 до 18-20 см. Примечательно, что глубина долбления почти всегда соответствует высоте той или иной дятловины, из чего можно сделать предположение, что именно глубина залегания личинки определяет размер пробоин. Несколько днями позже на этой же если я обнаружил новую дятловину, которой желна и завершила работу на этом дереве. Пробоина располагалась в прикорневой части ели, совсем невысоко от земли, почти в громадном корне, исходящем далеко от ствола. Формой, пробоина была узким и ровным прямоугольником с сильно закруглёнными краями, шириной 6 см и высотой 18-20 см. (глубина соответствовала высоте). Поразительно, как птица одним клювом способна пробить смолистый здоровый, почти что, корень крепкой ели, да ещё и на глубину 20 см! Вдобавок отмечу, что даже в таких случаях отколотая желной щепа достигает впечатляющих размеров, до 50-100 мм. Для сравнения: один из самых крупных кусков более мягкой древесины погибшей несколько лет назад ели, отброшенный желной, имел в длину почти 30 см. Характерные дятловины в основании стволов крупных старых елей почти всегда выдалблививаются чёрными дятлами с одной целью – чтобы добраться до зимующих внутри дерева крупных древесных чёрных муравьёв или личинок еловых усачей. Это одни из главнейших объектов питания желны в зимний период в условиях высокостволовых хвойно-смешанных массивов.

Желна видоизменяет еловые стволы не только выбиванием в них дятловин, но и ошкуриванием.

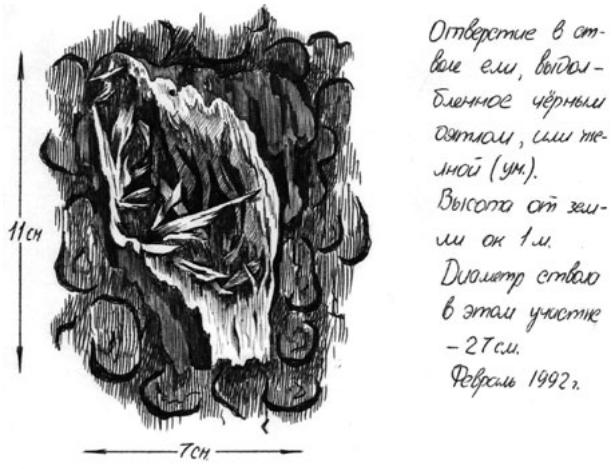
Трудно сказать, какие насекомые поселяются в подкоровом слое ели и привлекают дятла, но в какой-то степени мелкий жукок – короед-тиограф играет определённую роль в его питании. В этом его работа схожа с деятельностью желтоголового трехпалого дятла. Но если тот в состоянии отбить только небольшие куски коры, то желна швыряет их фрагменты размером не только с альбомный лист, а достигающие в длину и до полуметра. Она способна ободрать дерево снизу доверху. Ещё более часто то же самое чёрный дятел проделывает с берёзой, если та поражена уже другим короедом – берёзовым заболонником. Обычно он поражает старые и ослабленные берёзы, но при массовой вспышке численности перекидывается и на здоровые. Снаружи на белой коре видны вертикальные ряды чёрных отверстий, словно бересту просверлили дрелью, – это линия вентиляционных ходов, расположенных над главным, «маточным» ходом жука. Если ободрать кору в этом месте, то под дырками мы как раз и увидим главный вертикальный ход-жёлоб небольшой длины, от которого по обе стороны, как многочисленные щупальца, отходят поперечные тонкие ходы, в которых-то и зимуют личинки жука. Весь этот узор ходов очень напоминает рисунок микросхемы. Эти зимующие личинки, а также куколки заболонника играют в питании желны, как и белоспинного дятла, важнейшую роль в голодное зимнее время. При массовом заражении заболонником березняки ошкуриваются чёрными дятлами практически полностью. Нередко дятел срывает кору и с толстых ветвей. Размеры разбросанных под берёзами кусков бересты доходят до размеров тетрадного и альбомного листов, иногда и больше. На особо поражённых заболонником территориях одна желна способна внести существенные изменения в окружающий лесной ландшафт. Высокие старые берёзы, нередко лишённые коры до самой кроны, свидетельствуют о том, что на них поработал именно чёрный дятел.

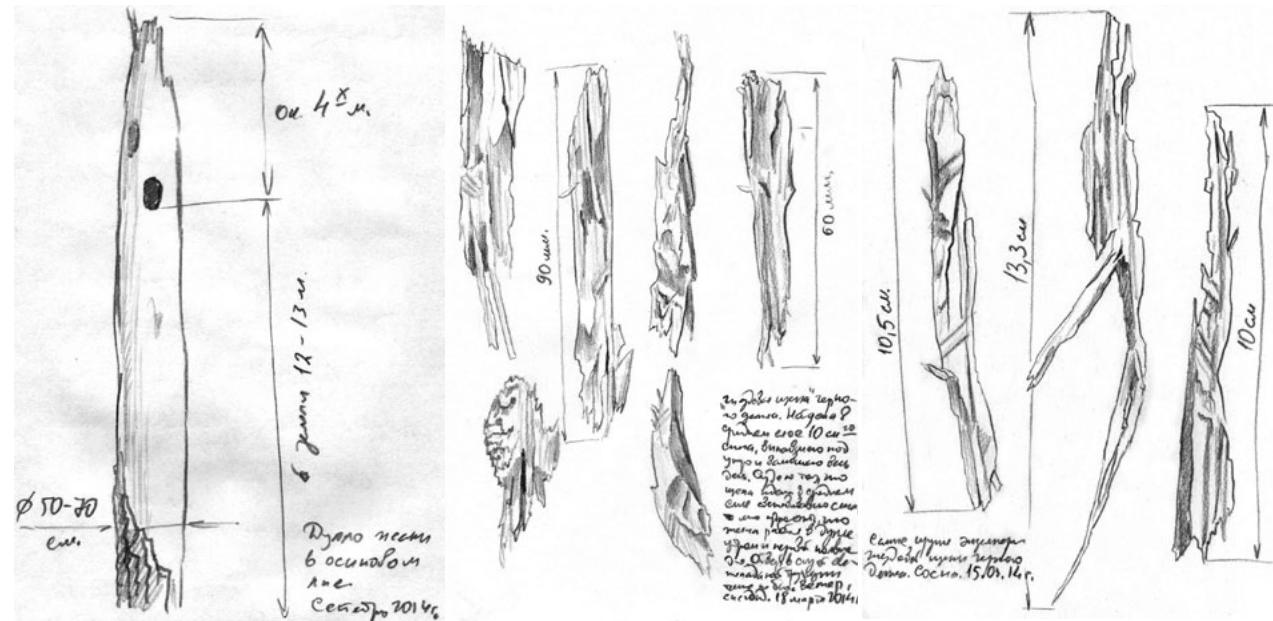
В середине марта 2015 г., ясным солнечным днём в заболоченном лиственном лесу, расположенным

в районе старых торфоразработок, в стволе спелой осины на высоте 10-12 метров я заметил дятловину, по всем признакам похожую на гнездовое дупло желны. Но это было не гнездо – крупный дятел в одном месте вскрыл зимнее убежище каких-то насекомых. Интерес представляла белая осиновая щепа, разбросанная по насту. Вся она, как одна, была почти стандартна, как по форме, так и по размерам. Длина каждого отколотого куска ограничивалась высотой дятловины и составляла от 11 до 14, при ширине 2,5-3,5 см. Именно впечатляющие размеры широкой и чётко прямоугольной щепы, а также сильно закруглённые, оббитые боковые края пробоины в дереве свидетельствовали против того, что это гнездовое дупло.

Гнездовое дупло чёрного дятла не имеет закруглённых краёв (ледокровно и аккуратно выбит), но, как и дятловины, оно овальное или прямоугольно-вытянутое. Ледок таковой формы, к тому же самый большой по сравнению с таковыми других дятлов, характерен только для желны.

Семейная жизнь чёрного дятла начинается с барабанной дроби, которую можно услышать ещё в солнечные дни февраля. И опять же, она самая сильная и громкая среди других дятлов. В утренние солнечные часы ранней весны отшельническая, скрытая жизнь чёрного дятла отходит на задний план. Дятлы становятся заметными. Они, как и все дятлы в эту пору, кричат, гоняются друг за другом. Их брачные голоса звучные и разносятся далеко; весенний клич желны – звонкое и громкое: «клы-клы-клы-клы-клы» – очень

похож на песню зелёного дятла. Жёлны, особенно самцы, ведут себя демонстративно, стараются показать себя друг перед другом. На ветки они уже садятся не вдоль, а поперёк, сама птица вся прогибается, шея вытянута, а голова и клюв смотрят вертикально вверх. Хвост чёрных дятлов не имеет по краям «сигнальных», полосатых пёрышек, потому нет необходимости его разворачивать и показывать друг другу.

Чёрный дятел относится к тем немногим видам птиц, которые начинают гнездостроение довольно рано. В марте желна начинает выдалбливать себе дупло. Очень познавательные данные по этому вопросу были собраны мной на участке гнездования пары дятлов в середине марта 2014 г. Случайно по свежей щепе я обнаружил строящееся гнездо в стволе огромной, почти 30-ти метровой сосны, стоящей особняком на восточной опушке старой хвойной рощи (здесь уместно отметить, что, как самый крупный дятел, желна и дерево для гнездования подыскивает под стать себе). Весна в том году была очень ранняя, с открытых мест к этому времени снег сошёл полностью, а потому день 15 марта скорее соответствовал апрелю. Трудно сказать, фенологические ли проявления природы сыграли роль в столь раннем гнездовании чёрного дятла или прочие обстоятельства. Возможно, в более затяжные вёсны гнездостроение затягивается. Любопытно ещё и то, что гнездо было сделано в 150 метрах от прошлогоднего, которое располагалось в такой же сосне на этой же окраине рощи. Скорее всего, оба дупла принадлежали одной и той же паре птиц. Гнездо размещалось примерно в поддереве, в 15 метрах от земли, в прямом и ровном стволе, лишённом ветвей до самой кроны. Леток был обращён на запад, в сторону тенистого леса; он смотрел в противоположную сторону от лесной дороги, проходящей всего в 20-30 метрах от дерева, что, вероятно, было

не случайным. Дорога была главным фактором беспокойства для птиц, поскольку по ней регулярно проезжали отдыхающие, грибники, рыболовы. Со стороны дороги дупла видно не было; возможно, так птицы решили обезопасить себя, устроившись подальше от посторонних глаз.

Спустя два-три дня после находки гнезда погода резко поменялась. Сильный западный ветер пригнал снежевые тучи. Два дня шёл снег, вновь наступила зима. Один вопрос не давал мне покоя: станут ли дятлы доделывать гнездо в таких жёстких условиях. Невзирая на снег, ветер и холод, вечером 18 марта я отправился на гнездовой участок дятлов. Уровень выпавшего снега колебался в пределах 10-30 см. К моему приходу работы по доделке дупла не производились. Все старые опилки под сосной были укрыты снегом. Поддев верхний слой, я обнаружил немногочисленную щепу. При толщине снега примерно в 10 см щепа везде одинаково лежала в среднем его слое. Это означало, что работа над гнездом не останавливалась несмотря на вернувшуюся зиму. Скорее всего, дятел работал утром. Следов-дырокочек от падающих в снег опилок также не было. В результате можно сделать вывод, что не погодные условия, а всё же адаптивные, биологические особенности чёрного дятла как вида определяют ранние сроки его гнездостроения и гнездования в целом. Так, в прошлом году 5 июня из лётка выглядывал последний (младший) птенец, почти ничем не отличавшийся от взрослых. А значит, в конце мая – начале июня птенцы уже покидают гнездо.

Несколько слов стоит сказать о гнездовой щепе чёрного дятла. Она строго индивидуальна, как, впрочем, и у других дятлов. Известно, что по щепе, выброшенной при строительстве дупла, нетрудно определить вид дятла. Гнездовая щепа желны – самая крупная, до 90, 110 и даже 135 мм длины, но очень узкая. Средние

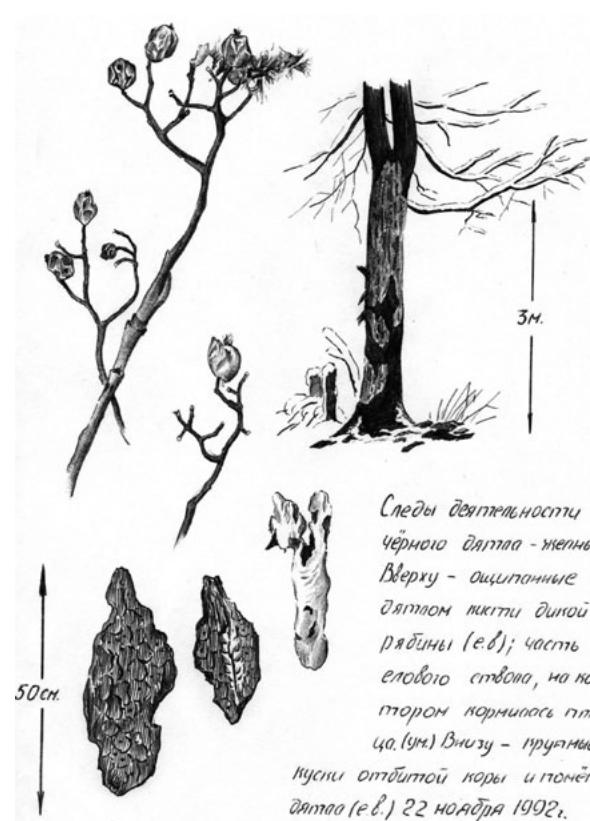
кусочки варьируют, от 20-30 до 60-80 мм. На щепе часто можно видеть вдавленные поперечные следы мощного клюва, откалывающего её, как рычагом, от древесины. Впрочем, это заметно и на кусках древесины, отколовых во время кормёжки.

Летом жёлны держатся несколько скрытно, но вновь они становятся заметными с приходом осени. В это время нередко слышишь их характерный заунывный («желнящий») протяжный голос: «клюю, клюю». Это значит, что дятел сидит на стволе дерева. В полёте чёрный дятел издаёт звучную и громкую трель: «юрль-юрль-юрль-юрль-юрль». Как только она прекращается, знайте – желна села на дерево.

Чтобы закончить повествование о желне и следах её деятельности, мне мысленно придётся перенестись в первую половину 1990-х гг., когда в течение всех зимних сезонов этого периода я имел возможность вести многочасовые наблюдения за зимней жизнью одной и той же самки чёрного дятла в заболоченном ольховом лесу – совсем несвойственном биотопе для этого, казалось бы, типичного обитателя высокостволовых хвойных массивов. О гнездовой её жизни я не располагал никакими данными, равно как и о том, как и где проводила она весь бесснежный период. Но уже в позднеосенние и все зимние месяцы желна регулярно появлялась на большой территории илистого, заболоченного леса, почти на сто процентов представленного чёрной ольхой и раскинувшегося в широкой пойме реки Ухтохмы. Надо сказать, были в разных местах этого обширного ольшаника и другие чёрные дятлы с красным пером

на голове, даже очень тёмного (вишнёвого) цвета, почти теряющегося в общей черноте оперения птицы. Но самцов почему-то я никогда не встречал. Каждую зиму самка дятла неустанно работала, разбивая усыхающие и отмершие стволы и пни чёрной ольхи. Однако здесь, в ольшанике, её главным кормом были уже не личинки еловых усачей или берёзового заболонника и не крупные древесные муравьи. Здесь была уже другая добыча.

В очередной раз за эту зиму я выходил на лесную поляну и останавливался, чтобы прислушаться. Впереди меня в ольховом лесу, раскинувшимся в обширном болоте, раздавались удары. Отчёлывый, но размежеванный и неторопливый стук был единственным звуком в тишине зимнего дня. И до того он напоминал звуки рубки деревьев, что, помню, первое время я принимал его за работу человека. На самом же деле, это работала птица. И в тот день я наконец услышал долгожданный стук – желна по-прежнему трудилась в лесу. Разогнавшись на широких лыжах, я скатился с поляны и быстро оказался в лесу. Но это ещё не был лес желны. Это был смешанный лес, больше представленный ольхой серой; её серые гладкие стволы не интересовали дятла, и я хорошо знал, что его здесь нет. Дятел был там, где росла ольха чёрная, в нескольких сотнях метров впереди, за широкой трассой высоковольтной линии электропередачи, разделяющей два этих массива. Наконец, я достиг и его. Обходя шероховатые ольховые стволы и полностью заснеженные ёлки, я даже на охотничих лыжах глубоко проваливался в лёгкий рыхлый

снег, буграми покрывающий болотные кочки. Кроме всего прочего, мой путь преграждали тонкие стволики черёмухи, изогнутые, как луки и погребённые вершинами в снег. То вырывая их лыжами, то пытаясь переступить, иногда скользя по гладким стволам и падая в снег, я мало-помалу продвигался вперед и, как сейчас помню, очень боялся спугнуть птицу. Наконец я вышел на свою старую лыжню, и идти стало легче. Удары дятла становились всё громче и отчёлывее, он был уже где-то рядом. Выдержав допустимую дистанцию, я спрыгнул в снег, разгрёб под ногами и, подложив обе лыжи, сел на них, как на лавочку. Достав бинокль и блокнот с карандашом, я стал искать птицу. Ещё издали, невооружённым глазом уловил движение – словно молоточек, бьющий по наковальне, на толстом стволе ольхи, сплошь разбитом птицей, на высоте 4-5 метров размежено мелькала большая головка дятла на почти невидимой тонкой шее. В бинокль я увидел «разрушителя» во всей красе. Вцепившись крепкими серыми пальцами в жёлтую древесину, подпервшись жёстким хвостом и чуть откинувшись назад всем телом, желна с большой силой врезалась в древесину мощным клювом, которым как рычагом откалывала ольховую щепу, швыряя её далеко в сторону. Удары дятла были сильными и отчёлывеими, но не мельтешили той быстротой, которая присуща более мелким видам, а наоборот, производились размеренно и, казалось, «обдуманно». Желна разбивала весь ствол по поверхности, показываясь то на «моей» стороне, то переползая на противоположную; постепенно, по мере долбления, дятел медленными, тяжёлыми скачками поднимался выше. Над этой ольхой он работал уже не первый день. Через час он покинул её. Я подошёл к дереву. Весь снег в радиусе 4 метров от ствола был продырявлен, словно решето, тысячами и тысячами ямок – следами от падавшей щепы. Многие щепки наполовину торчали из снега, лежа на слое более старых. Некоторые, не долетевшие до снега, висели в развилах молодой ольховой поросли. Наклонившись, я сгрёб горсть щепы. Она была крупная, в среднем составляла 7-8 см в длину; многие щепки достигали 10-12 см, а некоторые, самые длинные – даже 25 см. И почти на каждой из них были хорошо заметны поперечные следы от клюва дятла, врезавшегося в древесину и отжимавшего щепу от ствола.

Оставил дерево, я осмотрелся. Передо мной предстал оригинальный пейзаж, «с сотворённый» желной. Это был старый заболоченный лес, почти полностью состоящий из чёрной ольхи, восходящей в небо на высоту до 25 метров. Но в глаза бросалось не это. Кроме живых ольх, здесь было огромное количество мёртвых деревьев – стволов, лишённых крон, и пней от 3 до 15 метров в высоту. Почти все они желтели обнажённой древесиной – результатом давней и продолжительной работы чёрного дятла. Эти-то мёртвые и усыхающие деревья и пни, поражённые насекомыми, и привлекают сюда чёрных дятлов, превращаясь для них в идеальный и почти бесконечный обеденный стол на протяжении каждой зимы. Таких крупномасштабных следов кормовой деятельности этих птиц мне не приходилось встречать никогда. В поисках зимующих личинок насекомых желна на поражённых ольхах разбивает наружный слой древесины по всей высоте ствола, нередко от уровня снега (но обычно выше) и до 25 метров высоты. Стол же часто дятел продалбливает узкие дятловины, насколько позволяет небольшая толщина тонкого ольхового ствола. Только дятловины эти несколько иные, нежели в более основательных берёзах и елях, они тянутся по всей высоте ствола, образуя длинный жёлоб, пробитый до сердцевины. Такие желоба характерны для деятельности желны только на чёрной ольхе, нередко они тянутся непрерывной спиралью, охватывающей всё дерево до вершины. Иногда древесина наиболее поражённых участков разбивается дятлом изо дня в день настолько интенсивно, что в самых тонких и слабых местах дерево ломается и всей кроной летит в снег. В этом случае чёрный дятел превращается в истинного лесоруба.

Как-то по дороге в Ярославль в зарослях чёрной ольхи, тянувшихся вдоль шоссе, я не встретил практически ни одного целого дерева – каждый ствол и пень желтели вскрытым древесиной, над которой поработала желна. Это было очень впечатляющее зрелище.

Так что же служит источником корма для чёрного дятла в мёртвой и усыхающей древесине чёрной ольхи? Чтобы выяснить это, ещё тогда, в начале девяностых годов, я выпилил из повреждённых насекомыми стволов несколько поленец, после чего перетащил их домой, в тепло. Через несколько недель совершенно естественным путём вывелись взрослые насекомые и в один прекрасный день заполонили ящик, в котором были сложены «опытные» чурбачки. Это были перепончатокрылые, отдалённые родственники жалящих ос – наездники (вид которых не установил) и, главное всего, ольховые рогохвосты. Причём, наездники, скорее всего, паразитировали на многочисленных личинках рогохвостов, составляющих подавляющее большинство биомассы населения всех повреждённых ольховых пней и деревьев. Именно личинки ольховых рогохвостов длиной

1 – 1,5 см и были основным зимним кормом чёрного дятла в заболоченных ольховых лесах.

Вместо эпилога

Незадолго до написания этого очерка нас с бригадой железнодорожников направили на ремонт отдалённого участка пути, расположенного в лесной глухи. Стоял ясный морозный день. Мы оказались на территории заболоченного черноольшанника, раскинувшегося за зданием существовавшей когда-то

станции. Из леса доносился знакомый мне неторопливый, сильный стук. Прервав работу, я объяснил товарищам, кто это был. Большинство из них были поражены: ведь они, как и я когда-то, решили, что в лесу работает человек. Были и те, кто отнёсся к моим словам с недоверием. Я ничего не стал доказывать, а только невольно улыбнулся, ибо точно знал, какому лесорубу принадлежали эти сильные, но размеженые удары.

А. Субботин

ГАЛКА ГАЛЯ

Я вышел из дома и неожиданно увидел убегающего нелётного галчонка. Птенец выпал из гнезда и мог погибнуть от многочисленных соседских кошек и собак. Я взял его к себе домой для выкармливания и наблюдения. У меня большая библиотека биологической литературы, буквально тысячи книг, которые помогают найти ответы на любые вопросы.

Взял книгу по содержанию птиц в неволе, я быстро нашёл необходимую информацию о галках. Первым делом накормил дичащегося птенца. Затем достал специальные кольца и надел на лапу. Так я поступаю со всеми птенцами и взрослыми птицами, попавшими мне в руки. Понемногу галчонок стал к нам привыкать и уже сам начал, летая, просить

корм. Кричал он громко и пронзительно. Требовал всё больше и больше пищи по мере подрастания. Рано утром он будил меня, садясь на голову. Иногда птица касалась клювом закрытых глаз – казалось, она хочет мне открыть веки.

Как-то мы распахнули настежь окно, и галка вылетела на улицу. Там рядом с домом летали её родители, братья и сёстры. Однако, проголодавшись, птица залетела опять в квартиру и начала кричать, требуя корма. Я её накормил, она устроилась отдохнуть на шкафу.

Галку мы назвали Галей, и она всегда прилетала и садилась на плечо, когда её звали. Она теперь свободно летала около дома.

Однажды её не было целый день, и уже к вечеру мне принесли её всю мокрую.

Я отнёс Галю домой, накормил, и она уснула в комнате отдохнуть, закрыв глаза. Я знал, что прирученные галки подлетают и к чужим людям, как и к тем, кто их воспитывает.

А однажды наша Галя улетела и не вернулась. Мы долго её ждали у открытого окна, пока в квартиру не стал проникать холодный вечерний воздух.

Больше мы её не видели и, как всегда бывает в таких случаях, затосковали. Галки нам не хватало, несмотря на то, что жизнь с ней приносила массу неприятностей.

Все, кто держал дома животных, меня поймут.

**Е. Комлев,
с. Парфеньево**

К птицам за счастьем

Когда город бетонным варевом
Втиснет в сердце глухую тоску,
Улечу я на дюнны зарева,
На весеннюю птичью косу...

В. А. Паевский

Рано пришла в этом году весна, рано потянулись к местам гнездовий птицы – над Куршской косой разнеслось их многоголосье.

Протянувшись с северо-востока на юго-запад, коса задаёт естественное направление сезонных миграций, заинтересовавших в конце XIX века немецких орнитологов. В продолжение их работы, прерванной Второй мировой войной, в посёлке Рыбачий (ранее Росситтен) с 1956 г. действует Биологическая станция «Рыбачий» Зоологического института РАН (ЗИН). В 1957 г. сконструированы первые ловушки, предназначенные для массового кольцевания. Со временем для их установки выбрали более подходящее место – так появился полевой стационар «Фрингилла». Своё название он получил в честь зяблика (по-латыни *Fringilla coelebs*), завсегдатая этих краёв: среди более 3 млн птиц, окольцованных с 1957 г., 800000 составили зяблики.

Новые знания

Меня встретил доктор биологических наук, главный научный сотрудник ЗИН с птичей фамилией Соколов (для коллег он просто «Доктор»). Прекрасный рассказчик, умело вписывающий в своё повествование юмор и случаи из птицеловной жизни, Леонид Викторович перво-наперво показывает действующие ловушки, ориентированные навстречу преобладающим миграционным потокам (осенняя и весенняя). Их размеры впечатляют: высота – 15 м, ширина (на входе) – 35 м.

– Опоры ворот металлические, а раньше были деревянные. Дятлы повадились их долбить, те и не выдержали, – смеётся мой экскурсовод.

Леонид Викторович Соколов

Мы проходим до конца ловушки, испытывая 70-метровый маршрут, которым следуют залетевшие под покров рыбачьей сети птицы. Достигая концевой камеры, обратно они вылететь не могут. Пойманых птиц берут руками и помещают в деревянные ящики с отсеками (садки), сортируя по половому признаку, – так потом удобнее работать. Сейчас в одну из камер угодила зарянка. Эта птичка ведёт скрытный образ жизни, зато её песня в предрассветной тишине отчёлово слышна – и не до сна уже.

Орнитологи тоже просыпаются рано. У них свой ритм и ежедневный порядок. Сейчас на территории стационара работают 5 человек. Это оптимально – троим приходится непросто, особенно в период массового пролёта.

– Что значит изучать миграцию птиц? – спрашивает нас Арсений Цвей. – Понять, где они зимуют и размножаются, какими маршрутами летят и где останавливаются для отдыха и восстановления резерва. Для получения ответа на эти и другие вопросы нужна статистика повторных отловов птиц в районе кольцевания, которая заносится в журнал возвратов. Также важен обмен данными между орнитологическими станциями мира – они связаны между собой в единую сеть.

А теперь – к кольцевательному домику – деревянному строению с большими окнами, распахивающимися как в заставке к детским киносказкам.

– Это наша суперсекретная лаборатория, где мы кольцуем птиц, – заинтриговывает собравшихся Арсений, выглядывая из этого оконца.

Арсений Цвей

Ловушка

Все с любопытством рассматривают разной величины алюминиевые кольца (кольцо должно «гулять» – не пережимать кровеносные сосуды на лапке) и ожидают самого интересного – демонстрации процесса кольцевания...

Сотрудники ЗИН не только кольцают птиц, но и ведут научно-просветительскую (проводят экскурсии) и исследовательскую деятельность. Арсений изучает механизмы регуляции поведения птиц на уровне гормонов. Леонида Викторовича интересуют дальние мигранты – кукушки. Чем же они привлекли его внимание?

– Кольцевание не позволяет достоверно отследить маршрут миграции и зафиксировать точные координаты зимовок. Благодаря спутниковому передатчику (вес – 5 г), прикрепляемому к телу птицы, нам удалось установить, что все кукушки (по одиночке) летят в Африку. Те, что окольцованные у нас на Балтике, зимуют в Анголе, а камчатские кукушки – не в Юго-Восточной Азии, что было бы гораздо ближе, а в Намибии, и их путь составляет аж 17 тысяч км! Балтийские кукушки одним броском перелетают Средиземное море и Сахару, а восточные кукушки летят в Африку над Аравийским морем 3000 км без отдыха. Получается, что маршрут миграции записан в генетическую память, т. е. имеет место отражение исторического пути их расселения в прошлом с африканского континента.

Сезонность бытия

Жизнь орнитологов такая же сезонная, как и птичья. Одни улетают на зимовку, другие разъезжаются по домам и продолжают трудиться в стенах родного института, а с приходом весны они встречаются – люди занимательной науки и их пернатые подопечные.

– Наш полевой сезон продолжается 7 месяцев – с конца марта до конца октября, – поясняет Соколов. – В течение этого периода в ловушки попадают разные лесные птицы: зяблики, синицы, чижи, пеночки, корольки, славки, зеленушки, зарянки, скворцы, дроиды. Не удается миновать их и местным, гнездящимся на Куршской косе птицам, причём многие из них попадаются неоднократно. Из крупных птиц залетают ястребы, и лишь сову просто так не поймать – зама-

ниваем с помощью пищалки, имитирующей мышь. Однажды за ночь попалось 100 сов!

– А какой рекорд по числу пойманых в течение дня птиц?

– 9 тысяч – это был кошмарный день: птиц мы тогда не любили, и жить нам не хотелось. Один человек физически может окольцовывать тысячу, а дальше он уже не человек.

На мой вопрос о синей птице счастья Доктор ответил так: «Мы её однажды поймали – это была индиговая овсянка, обитающая в Америке. Вероятно, шторм на Атлантике скорректировал её маршрут».

– Особенные пернатые гости наведывались?

– В 1992 г. я поймал средиземноморскую славку – мы долго гадали, что это за чудо-птица с красным ободком вокруг глаз. Залетела златогузая каменка из Ирана и редкая птица из Сибири – синехвостка.

– А ополовники? – вспомнила я длиннохвостых пущистиков.

– 2000 год был урожайным – попалось 20000 птиц! Это интересный инвазионный вид синиц (то много, то ни одной не поймаешь) с постоянными стаями. Несколько выводков, а в них бывает до 12 птенцов, объединяются и вместе путешествуют. Причём они знают друг друга по голосам и, пока не выпустишь последнего попавшегося, не улетят – будут крутиться рядом. Порой намучаешься с ними, особенно в Рыбачьем: окольцовешь их, а они снова и снова попадаются в сети, и целый день синичий табор не может улететь. Залетела к нам как-то окольцованный в Эстонии стайка. Все 15 птиц оказались в наших ловушках – всех записали, ни одну не потеряли.

Обед, или Познание мира

В сравнении с периодом, когда летят тысячи птиц, а это поистине героические будни для сотрудников стационара, день не задался. Если холодно, птицы не полетят, задержатся. «Почему не везёт?» – с укором глядела я на подурневшее небо, в просторах которого носился и разгонял птиц северный ветер.

– Викторович, к тебе экскурсия, принимай, – заговорила рация, едва мы присели перекусить.

Измерение возраста чижка

Кулёк

– А ты говоришь, обед. Иногда туристов бывает больше, чем птиц.

Надев свою фирменную шляпу, украшенную значками и перьями орлана-белохвоста, он идёт встречать гостей.

Не проходит и пяти минут, приходит Арсений – они сменили друг друга, как по расписанию. Но это сегодня, а бывает, что и покушать некогда – настоящий конвейер.

– Как Вас закрутила птичья карусель? – спрашиваю я.

– Когда я учился в восьмом классе, мне подарили зеленушку. Я наблюдал и постепенно углублялся в эту тему. По большому счёту не важно, кого изучать – птиц, рыб или червей, – интересно познавать любую область биологии. Я остановился на изучении физиологических основ и эндокринной регуляции миграционного состояния. В том числе меня интересует изменение поведения птиц во время миграции, как они накапливают жир, каковы энергетические затраты на полёт, почему они летят в определённое время суток, сколько пролетели и т. д.

В Рыбачьем

Мы сразу пошли проверять паутинные сети (путанки). Во избежание травмирования и даже гибели птиц это необходимо делать как можно чаще. Вынимание птиц из таких сетей – процесс трудоёмкий, требующий знаний и навыков.

Бедолаге-зяблику нужна помощь. Хорошо, что рядом Леонид Викторович: он берёт птичку в руки, лишив

её возможности ещё больше накрутить на себя сеть, выпутывает лапки, потом крылья, а напоследок почти ювелирная работа – освобождение головы птички. Наконец, самку помещают в холщовый мешочек – здесь обходятся без садков. Насобирают «урожай» и несут в кольцевательную.

– Есть кто? – с надеждой спрашиваю лаборантку Наталью.

– Королёк, зарянка.

И здесь зтишье. Ну, ничего, хоть увижу, какая она, певчая птичка – королёк. Среди ярко-жёлтых перьев, образующих продольную полоску на голове, заметны оранжевые вкрапления – это самец. Его вес 4,9 г (согласно записям в журнале, на днях здесь побывал королёк весом 4,6 г). Для такой мелюзги используют самое маленькое кольцо – 0,03 г.

С улыбкой вспоминаю забавную ситуацию. Королька осмотрели, измерили и сунули в кулёк для взвешивания (он скручен из плотной полупрозрачной пленки для бумаги). В опытных руках Дмитрия Леоке ждёт своей очереди зяблик. Слово за слово, и он отправляется в кулёк.

– Там же королёк! – в волнении кричу я.

– Разве мы его не выпустили?

Дмитрий забирает зяблика, а я беру в руки почти невесомую птичку и отпускаю. Вот теперь мини-весы свободны.

– Эти крохи пролетают 400 км без остановки, – уточняет Соколов. – Для преодоления таких расстояний птица запасается топливом – набирает жир. По его наличию мы можем определить, полетит ли она дальше или останется гнездовать у нас.

Новое знакомство

На следующий день, путешествуя по национальному парку «Куршская коса», на минутку заезжаем к орнитологам. Ненастье отступило, и затеплилась надежда, что над косой покажутся долгожданные стаи. Но нет, птахи ждут тёплых воздушных потоков.

Арсений сегодня в помощниках, командует Анатолий Петрович Шаповал – ловец птиц, бабочек и стрекоз.

– Какой улов? – спрашиваем.

– В камерах пусто, поставил путанку. Чижей с десяток набралось.

– Давайте скорей кольцевать, – тяну я его за рукав, и, как говорится, вперёд батьки залетаю в рабочую избушку. Придвигаю к себе журнал учёта.

– Можно я буду записывать данные?

– Можно, – разрешает Шаповал и достаёт из садка зеленовато-жёлтого самца с шапочкой из чёрных перьев на голове.

Кольцо зафиксировано, длина крыла измерена, возраст определён, запас жира отсутствует, вес – 11,5 г.

Прикасаюсь губами к чижовой макушке: «Доброй дороги!»

На ладони остаётся пёрышко и запах птицы.

Ольга Михайлова

По Аварскому и Андийскому Койсу Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений...

Когда-то давно почти под таким же названием была опубликована работа нашего известного кавказского орнитолога Льва Борисовича Бёме, в которой подробно описана зоологическая экспедиция по Внутреннему, Известняковому Дагестану от Буйнакска до Ботлиха, проведенная в июне 1927 г. вместе с Д.Б. Красовским и И.Г. Семеновым в течение 10 дней на конной линейке. Ее маршрут прошёл из г. Буйнакска через с. Казанище, аул Араказ (Аркас) и перевал Шашерек к аулу Аракани в ущелье реки Аварское Койсу, где многочисленные сакли горцев, как гнёзда ласточек, до сих пор густо лепятся вокруг мечети на крутом склоне у самого подножия огромной Красной скалы. Затем, после долгого подъёма на Хунзахское плато, зоологи спустились через аулы Харахи и Тлох к реке Андийское Койсу, поднялись вверх по ее течению в обширную, засушливую Ботлихскую котловину и, наконец, посетили большое высокогорное озеро Эзень-Ам на Андийском хребте на границе Дагестана и Чечни.

После первого, памятного для одного из нас знакомства в 2002 г. с горным Дагестаном (Белик и др., 2002), мы смогли познакомиться и с этой работой Л.Б. Бёме, после чего Известняковый Дагестан и его орнитофауна стали восприниматься для нас совсем по-другому. Нам захотелось самим взглянуть на те места, где побывал Лев Борисович почти 100 лет назад, посмотреть, что же изменилось там за прошедшее время в ландшафтах, в животном мире. Особенно тянули к себе высокогорное Хунзахское плато и таинственная Ботлихская котловина.

Ботлих расположен на западной окраине Дагестана, и сразу же за ним, за Андийским хребтом,

начинается совсем другой – влажный, лесистый Центральный Кавказ. Котловина эта, достигающая 10-15 км в диаметре, поражает своими значительными размерами, глубиной и засушливостью. Летние температуры воздуха здесь, на высоте около 1000 м н.у.м., поднимаются, в среднем, до 20-21°C; в среднем 67 дней в году здесь бывают засухи, а иногда они продолжаются до 106 дней. Зимой же температура, в среднем за январь, не опускается ниже минус 2°C, а иногда повышается до +18-22°C.

В средние века, вероятно, в результате какого-то грандиозного горного обвала, здесь, на Андийском Койсу, образовалась запруда, затем в пойме реки развились болота, а в XIX веке распространилась малярия. Сейчас же болото заполнили галечники, нанесенные реками с гор, среди галечников появились многочисленные мелкие протоки и затоны, и лишь местами по берегам остались камыши, луга, влажный пойменный лес и кустарники. А среди них в садах аварцев рядом с абрикосами зреют грецкие орехи, персики, хурма, виноград.

В Ботлихскую котловину неоднократно, начиная с В.В. Докучаева в 1878 г., приезжали исследователи, чтобы познакомиться с ее своеобразной природой, с почвами, растительностью, фауной. Первым из зоологов ее посетил, наверное, К.Н. Россиков (1884), а затем сюда в 1904 г. специально приезжал Н.Я. Динник (1905). Чуть позже здесь полтора летних месяца провёл молодой немецкий орнитолог Ф. Розенберг (Rosenberg, 1907), в 1927 г. через Ботлих прошёл маршрут экспедиции Л.Б. Бёме (1933), а в 1960-е годы в Ботлихе дважды побывали также украинские орнитологи во главе с И.Б. Волчанецким (1973), изучавшим орнитофауну Дагестана.

И вот в середине августа 2018 г. нам удалось организовать свою экспедицию – правда, по несколько иному маршруту. Начав с Ботлиха, мы через аул Тлох поднялись на Хунзахское плато, после чего, спустившись с огромной скальной куэсты по головокружительному серпантину вниз, проехали в верховья Аварского Койсу – в лесистый Сланцевый Дагестан и, наконец, через перевал Шашерек на восьмой день прибыли в Буйнакск. На пути были ночёвки в палатах, в заброшенных высокогорных аулах, а также в гостях у аварцев в ауле близ Тляраты.

Эта августовская автомобильная поездка с длительными пешими экскурсиями у Ботлиха и Тлоха на Андийском Койсу и в районе аулов Кособ и Магитль на Аварском Койсу оказалась приурочена, к сожалению, фактически к «мертвому сезону», когда птицы уже закончили гнездование и прекратили пение, а часть даже улетела на зимовки. У большинства же мелких воробынных птиц к тому же шла линька оперения, и они вели себя крайне скрытно. Достаточно сказать,

Лев Борисович Бёме

Андийское Койсу, аул Тлох. На кuestе над ним – колония сипов. В долине абрикосовые сады – охотничий участок карагуша. Фото В.П. Белика

что за 8 дней экспедиции нами было случайно замечено всего лишь около 10 чёрных дроздов, повсеместно обычных в лесах и садах Дагестана весной. Только однажды отмечено пение московки и желтобрюхой пеночки, а зяблики и лесные коньки не были найдены даже в сосновых лесах на склонах гор.

На дорогах в скалистых аридных котловинах были хорошо заметны лишь каменки – обычновенные и пlesenки; на горных тропах с каменистыми откосами регулярно вспугивались горные овсянки, да в кустарниках и по опушкам лесов появилось довольно много обычновенных горихвосток, начавших, очевидно, сезонную миграцию. Тем не менее всего за 8 дней на 50 км пеших маршрутов нами было отмечено до 70 видов, что довольно много для гор, тем более в конце лета. В июне же Л.Б. Бёме (1933) встретил на своем маршруте в горах Дагестана 91 вид птиц.

В целом наши наблюдения, при их сопоставлении с данными местного орнитолога Е.В. Вилкова (2007, 2008, 2010, 2013 и др.), проводившего многолетние августовские учеты птиц среди высокогорий и среднегорий в разных районах Дагестана, показали весьма низкое качество, невысокую достоверность результатов подобных позднелетних фаунистических исследований.

Наиболее же яркое впечатление, оставшееся от нашей поездки, – крайне суровая обстановка для человека в высокогорных аулах, в глубине диких ущелий Дагестана, особенно в прошлом, когда к горным аулам вели лишь узкие крутые тропы, а горцам в поте лица своего приходилось добывать себе хлеб насыщенный на скучных каменистых нивах. О размерах этих хлебных полей в горах образно свидетельствует анекдот, рассказанный К.Н. Россикову (1884) на Аварском Койсу ещё в XIX веке. «Однажды лезгин обрабатывал своё поле, но днём палившие лучи солнца заставили его разостлать бурку и прилечь отдохнуть. Встав после отдыха, он окунул взглядом вокруг и не смог найти своего участка. В жутком отчаянии горец решил идти в аул, поднял с земли бурку и тут только рассмотрел под ней своё взрыхлённое поле».

Близкое знакомство с условиями жизни в горах Дагестана стало возможным для нас лишь после длительных собственных экспедиций по горным тропам, после посещения многочисленных жилых и заброшенных аулов в ущельях, после походов среди заросших бурьянами полей, поскольку путешествуя по дорогам на машинах всего этого не увидеть и не ощутить.

История появления дагестанских аулов, строительства монументальных каменных башен и жилых зданий, поражающих воображение своей мощью, уходит в многовековую глубь времен, когда единственным помощником человека в горах были лошади и ишаки. Сейчас же в Дагестане интенсивно развивается инфраструктура, с помощью современной техники строятся мосты через бурные реки, на склонах гор прорезаются новые автодороги, но зачастую это только способствует быстрейшему оттоку коренного населения из гор. В Тляратинском р-не в ауле Магитль, например, куда только в 1998 г. была проведена дорога, сейчас из 18 семей остались четыре, а в соседнем ауле Бусугули – из 4 семей уцелела лишь одна. Многие другие аулы, связанные с Магитлем только тропами, давно опустели, и о них напоминают одни величественные башни и каменные развалины на гребнях горных отрогов.

О запустении гор свидетельствует также малочисленность домашнего скота. Горцы дружно пересели на авто, и лошади встречаются в их горах уже весьма редко. За всю поездку мы видели там всего 2-3 большие отары овец, хотя часть из них в это время была, вероятно, на высокогорных пастбищах. У жилых аулов паслись лишь небольшие частные стада коров, вытаптывавших травостой среди кустарников и редколесий и позволявших кормиться там на земле кекликам, голубям, овсянкам и воробьям. Почти заброшено и орошение в горах, где на узких террасах по крутым склонам ущелий горцы разводят абрикосовые

Росноб вечером. Башням не менее 500 лет. Фото В.П. Белика

Тяжеловато в 70 лет, но впереди новые дороги... Фото Н.И. Насрулаева

сады, а раньше повсеместно сеяли также пшеницу и ячмень. Когда-то полями было покрыто всё Хунзахское плато, а сейчас мы встретили там только одно небольшое поле с рожью на окраине аула Цада – родины Расула Гамзатова, да и то засеянное, возможно, в декоративных целях.

Полное же исчезновение полей лишило многих зорнядных птиц калорийного корма, особенно необходимого им по холодам в осенне-зимний период. Несомненно это была одна из важнейших причин резкого сокращения численности сизых голубей в горах, в массе гнездившихся в прошлом на всех скалах, а сейчас встречающихся только отдельными парами или небольшими стайками в жилых аулах. Это же, вероятно, привело к резкому падению численности каменных куропаток, сохранившихся сейчас, в основном, возле жилых аулов в верховьях Аварского Койсу, где птицы пасутся зачастую на огородах и на вытоптанных скотом лужайках поблизости, а в аридных котловинах, лишившихся полей и водопоев, мы не слышали их вовсе. Возможно по этой же причине в горах почти не осталось клушиц, пару которых мы наблюдали лишь однажды близ аула Тлох. Почти повсеместно исчезли также каменные воробьи.

Когда-то Л.Б. Бёме писал, что на Северном Кавказе этих воробьёв больше всего в Дагестане, и особенно много их в селениях на Хунзахском плато. Сейчас мы, действительно, встретили стаю из 20-30 каменных воробьёв на окраине Хунзаха, но это была единственная встреча на 550 км пути, и сохранились воробьи там, возможно, лишь благодаря тому самому ржаному полю, находившемуся у аула Цада в 1-2 км. В горах мы ни разу не видели также домовых воробьёв, большие стаи которых появились только в селениях среди обширной, степной Буйнакской котловины в предгорьях. Хотя стайки полевых воробьёв изредка ещё встречались по окраинам многих горных аулов.

За пределами Буйнакской котловины практически не было видно и ласточек-касаток. Почти не осталось в горах сорок, отмеченных только однажды у с. Майданское в котловине Орота на Аварском Койсу. Заметно больше этих птиц стало лишь по лесополосам в Буйнакской котловине. То же можно сказать и о серой вороне, встреченной в горах всего 4 раза на свалках у аулов Тлох, Харахи, Чарах и Магитль.

По-видимому, несколько лучше сохранились в Дагестане популяции хищных птиц. Здесь у аула Тлох на Андийском Койсу мы нашли довольно крупную колонию белоголовых сипов. По-прежнему регулярно наблюдаются массовые кормовые миграции этих птиц в разных горных районах. Особенно интенсивным был их выраженный пролёт через перевал Шашерек из аридных котловин на Аварском Койсу к скотобойням в предгорьях на востоке Дагестана. Такой же пролёт мы наблюдали там и в 2002 г. Регулярно и повсеместно встречались чёрные грифы, гнездящиеся в сосновых лесах на крутых склонах хребтов, но численность этих птиц сейчас в Дагестане по меньшей мере на порядок ниже, чем сипов. Нередки в горах бородачи, и на скалах у Хунзаха удалось даже найти их гнездовую нишу. Причём, если Ф. Розенберг в 1906 г. встретил бородача в горах лишь 3 раза за полтора летних месяца, Л.Б. Бёме в июне 1927 г. между Буйнакском и Ботлихом отметил всего 6 встреч за 10 дней, то в августе 2018 г. там же за 8 дней нами отмечено уже 19 встреч с бородачами. Местами же мы регистрировали этих птиц до 3-7 раз за день. Дважды наблюдали стервятников, а также беркутов, но численность последних, по общему впечатлению, по-видимому, снижается, что может быть обусловлено сокращением кормовой базы.

Интересна находка выводка карагуша с несамостоятельный слётком далеко в глубине гор – в широкой аридной котловине у аула Тлох на Андийском Койсу. Орлы гнездились там где-то в сосняке на склоне ущелья и могли охотиться как в котловине, так и на соседнем субальпийском плато, где находился ряд больших жилых аулов. Не исключено, что эти орлы расселяются в горы, замещая исчезающих беркутов.

Удивительная, неповторимая горная страна Дагестан приоткрыла нам в этот раз лишь некоторые свои тайны, а также ещё раз показала необыкновенное гостеприимство горцев, их радущие, но там осталось ещё очень много неизведанных ущелий, дорог и троп, по которым хотелось бы пройти и проехать, особенно весной, в сезон птичьего пения. Где-то там скрылись от нас снежные и короткопалые воробьи, краснокрылые чечевичники и степолазы, синие и пёстрые каменные дрозды, рогатые жаворонки, мохноногие сичи, вальдшнепы, кавказские тетерева и улары...

Когда-то Чарльз Дарвин говорил, что человек должен периодически вдохновляться грандиозными картинами природы. Поэтому надеюсь, что впереди нас ещё ждут новые встречи с горами Дагестана!

В.П. Белик, Н.И. Насрулаев

В поисках солнечного орла

С середины 80-х годов прошлого века неоднократно высказывались предположения о гнездовании орламогильника (он же солнечный орёл) в Краснодарском крае. Рост численности этого вида на Северном Кавказе способствовал его экспансии на некогда утраченные в XX столетии территории. Закономерно было ожидать появления солнечного орла и на Кубани. О продвижении могильника на запад свидетельствовали находки гнёзд в Карачаево-Черкесии вблизи границ Краснодарского края, сообщения коллег и местных жителей о встречах и гнёздах крупных орлов. Собственные встречи этих птиц в ходе исследований Ставропольской возвышенности служили тому дополнительным подтверждением.

Но не складывалось. Только в мае 2014 г. находкой жилого гнезда в Отрадненском районе было достоверно установлено гнездование солнечного орла на территории Краснодарского края (Мнацеканов и др., 2018). Для гнездования птицы выбрали изрезанную многочисленными палами, открытую ветрам лесополосу из белой акации, посаженную в годы активного преобразования природы (фото 1).

Лишь только мы двинулись в направлении гнезда, как самка его покинула. Прижимаясь друг к другу, в лотке лежали два пуховика 2-дневного возраста,

а вокруг лежали горы снеди: хомяки различной свежести, числом 16 штук, остатки лисёнка, серой куропатки и домашней курицы (фото 2). Видно было, что эта пара могильников не бедствовала. Подтверждением стала встреча в районе гнезда молодой птицы в мае следующего года. Самка с молодым некоторое время летали у гнезда, потом покинули его район, предоставив нам возможность для работы.

В 2015 г. птицы обновили гнездо, и теперь нас ожидала кладка из 2 яиц (фото 3).

В 2016 г. при посещении района гнездования птиц обнаружить не удалось. Осмотр ближайших окрестностей не дал никаких результатов.

Однако мысль о том, что птицы не покинули изобилующие кормом места, не давала покоя, и в мае 2019 г. (хорошо, что праздники длинные) мы вновь бороздили просторы юго-восточной окраины Краснодарского края. Завернули и к известному гнезду, но уже с трассы было прекрасно видно, что птицы более не использовали эту постройку. Осмотр окрестностей также не дал результатов, и мы решили пересечь границу края, чтобы со стороны Карачаево-Черкесии полюбоваться на меловые скалы, которые Большой Зеленчук прорезал в своём неустанным движении. Но не доехали: «Вань, останови!». Чуть возвраща-

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

емся назад – вдалеке (2 км, не меньше) явно крупное гнездо в небольшой куртине деревьев. В трубу ничего определить не удалось: далековато. Бросаем машину и идем по бровкам полей, вдоль лесополос, утягеляя ботинки налипающей грязью. Встряхнешь ногой, и комья земли отлетают в сторону. Не доходя до гнезда – а оно уже рядом, за пригорком – среди прошлогодней растительной ветоши встречаем крупного красивого жука, деловито спешащего по своим делам. Это кавказская жужелица, вид занесён в Красную книгу России и Краснодарского края (фото 4). Наша находка – новая точка регистрации редкого вида.

Поднимаемся по склону. В отдалении на дереве сидит одна птица, вторая на гнезде. Наши птицы за прошедшие годы «возмужали» – угольно-чёрные, с белыми «эполетами», они были эффектны! Размеры гнезда давали понять, что орлы гнездились здесь как минимум и в прошлом году, переселившись подальше от назойливых глаз. Но и нынешнее место гнездования нельзя было назвать глухим и безлюдным: тополь, который орлы избрали для гнездования, рос на краю поля, на котором уже поднимались

Болота... Что в них притягательного? Какие тайны они хранят и почему многих из тех, кто однажды побывал в центре «Гримпенской трясины», неудержимо туда тянет? Попробуем разобраться, а для этого совершим путешествие на болото Мариметса, территории которого включает зоны низинного, переходного и верхового болот.

От стендов с картой природного заповедника начинается наш маршрут – туристическая тропа. На всей её протяжённости установлены информационные таблички с описанием произрастающих в этих местах растений и обитающих животных. Мы едва двинулись в путь, а нас уже встречают обитатели опушки и полян: на более сухой стороне, куда чаще заглядывает солнце, растёт скромный перловник поникший, цветут ароматный ландыш, трогательная купена, первоцвет весенний (примула). Мягкий напиток

озимые. Видно, тактика птиц – покидать место гнездования при посещении людей – даёт свои положительные результаты, позволяя выкармливать потомство на обрабатываемых и посещаемых территориях (фото 5).

В приподнятом настроении покидаем вновь обретённую пару солнечных орлов. Впереди еще несколько ранее запланированных точек, которые нужно обследовать.

На следующий день, выезжая из неудобий на трассу, привычно осматриваем знакомые места. И вновь остановка. Гнездо небольшое, в бинокль видна плотно лежащая в гнезде птица. За ветками не разберёшь, кто это. Подорлик? Так открыто? Но вот блеснула голова – могильник! Явно молодая пара, по сравнению со вчерашними птицами эти более бурые. Гнездо устроили в развилке основного ствола тополя, место не очень удачное, но мы надеемся, что, хотя бы в этом году, птицы успеют вывести своих первых птенцов (фото 6).

Нужно ли говорить, что весь последующий день мы осматривали безбрежные просторы предгорий, но тщетно. Следующий день выдался солнечным, и мы решили, возвращаясь домой, проехаться по отрогам Ставропольской возвышенности. Характерный набор степных видов, очередная остановка, осмотр окрестностей. Вдали крупная птица с добычей, в бинокль различаем свисающие лапы какого-то зверя. Ещё круг, без сомнений – перед нами взрослый могильник. Постепенно набирая высоту, птица уходит в сторону Армавира, и уже на пределе видимости к ней присоединяется другая. К сожалению, наши поиски гнезда не были результативными, но, несомненно, мы нашли третий гнездовой участок солнечных орлов в Краснодарском крае!

Р.А. Мнацеканов, И.С. Найданов

А не прогуляться ли на болото?

из настоящих насыщенно-жёлтых с оранжевыми отметинами цветков примулы не имеет ярко выраженного вкуса, но вот чудо – словно пьёшь янтарную воду. Капельками солнца сияют соцветия первоцвета в прозрачном стеклянном чайничке – нотки полноцветной весны.

С грунтовой дороги сворачиваем на лесную тропу, которая совсем скоро приводит на сочный от утренней росы луг, зону покосов. Дух перехватило – не решаясь потревожить эту пробуждающуюся красоту. Группками расположились на влажном лугу бубенчики – это гравилат речной, или гравилат приручейный. Люблю цветами: из-под густо-бордовых чашелистиков выглядывают кремового цвета лепестки. Минута за минутой, и уже виден мостик через ручей Мариметса – за ним начинается мрачная зона густого ельника. А ведь только что ощущалось дыхание тучных трав,

Болото Мариметса

тронутых солнечными лучами, – я обернулась, чтобы удостовериться, что луг мне не приснился.

Под присмотром образовавших неровный коридор елей идём вдоль ручья – он тихонько журчit справа от нас. Тропинка мягкая от хвои. Лес полон тайн. Совсем рядом отозвался крапивник – песня его прыткая, как и он сам. Птичка и потрещать может, и коленца вывести, но заметить её нелегко: уж больно хорошо маскируется среди еловых исполинов.

Когда ручей поворачивает и устремляется в направлении реки, мы тоже немного отклоняемся, левее. Тёмный ельник начинает постепенно редеть, нехотя впуская в своё царство лиственные деревья и кустарники. Вот раскинулась целая плантация ландышевых листьев, длинных и заострённых, как заячьи уши, но цветки-колокольца пока спят – недостаточно в лесу света. По соседству – майник двулистный, который можно принять за ландыш, но растения имеют выраженные отличия в форме и размере листьев. У майника они округлые, расположенные близко к почве и не перекрывающие друг друга; из их сердцевины уже появился прямостоячий стебелёк с зарождающейся кистью мелких белых цветков. Ещё одно теневыносливое растение – кислица обыкновенная (в детстве мы называли её «заячья капуста» и даже пробовали на вкус тройчатые листочки – кисленько). Как красив светло-зелёный ковёр трилистника – из трёх соединённых друг с другом сердечек! На нём выткан милый узор из аккуратных белых пятилепестковых цветочков с розовато-фиолетовыми жилками. Сейчас на один из них опустилась белокрылая бабочка, и время замерло, восхищаясь двумя нежными

созданиями природы. Среди травы и кустов притаился и наблюдает за нежданными гостями ядовитый вороний глаз с одной-единственной ягодкой иссия-чёрного цвета. Опасен также и волчеягодник обыкновенный (волчье лыко) – небольшой кустарник с душистыми цветками насыщенного розового цвета. В тенистой части среди елей заметны сбившиеся в кучку блестящие кожистые листья печёночницы. Растения успели отплодоносить, пока распустившиеся деревья не загородили солнышко, а тут такое везение – запоздалый яркий сине-фиолетовый цветок! Не менее прекрасны глазки светло-фиолетовых фиалок (в зоне разреженного леса чаще встречается собачья фиалка, на заболоченных участках – более светлая по тону болотная фиалка) и миниатюрные звездчатки с белыми лепестками, не пройти мимо примечательной своей раскраской медуницы – в одной кисти собраны цветки

Гать на болоте

Малинница

пурпурного, фиолетового, синего цвета (синие – самые старшие цветки в соцветии).

Но вскоре этот пейзаж начинает меняться: привычные нам рослые деревья перемежаются с подлеском, мокрыми кочками и впадинами – иначе чем по деревянному настилу и не пройдёшь. Может быть, уже началось низинное болото? Ведь такие болота расположены в поймах рек, по берегам озёр, в местах выхода ключей и пробегающих ручьёв – как раз неподалёку и наш ручеёк. Но когда же дойдём? Словно прочитав мои мысли, лес неожиданно расступается. Я щурюсь с непривычки – светло-то как! Небольшая деревянная платформа со скамейками – здесь можно сделать привал. Далее деревянная гать, будто ковровую дорожку расстелили, сужается к горизонту и теряется в самом сердце болота Мариметса.

Впереди – прямая тропа порядка 4 километров туда и обратно (эта тропа короче, а есть иная, уходящая влево). Вокруг глухая, почти закладывающая уши тишина с атмосферой влажного, тёплого и застывшего воздуха. Но это только первое впечатление. Уже

Сосны и синева

встало солнце, но всё ещё окутано туманом – этим седовласым охранителем болот. В этой сюрреалистической идиллии особенно непривычным кажется резкий звук, напоминающий блеяние. Странно, откуда на болоте овцы? Невольно поёживаюсь от нахлынувшего ощущения чего-то неизведанного, притаившегося в белёсой гуще тумана. Не пугайтесь – это бекас с его характерной дребезжащей песней. Секрет раскрыт, теперь можно и осмотреться.

Участок с густой травянистой растительностью. Куда ни посмотри – поросль тоненькой и низковатой берёзки, кустарники распутившейся козьей ивы, густая сочная осока, тростник. Вольготно себя здесь чувствуют сабельник болотный, вахта трёхлистная с беловато-розовыми звёздчатыми цветками, собранными в продолговатую кисть на безлистной стрелке черешка, скромно потупивший взор подбел с бледно-розовыми цветками-фонариками – растение ядовито, не спутайте его с лекарственной толокнянкой! В конце весны зацветает белыми четырёхлепестковыми цветками сердечник горький, похожий на обыкновенную сурепку (это и понятно – оба из семейства крестоцветных). На болоте можно обнаружить и некоторые виды орхидей – например, пальчатокоренник пятнистый.

Дальше затемнённый невысокими сосенками и редкими ёлочками участок. Мельнула и присела на сосновую лапу маленькая малинница, или голубянка малинная, одна из ранних весенних бабочек. Среди кочек сфагnuma и ситника (отдыхая в деревне, мы, дети, часто плели из его жёстких стеблей различные вещицы) пристроился седмичник европейский – белые звёздочки цветика-семицветика сопровождают хвойники. То тут, то там единичные коробочки пушинцы влагалищной. Светятся жёлтые огоньки болотной калужницы, любит она сырьё места. А какое болото

без багульника! Растение уже начинает хвастаться белыми, собранными в щитки цветками – сейчас пробиваются к свету самые нетерпеливые. Ещё несколько дней, и над болотом поплыёт дурманящий аромат этого вечнозелёного растения.

Минут десять, и сосновая стража остаётся позади. «Это и была зона переходного болота?» – я не теряю надежды определить границы всех трёх болотных зон. Известно, что переходное болото – это промежуточная стадия развития низинного болота в верховое. Часто бок о бок живут растения, характерные как для низинного, так и для верхового болота: одни виды преобладают в сырьих впадинах и среди зелёных мхов (один из самых распространённых – кукушкин лён), а другие – на кочках господствующего сфагнового мха. Порой низинные и переходные болота перемежаются между собой – годы вносят в развитие ландшафта свои поправки, отследить которые визуально бывает нелегко.

Пейзаж снова меняется: гать проходит по открытому пространству, где на протяжении 30-40 минут ходьбы мы будем восхищаться жёлто-зелёно-красноватым ковром сфагновых мхов (если встретится бледный выцветший мох, значит, ему не хватает влаги). А в конце тропы путника ждёт живописный оазис – завораживающие воображение болотные озёра. Мы на верховом болоте, составляющем основную часть Мариметсаского болота. Своим образованием и развитием оно обязано сфагнуму – мох быстро расселяется и создаёт целые моховые подушки. Стебельки мха растут верхушкой, а их нижние части постепенно отмирают, разлагаясь и превращаясь в торф.

Для верхового болота характерны мочажины (топкое место между болотными кочками) и окна, или болотные озерца. Растительность здесь значительно беднее: выживают только очень нетребовательные к составу почвы виды растений. Поэтому многие сосенки так и останутся лилипутами – для их роста просто не хватает питательных веществ. Некоторые деревца облеплены корочками лишайника (верный признак сырьих мест). Однако появление лишайника свидетельствует ещё и о том, что участок находится в экологически чистом месте.

Находясь на болоте, не хочется громко говорить – наверное, действует аура этого места. Будто другая планета: причудливый ландшафт и звуки – редкие, странные, неожиданные – вперемешку с ощущением их отсутствия. Но и тут своя жизнь. Смотрим в бинокль: на искривлённое деревце сосны взгромоздился средний кроншнеп. Серовато-бурая с пестринками окраска делает его почти незаметным, но птицу легко узнать по длинному, изогнутому книзу серповидному клюву. Где-то в стороне кричит, не умолкая, ещё один обитатель здешних мест – веретенник.

Повсюду кочковатые участки с обильно цветущей пушницей влагалищной – многочисленными точками рассыпалась она по болоту, отчего оно кажется

Фифи

покрытым белой ватой. Чем дальше, тем гуще пуховый ковёр – это растение любит влажную почву. Здесь благоприятные условия для произрастания полезнейшей для здоровья клюквы – ценнего дара болот. К осени нальются соком рубиновые бусины – только собирай. Найдёте вы здесь и голубику, костянку, водянику чёрную. А вот и морошка зацвела – ещё не до конца раскрылся прекрасный белый цветок. Чуть поодаль демонстрирует свою индивидуальность росянка, блестящая от клейких капелек на волосках. На более сухих местах встречается вереск, малинницы его обожают.

Некорректно утверждать, что верховое болото неинтересно и скучно: на его крае, в центре, в мочажинах, у озёрных окон и на более сухих участках господствуют разные виды растений. Типичные для верховых болот – очеретник белый, шейхцерия, карликовая берёзка. Вокруг окон почва обычно посушше, и здесь растут достаточно крупные, в масштабах болота, сосны. У таинственных озёр нас ожидают самые обильные заросли багульника, душистым ожерельем окружившие берега. Там, опустив клюв в воду, расхаживает небольшой кулик фифи.

Вода на болоте чистая – это благодаря сфагнуму, обладающему антисептическими свойствами. Говорят, её даже можно пить, но всё же лучше не экспериментировать, разве что в крайнем случае. А вот искупаться в кажущемся бездонным озере верхового болота, особенно жарким летним днём да после длительной прогулки, – просто наслаждение. Окунувшись в неизведанную глубину тёмной воды, вы почувствуете необыкновенный прилив сил.

Однако когда бы вы ни приехали сюда, необходимо помнить о правилах поведения на болоте и с вниманием и заботой относиться к окружающей природе. А она не останется в долгу – непременно раскроет свои секреты и подарит незабываемые впечатления.

Прогулка организована Estonian Nature Tours (www.naturetours.ee).

Благодарю Олега Цымбаревича за помощь в подготовке очерка.

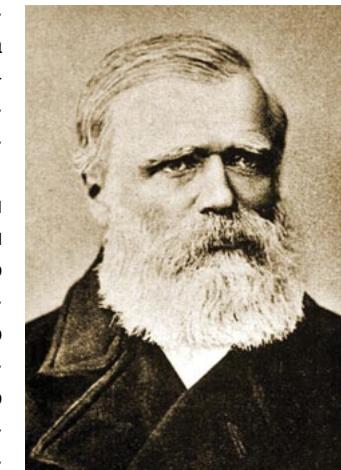
Ольга Михайлова
Фото автора

Людвиг Францевич Млокосяевич (1831–1909)

Имя Людвига Францевича Млокосяевича (25 августа 1831 – 22 июля 1909), легендарного исследователя природы Кавказа, знакомо практически всем орнитологам России, прежде всего благодаря его сенсационному открытию в горах Кавказа эндемичного кавказского тетерева *Lyrurus mlokosewitschi* (Taczanowski, 1875), впоследствии названного по-латыни его именем. Помнят Л.Ф. Млокосяевича и герпетологи – благодаря его находке на Зекарском перевале через Месхетский хребет (самый северный из Малого Кавказа) реликтовой кавказской саламандры *Mertensiella caucasica* (Waga, 1876). Однако больше всего новых видов Млокосяевич, будучи лесничим, преподнёс ботаникам. Это и сохранившаяся в естественном виде только на хребте Элляр-Оуги в Азербайджане сосна эльдарская *Pinus eldarica*, описанная в 1880 году Яковом Сергеевичем Медведевым на основе образцов, собранных Млокосяевичем. И великолепный жёлтый пион, найденный Млокосяевичем в Лагодехском ущелье в 1897 году и названный его именем – *Paeonia mlokosewitschii*, и горечавка лагодехская *Gentiana lagodechiana*... А дочь Млокосяевича Юлия обнаружила в горах у Лагодехи неизвестный вид первоцвета, названный в её честь примулой Юлии *Primula juliae*.

Непростая, трагическая судьба Л.Ф. Млокосяевича привлекала внимание многих исследователей-биографов. Помимо небольшой автобиографии, написанной Млокосяевичем в 1891 году в 60-летнем возрасте, ряд детальных биографических очерков о нём был подготовлен его польскими соотечественниками Кристиной Ковальской (1959), а также Болеславом Гриневецким (1950), приезжавшим к Людвигу Млокосяевичу на Кавказ в 1900 году. Неоднократно о Л.Ф. Млокосяевиче писали и в России. Особенно много интереснейших материалов об этом благородном человеке и неутомимом исследователе Кавказа собрано на сайте Петра Тимофеевича Зонникова – уроженца грузинского городка Лагодехи, сейчас живущего в Харькове.

В 2019 году исполнилось 110 лет со дня смерти Людвига Млокосяевича и 140 лет его первой публикации о кавказском тетереве. Поэтому нам хочется ещё раз вспомнить об этом замечательном натуралисте,

почтить его память и вкратце поведать о первооткрывателе кавказского тетерева, о жизни этого удивительного человека, о некоторых его путешествиях и о природе Кавказа. Тем более, что за большие заслуги в познании природы Кавказа Русское географическое общество в 1898 году наградило Млокосяевича Серебряной медалью. А Парижское общество акклиматизации удостоило его Большой Золотой медали. Наконец, Людвиг Млокосяевич, как никто другой из отечественных натуралистов, показывает всем нам достойные примеры благородного отношения и к науке, и к природе, и к своей стране, к людям...

Следует сказать, что Ludwik Młokosiewicz, переехав на Кавказ, в Россию, изменил свои имя и фамилию, подписывая публикации как Людвиг Млокосяевич, хотя по-польски его имя и фамилия традиционно произносятся как Людвик Млокошевич.

Родился Людвиг Млокосяевич в Варшаве в богатой аристократической семье. Его отец Франтишек Млокосяевич был прославленным боевым генералом, долго служившим у Наполеона, но после разгрома его армий Кутузовым генерал присягнул на верность России. Через 12 лет он присоединился к полякам, восставшим против России, однако после подавления восстания вновь перешёл на сторону русской короны. Именно в эти годы у 62-летнего генерала и появился третий сын – Людвиг. Естественно, что генерал не представлял для него никакой другой карьеры, кроме военной, и в 11-летнем возрасте отдал его на обучение в Брест – в Кадетский корпус.

Самого же Людвига с детства влекла природа, причём эта любовь не была случайной. Он сам писал в автобиографии: «Насколько я себя помню в детстве, я страстно любил природу. Варшава или, правильнее, города – мне не нравились. Я не мог дождаться того счастливого дня, когда родители мои покидали город на лето и брали меня с собою в деревню, где у нас было так хорошо: замечательные сады, оранжереи, теплицы, а вокруг красивые леса, луга и озёра... У меня был свой маленький зверинец, птичник, были прудики с рыбами и свой садик с цветами. Как только оканчивались мои уроки, я находил самый приятный отдых предаваться своему природному хозяйству. Помню, что эти влечения к природе были не минутными, а длились целые годы». Казармы же Кадетского корпуса стали для Людвига сущей тюрьмой, лишившей его возможности заниматься любимым делом, и лишь через пять лет, уже после смерти отца, он упросил мать забрать его из Корпуса. Дома же с помощью учителей он вновь приступил к изучению любимой ботаники, зоологии и других естественных наук.

В те годы Людвиг познакомился с офицерами из «мусульманского полка с Кавказа», стоявшего

Лагодехи, Грузия. А на севере, за хребтом – Дагестан

в Польше в имении его сестры. От них он услышал много интересного о горах Кавказа, о его богатой природе, об увлекательных охотах, и под влиянием этих рассказов «возмечтал увидеть этот край». Своё желание Людвиг Млокосевич осуществил в 1853 году, приехав на Кавказ и поступив на службу поручиком при штабе 15 Тифлисского гренадёрского полка, стоявшего в Лагодехском военном укреплении на Лезгинской кордонной линии в благодатной Алазанской долине. Поездка эта в планах Людвига рассчитывалась не более как на один год. Но, как он писал позже, «я так увлёкся Кавказом, что вот 36 лет я уже здесь, и этот мой год всё ещё длится».

Однако замкнутый образ жизни Людвига, его занятия непривычным для военных садоводством и огородничеством, приятельские отношения с местными лезгинами породили в штабе разные неприятные слухи, что вынудило Л. Млокосевича подать в 1861 году в отставку. И вот с тех пор он смог полностью посвятить себя любимому делу изучения природы Кавказа. Сначала, расстроенный различными армейскими интригами, он отправился в горы Дагестана «лечить измученную людьми душу», после чего уехал на юг «искать забвения... в пустынях Персии». Почти год он скитался по Персии, а на обратном пути на российской границе поляка Л. Млокосевича арестовали на пароходе в связи с польским шляхетским восстанием 1863 года, а затем по подложному доносу сослали в Воронежскую губернию как подозреваемого в подстрекательстве лезгин к восстанию в Закавказье.

О пребывании Млокосевича в ссылке с его же слов известно лишь, что жил он там в тяжёлых условиях, добывая пропитание в основном охотой. Однако эта ссылка в Воронеж позволила Людвигу встретить там свою верную любовь, казачку Анну, украинку из обедневшего дворянского рода, и с тех пор их семья начала постепенно увеличиваться. Всего у Млокосевичей родилось 10 детей, а кроме того, они усыновили ещё мальчика-сироту Ибрагима, у которого родители погибли в горах Кавказа.

В 1867 году, после досрочного окончания ссылки, опальному Людвигу Млокосевичу было предписано вернуться в Варшаву. Однако он так тосковал по Лагодехи, что его сестра графиня Елена Минорская обратилась с ходатайством к Императору Александру II позволить её брату поехать на Кавказ. Получив разрешение, он вскоре возвращается из Воронежа в Лагодехи и продолжает там знакомство с природой Закавказья.

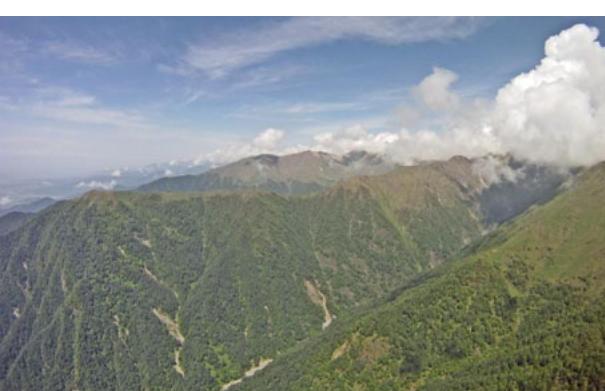
В начале 1869 года Л.Ф. Млокосевич начинает вести фенологический дневник, в котором, помимо растений, немало заметок и о птицах: о пролёте гусей и журавлей, прилёте и отлёте ласточек, появлении кукушек и удодов... Результаты первого десятилетия этих наблюдений содержатся в статье «Заметки о периодических явлениях природы в окрестностях уроч. Лагодехи (Сигнахского уезда, Тифлисской губ.)», опубликованной в 1879 году в первом выпуске «Известий Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба».

В эти годы, несмотря на недостаток денег, Л.Ф. Млокосевич много путешествует по Грузии, Азербайджану и Дагестану, собирая ботанические и зоологические коллекции. Он замечает по этому поводу: «Будь мои средства посильнее, можно было бы сделать гораздо более, но мои дорожные средства были постоянно слишком ограниченные. Так, например, в 1876 году, когда я отправился в Дагестан на целый месяц, у меня было в кармане только три рубля». Через два года, в 1878 году, Л.Ф. Млокосевич вновь едет в горы Персии, запавшие в его память ещё 15 лет назад, и опять практически без денег.

Ему страстно захотелось тогда взойти на Демавенд (5671 м н.у.м.), потухший 7 тысяч лет назад вулкан, расположенный в хребте Эльбурс у южного побережья Каспия, – на легендарную, высочайшую вершину Персии. Весной перед закатом солнца вулканический пик Демавенда, имеющий идеальную коническую форму, окрашивается в красноватый цвет, будто отражая полыхающие поля красных маков, покрывающих склоны у подножия горы. А над вершиной часто

Семья Л.Ф. Млокосевича

В Лагодехском заповеднике. Территория заповедована ещё в 1912 году – это один из первых заповедников Российской империи

клубятся тучи; как говорят, это исходит смрадное дыхание злого духа Биварабса, заключённого в недра горы храбрым Африданом.

Оставив в Лагодехи со скучными средствами жену с детьми, полную небезосновательных тревог за судьбу мужа, Л.Ф. Млокосевич отправляется в путь. В Персии, в Мазендеране, он на последние гроши нанимает проводника и начинает подъём на вулкан. Но это восхождение закончилось трагически. Путешественники получили солнечный удар, проводник умер, а Млокосевич – больной, голодный, оборванный, совершенно без денег – несколько дней добирался до Тегерана, преодолев более 100 вёрст с ужасной головной болью. Деятельное участие в судьбе Л.Ф. Млокосевича в Тегеране принял тогда русский посол И.А. Зиновьев. Он разместил его в миссии, окружил заботой и вниманием, а по выздоровлении снабдил деньгами и рекомендательными письмами в дорогу. Рассказывая о пути из Персии домой, Млокосевич писал впоследствии: «давно я не путешествовал с таким комфортом».

Вернувшись в 1879 году в Лагодехи, Л.Ф. Млокосевич получил назначение на должность лесничего Сигнахского уезда Тифлисской губернии, где и проработал до 1897 года, охраняя леса Кавказа. Как писал А.П. Семёнов-Тян-Шанский, «оттуда и предпринимал он с юношеским увлечением до глубокой старости свои более или менее дальние экскурсии».

Через десять лет Л.Ф. Млокосевич отправился ещё в одно рискованное путешествие. В конце августа 1889 года, очевидно отмечая 60-летие со дня первого покорения Арагата (5165 м н.у.м.), он организовал восхождение на его вершину в компании со своим 14-летним сыном Костей и 17-летней дочерью Юлией. К сожалению, самому ему не хватило сил на последние 50 метров до вершины, но Юлия с курдами и другими спутниками почти достигла пика. Однако там она попала в струю ядовитого сернистого газа, выбрасываемого ещё не остывшим вулканом, извергавшимся в последний раз в 1840 году, и этот газ свалил её с ног. Вниз её почти несли на руках; она жаловалась, что не может дышать...

Этот поход имел для Л.Ф. Млокосевича не только спортивное значение. В своём письме о восхождении на Арагат (газета «Новое обозрение», 6 октября 1889 г., Тифлис) он сообщает также о встречах с кекликами на высоте 8500 и более 11000 футов, о добыче двух кавказских саламандр для академика А.А. Штрауха в Санкт-Петербурге. И как говорил сам Млокосевич, «в подобных путешествиях я люблю быть или передовым, или последним, но не люблю путаться в середине. Мне всё кажется, что в этой середине я лишён свободы и меня ведут под конвоем; но так как направление подъёма мне было неизвестно, то я и очутился назади всех, я мог свободнее предаться и другой цели – следить за органическою жизнью местности. И потому я то отставал, то догонял компанию».

Ещё через десять лет, в 1900 году, Л.Ф. Млокосевич сопровождал на вершины Большого Кавказского хребта молодого ботаника Болеслава Болеславовича Гриневецкого (1875-1963), который только что окончил Юрьевский университет, где продолжал работать до 1914 года. Позже Гриневецкий подробно вспоминал об этих походах. После восхождения на заснеженную гору Хочалдаг (3486 м н.у.м.), лежащую на границе Дагестана и Грузии, «...на третий день вечером мы вернулись в Лагодехи. Удивился я физической крепости Млокосевича, питая к нему большую благодарность за то, что решил сопровождать меня в том восхождении, хотя ему было

Вулкан Демавенд в горном хребте Эльбурс

Дом Л.Ф.Млокосевича в Лагодехах

уже под семьдесят. Мог же ограничиться общими указаниями и дать мне в проводники кого-либо поможе. Он был влюблён в природу своего уголка и поэтому хотел лично познакомить с нею новичка, каким я тогда ещё был, чтобы как можно лучше узнал я растительность и характер природы Кавказа».

Свой «уголок» в Лагодехи Л.Ф. Млокосевич любил ещё и потому, что его пришлось создавать самому, своими руками, в течение многих лет – фактически всю жизнь. Приехав в 1867 году с семьёй на Кавказ, он выбрал место на окраине Лагодехи – среди девственного субтропического леса на берегу реки, у самого подножия величественных гор, которые поднимались трёхкилометровой заснеженной стеною в 10 км севернее. Здесь он построил большой деревянный дом, каменный коровник, конюшню, заложил огород, разбил сад и виноградник, завёл пасеку, развёл шелковичных червей. Но средств для пропитания многодетной семьи не хватало, тем более что приходилось тратиться также на многочисленные экспедиции и путешествия по Кавказу. Поэтому Млокосевичу пришлось заняться ещё и табаком – культурой, которая, как он тогда писал, «вскружила в Лагодехах всем голову». Несмотря на все эти тяготы жизни в кавказской глухи, возвратившись сюда как-то после поездки по Европе, он изрёк: «Мир велик и интересен, но лучше всего живётся в Лагодехах!».

В первые годы после приезда на Кавказ молодой Млокосевич неоднократно участвовал в стычках с горцами, страстно увлекался охотой. Однако всякий раз, как он вспоминал позже, «когда от моего выстрела падал раненый олень или красивый фазан и мне приходилось добивать страдающее по моей вине животное, я испытывал неприятное чувство; также постоянные во всякое время года охоты и убийство зверя целыми массами, которые часто не поедались и портились, всё это возбудило во мне вопрос: «есть ли необходимость в этих убийствах? Охота – достоинство или недостаток?» И я пришёл к заключению, что охота, не думающая о сбережении зверя, есть

страсть, и, как всякая страсть, она глушит в нас силу здравого рассудка...

Кроме того, я пришёл к заключению, что вообще жизнь красивее смерти, и я себя убедил оставить навсегда охоту и с тех пор сделался горячим защитником жизни. ... Сознание мне указало, что собирание различных предметов естествознания и вообще для учёных мира есть труд более подходящий...; с тех пор я усердно предался этому занятию и имел счастливые случаи представить нашим учёным на разработку новые зоологические экземпляры, получившие довольно громкую известность».

Сам Л.Ф. Млокосевич, не имевший специального биологического образования, собирая коллекции, не занимался их обработкой и описанием, а отсыпал свои сборы известным учёным. Уже в 1868 году он установил контакты с польскими зоологами Антоном Вагой, описавшим найденную Млокосевичем кавказскую саламандру, а также с Владиславом Тачановским – хранителем зоологического кабинета при Варшавском университете, который обрабатывал также зоологические сборы Бенедикта Дыбовского и Виктора Годлевского, полученные из Сибири. Именно Тачановскому и принадлежит честь описания и присвоения имени Млокосевича открытому им на Кавказе новому виду тетерева. С 1876 года Л.Ф. Млокосевич начал сотрудничать также с Зоологическим музеем Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, с Зоологическим музеем и Зоологическим садом в Москве.

Широко сотрудничал Л.Ф. Млокосевич и с ботаниками, собирая гербарии, обустраивая созданный им в Лагодехи прекрасный ботанический сад. Сюда нередко приезжали ботаники, в том числе самые именитые: Н.И. Кузнецов, Д.И. Сосновский, Б.Б. Гриневецкий и другие.

Дочь Млокосевича Юлия была влюблена в Николая Ивановича Кузнецова, но у петербургского ботаника уже была жена, дочь... Поэтому Юлия так никогда и не вышла замуж, хотя позже закончила Санкт-Петербургский университет, затем занималась

Кавказская саламандра *Mertensiella caucasica*

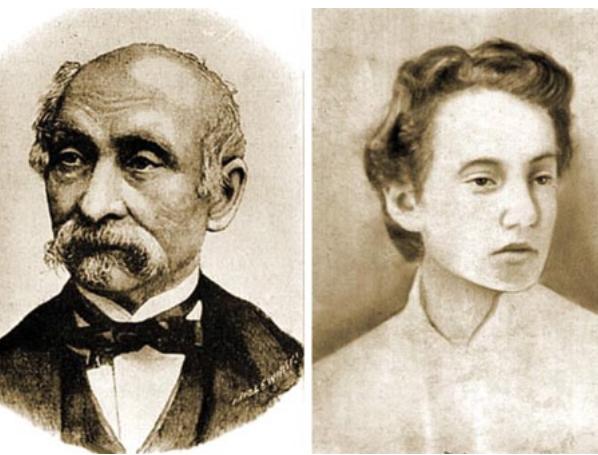

ошибочны. Несколько лет прошло, пока в 1874 году любопытство не подстрекнуло меня убить пару этих птиц, чтобы поближе на них взглянуть, и тогда мои сомнения оказались справедливыми – птицы, действительно, резко отличались от европейского вида.

Для точного определения их я послал эту пару в Варшаву известному орнитологу и заведующему таможним университетским музеем г. Тачановскому, который нашёл, что это действительно совершенно новый и весьма интересный вид, и описал его в статье «Description d'une nouvelle espèce de Coq de bruyere», помещённой в известиях Лондонского зоологического общества 1875 г. (март, стр.266-269), под названием *Tetrao Mlokosiewitschi* [Л. Млокосевич, 1879]. Кавказский тетерев (*Tetrao Mlokosiewitschi* Tacz.). С. 17-23].

Вообще-то о тетереве, обитающем в горах Кавказа, стало известно ещё в 1840 году из работы А. Нордмана. Позже, рассказывая о путешествии по Сванетии, Г.И. Радде (1864) писал, что высоко в горах живёт «тетерев-косач, которого сванеты называют просто курицей – катан». Как видно, оба исследователя считали, что на Кавказе обитает обыкновенный тетерев, широко распространённый в России. Вскоре Радде добыл молодого тетерева, а в 1869 году у него в коллекции были уже две взрослые птицы, но он не торопился с их описанием.

И поэтому появление статьи В.К. Тачановского стало полной неожиданностью для Г.И. Радде, который к тому времени уже знал, что кавказский тетерев –

Владислав Казимирович Тачановский (1819-1890) Юлия Людвиговна Млокосевич (1872 - ?)

ботаникой, проводила опыты по одомашниванию и разведению диких куриных птиц. Найденный ею и описанный Н.И. Кузнецовым новый вид растения носит имя «примула Юлии» *Primula juliae*.

Людвиг Млокосевич, не получивший университетского образования, был, тем не менее, весьма образован, отличался любознательностью, необычайной наблюдательностью, а также настойчивостью в достижении поставленных целей, о чём красноречиво свидетельствует история открытия им кавказского тетерева. В своей статье он подробно рассказывает об этом.

«Во время моих экскурсий за насекомыми, часто попадался мне здешний тетерев. Всякий раз он мне бросался в глаза каким-то отличием от европейского тетерева. На мои расспросы у охотников, охотившихся за ним, наконец, и у людей учёных, мне отвечали, что здешний тетерев не отличается от европейского и потому не представляет ничего интересного. В здешнем музее [в Тифлисе] я также видел его много раз всё под одним и тем же названием – *Tetrao tetrix* L. Видя такое общее согласие во мнениях в людях более опытных и знающих, я начал убеждаться, что, вероятно, меня обманывает зрение и мои предположения

Примула Юлии *Primula juliae*.
Бондарева О. 2015. *Primula juliae* Kusn.
<http://www.plantarium.ru/page/image/id/402007.html>

Кавказский тетерев *Tetrao mlokosewitschi*. Фото И.И.Уколова

особый вид и даже подобрал ему название. В 1884 году он писал по этому поводу: «Ниже я сообщаю некоторые подробности об открытии кавказского тетерева и николько не желаю оспаривать у г. Тачановского права на впервые данное им название этой птице. Я назвал эту птицу *T. acatopterius*; название это хорошо её определяет относительно обыкновенного тетерева, имеющего большое белое зеркальце, которого совершенно нет у кавказского вида».

Первоначально письменное сообщение Л.Ф. Млоконосевича о кавказском тетереве почти дословно процитировал в 1876 году Генри Дрессер в своей книге «A history of the birds of Europe». Позже в книге «Птицы Кавказа» его перевёл на русский язык М.Н. Богданов (1879), а уж затем была опубликована статья самого Л.Ф. Млоконосевича (1879), в которой он был вынужден уже сам цитировать Богданова. С тех пор фактически и началось изучение этого замечательного эндемика Кавказа. Особый вклад в познание биологии кавказского тетерева в XIX веке внесли наши отечественные исследователи Н.Я. Динник (1880, 1884, 1886), Ф.К. Лоренц (1884, 1887), К.Н. Россиков (1884), Г.И. Радде (1885) и другие.

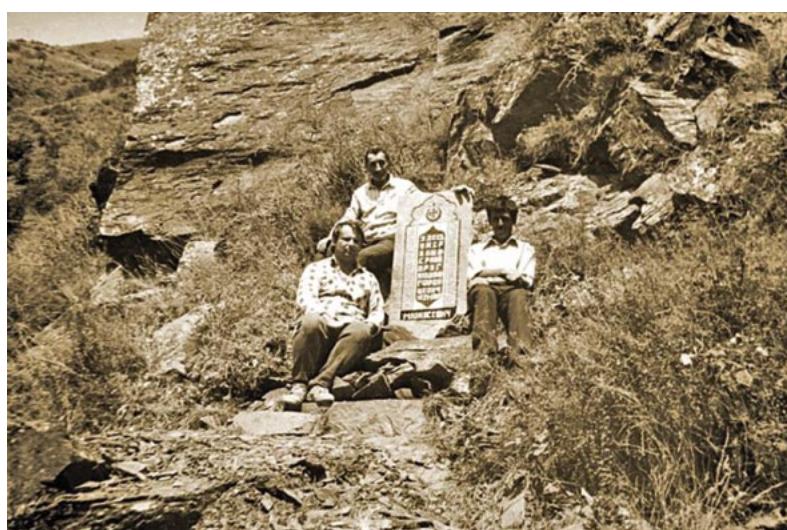
Интересно, что Л.Ф. Млоконосевич в своей статье не совсем точно скопировал латинское название, данное тетереву Тачановским, по-видимому, по привычке машинально назвав птицу на ботанический манер, так как у зоологов его имя пишется с несколько другим окончанием «*Mlokosiewiczi*». Следует обратить внимание, что различные ошибки в этом названии неоднократно допускали и многие другие авторы, в том числе даже М.Н. Богданов (1879), Г.И. Радде (1885) и др.

Несмотря на пережитые суровые испытания во время восхождения на Демавенд и Аракат, Л.Ф. Млоконосевич до глубокой старости в одиночку, или со своими детьми, или совместно с приезжав-

шими на Кавказ учёными продолжал регулярные исследования в горах, надолго уходя через перевалы на Главном Кавказском хребте в соседний Дагестан, в верховья реки Аварское Койсу. Там кунаки-аварцы в многочисленных аулах часто ждали его с лекарствами, надеялись на его содействие в организации зимних пастбищ для скота в предгорьях у Лагодех, на различные советы и другую помощь. Там до сих пор в домах старожилов хранятся подарки, полученные от Людвига Млоконосевича: тульский самовар, голландская пороховница... До самого последнего времени аварцы помнили также слышанные в детстве рассказы дедов и отцов об их друже из Лагодех, хотя не знали даже его имени, называя попросту «Старшилесничий».

Там, у аула Чорода, на берегу реки Джурмут на 78 году и оборвалась жизнь Людвига Францевича Млоконосевича. Во время очередной экспедиции по Дагестану он тяжело заболел и долго лежал в своей походной палатке у реки под горой, не разрешая никому близко подходить к себе, предполагая, очевидно, опасный инфекционный характер своего недуга. Аварцы лишь приносили ему из аула пищу – мясо, лепёшки с творогом (сулчэд), айран, хлеб, ставили всё это близ палатки и уходили. А после его смерти аварские друзья несколько дней несли Млоконосевича в Лагодехи на носилках – через трёхкилометровый перевал по узким горным тропам. Аул опустел. Своего верного друга, «русского» кунака в последний путь провожали все мужчины Чороды...

Похоронили «неутомимого исследователя фауны и флоры восточного Закавказья», как отозвался о покойном А.П. Семёнов-Тян-Шанский, у реки на окраине Лагодехи. На могиле была поставлена мраморная плита, на которой выбили: «Большой попечитель флоры и фауны Людвиг Францевич Млоконосевич. 1831–1909».

Слева – памятник Л.Ф. Млоконосевичу возле аула Чорода. Слева направо: Пётр Згонников, Омар Сулейманов, Молламагомед Алиев. Август 1989 года. Фото П.Т. Згонникова

Справа – мемориальная плита у аула Чорода. Май 2011 года. Фото Н.И. Насрулаева

Н.И. Насрулаев у могилы Л.Ф. Млоконосевича в Лагодехах. Август 2015 года

Сейчас на ухоженном погоре появился новый гранитный камень с надписью «Людвиг Млоконосевич. Неутомимый исследователь фауны и флоры Кавказа. 1831–1909».

В августе 1989 года мемориал Людвигу Францевичу Млоконосевичу установили и на месте его смерти в Чороде. Этот памятник хотел поставить ещё его лучший друг Сулейман Омаров, но что-то помешало ему. Перед смертью он завещал сделать это своему сыну, но и тот не смог выполнить отцовский завет,

поскольку не знал фамилии «Старшилесничего», не знал, что написать на камне. Поэтому наказ поставить памятник перешёл к внуку Омарова – Омару Сулейманову, однако и ему самому ничего не удалось узнать о Старшилесничем, даже бывая в заповеднике в Лагодехах: «Все эти годы на душе тяжесть носил. Возраст, видите, немалый, в любой момент мог уйти, а завет деда и отца так и не выполнен». Лишь благодаря помощи Петра Тимофеевича Згонникова удалось восстановить историю Л.Ф. Млоконосевича в горах Дагестана.

Мемориальная каменная плита установлена рядом с тропой, крутым серпантином поднимающейся из ущелья реки Джурмут в аул Чорода на вершине стометровой горы. А из аула виден и Джурмут, стремительно рвущийся к Каспию через каменную теснину гор, и длинная, бегущая вдоль его берегов дорога. По ней когда-то ходил неутомимый Людвиг Францевич, который «мог целую неделю не есть, целый месяц не спать», устремлённый к своей заветной цели...

Рисунки и фотографии Л.Ф. Млоконосевича заимствованы с сайта П.Т. Згонникова и получены от Е.Э. Шергалина, а фото кавказского тетерева любезно предоставил И.И. Уколов, за что авторы выражают всем им свою искреннюю признательность.

В.П. Белик, Н.И. Насрулаев

О Борисе Николаевиче Вепринцеве

Два года назад, к 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Вепринцева, в «Мире птиц» № 50 была опубликована статья Ольги Дмитриевны Вепринцевой об этом замечательном ученом и человеке. В нынешнем году исполняется 30 лет, как Бориса Николаевича нет с нами. Мы публикуем воспоминания орнитолога Святослава Георгиевича Приклонского, с которыми он выступил в апреле 2003 г. на конференции в Пущино, посвященной 75-летию Б.Н. Вепринцева.

Что можно ещё сказать о Борисе Николаевиче Вепринцеве – всегда первом, первооткрывателе, всегда и везде искавшем новые (чаще – нерешаемые) проблемы в нашей действительности, для того, чтобы найти их решение (а ведь, действительно, зачем искать решения решаемых проблем)? Ведь он был первым тогда – в СССР – кто начал записывать голоса птиц. Он первым понял значение криоконсервации для уже нарушенного человеком баланса в живой природе, как основы для воссоздания утраченных биологических форм. Одним из первых занялся изучением нервных клеток. И для этого разработал уникальную аппаратуру.

Меня больше всего поражала его способность удивляться. Во всем видеть новое, непознанное, а, следовательно, материал для научных изысканий: размышлений, рассуждений, исследований, анализа. Его удивляло и совершенно искренне радовало абсолютно ВСЁ: и жизнь в капле воды, и летящая «клином» стая гусей, и сбившиеся в кучу зайцы на лесном островке посреди разлива, и возможность

с помощью простых арифметических действий определить число, скажем, рысей в Европейской части тогдашнего Союза, и лисица, бегущая вверх по стволу чуть склоненного к воде дуба, и сама возможность видеть все это, ощущать, сопереживать, быть среди этой жизни, быть ее деятельным и активным участником.

Для меня лично очень важен один эпизод нашего общения. Как-то я рассказывал ему о Зимнем маршрутном учете охотничьих и охраняемых млекопитающих (ЗМУ). Как собирается материал из примерно 130 (тогда) регионов, в каждом из которых учетчики проходят по несколько тысяч километров, как выполняются тропления зверей для оценки протяженности их следа, как затем рассчитываются пересчетные коэффициенты. Тогда мы только начинали осуществлять эту программу для большинства регионов страны, отрабатывали методику, формы взаимодействия с республиканским и областным руководством, принципы обратной связи...

Слушал он необычайно внимательно. Лишь изредка прерывая мой рассказ вопросами и замечаниями, свидетельствовавшими о глубоком проникновении в смысл и суть дела, попытках оценить работу с иных, не только практических, о чём мы в основном тогда думали, но и сугубо теоретических позиций. Вывод, который был им высказан в заключение, поразил меня, рассказывавшего о ЗМУ до этого многократно различным учёным-биологам, чиновникам, руководству Главохоты, воспринимавшим ЗМУ равнодушно или с лёгкой ухмылкой: дескать, вот ещё один просит поддержки и финансирования.

Борис Николаевич, просмотрев ряд информационных отчетов и картосхем размещения некоторых видов зверей, уставшись на меня широко открытыми глазами заявил: «Это же колоссально! Эта методика позволяет не только подсчитать количество ныне живущих зверей, но и прогнозировать их численность и добывчу, а, следовательно, возможные прибыли и убытки в нашем хозяйстве! Её можно применять и для других групп животных! ЗМУ, при разумной постановке вопроса, даст ответ на многие ещё нерешенные биологические задачи, над которыми сейчас безуспешно бьются десятки институтов! Но как же вы здесь, в заповеднике, вдали от научных центров до этого додумались?». Вспомнив, что основателем этого дела был Владимир Порфириевич Теплов, к которому Борис испытывал искреннюю и глубокую симпатию (чувство это было взаимным), добавил: «Конечно, это заслуга В.П. Теплова, соратника и в какой-то степени ученика и последователя А.Н. Формозова – моего московского университетского учителя. А твоя роль – в том, что сумел внедрить их замыслы в практику».

Не скрою, восхищенное восприятие Борисом Николаевичем ЗМУ и деятельности организованной В.П. Тепловым Группы биологической съемки (ГБС) и его высокая оценка выполняемой работы стали для нас дополнительным существенным стимулом в ее развитии и расширении в довольно напряженный период, который тогда переживала вся охотоведческая наука. Мне известно, что он многим рассказывал в таких же восторженных тонах о делах ГБС, что привлекло к этой работе внимание многих учёных – его друзей и коллег. Поэтому я всегда считал и считаю Бориса Николаевича одним из главных вдохновителей образования Службы учета охотничьих животных в России. Хотя формально это нигде и никем не упомянуто. Но его мнение и отзыв были настолько значимы для меня, что я по-другому посмотрел на всю проблему и с удвоенным энтузиазмом ею занялся. В результате в течение 25 лет на территории 40 областей Европейской части России число охотничьих зверей оценивалось по единой методике. Эта методика была использована также в северных областях Украины, в Белоруссии, прибалтийских странах, Киргизии, Финляндии и Канаде. Впоследствии в России организация учётных работ

была передана заповедником специально созданной Службе учета при Минсельхозе РФ.

Борис Николаевич был исключительно импульсивным и увлекающимся человеком. Мало кто знает о его необычном увлечении – наблюдать за развитием жизни в замкнутом пространстве. В те времена в продаже были шарообразные аквариумы, диаметром около 40 см. Вот в такой аквариум Б.Н. Вепринцев бросал две горсти почвы, доливал полстакана воды, потом закрывал сверху стеклом и опечатывал сургучом. Получалась как бы замкнутая биота, лишенная осознанных контактов с внешней средой. Аквариум устанавливал в теплом, освещаемом месте, а затем с огромным интересом наблюдал за проявляющейся жизнью. Появлением растительности, беспозвоночных как бы из ничего. Борис Николаевич рассказывал, что искусство таких опытов восходит к английским рудокопам XVI – XVII вв., месяцами живших под землей, где такие же сосуды с «земными тварями» напоминали им о прежней их жизни под солнечными лучами. Они не только скрашивали их подземную жизнь, но и вызывали интерес к наблюдениям за взаимоотношениями организмов. За их связями со средой обитания. Их опыты с не меньшим рвением и интересом повторял Б.Н. Вепринцев. И находил в этом увлечении глубокий естественнонаучный смысл.

Борис Николаевич остро ощущал всё новое, необычное и сразу без всяких колебаний брался за осуществление перспективного с его точки зрения дела. Так было и с записями голосов птиц: ведь начинал он в те годы, когда о той аппаратуре, какая есть на современном телевидении, ещё и не помышляли. Его техника была рядовой, выпускавшейся тогда нашей советской промышленностью. Но Б.Н. Вепринцев всегда пытался ее усовершенствовать. В этом проявлялся его инженерно-технический талант, понимание необходимости использования современной техники (и технологий) в биологии. Помню, как в 1962 г. он привез в заповедник для улучшения записи (для концентрации звукового потока песен птиц) самим им изготовленную, как бы мы сейчас сказали, «тарелку»,

диаметром около 60 см. И всюду таскал ее с собой. Испытывая очевидные неудобства при перевозке и установке и терпеливо перенося насмешки окружающих. И другие его помыслы всегда находились на грани между природой и современной техникой. Недаром Государственную премию он получил за создание микрохирургических инструментов для препарирования клетки под микроскопом!

Так же было и с криоконсервацией. Только услышав о такой возможности, Б.Н. Вепринцев сразу же создает специальную лабораторию, договаривается с главными в стране хранилищами о помещении туда «замороженных» клеток редких видов животных. Не дай Бог они вымрут. Но будет резерв. И в будущем, при росте научных знаний и создании необходимых технологий, удастся воссоздать исчезнувшие виды! Не случайно сэр Питер Скотт сразу же понял важность этого направления охраны природы и создал в руководимом им WWF Отдел криоконсервации редких видов под началом Бориса Николаевича.

Важно отметить то обстоятельство, что Б.Н. Вепринцев никогда и ни от кого не скрывал своих идей. Охотно делился ими с собеседником, вдохновенно описывая перспективы работ, в безусловную осуществимость которых – пусть не сразу, не сейчас, пусть через многие годы – он искренне верил. И, таким образом, он завоевывал себе сторонников и последователей. Не случайно все его начинания стали отправной точкой формирования самостоятельных «школ», которые насчитывают сейчас сотни исполнителей.

Я хочу остановиться ещё на одном дорогом для меня моменте наших взаимоотношений. Борис в первую очередь был учёным. Учёным, который ради идеи мог позабыть обо всем остальном. То же он предполагал и у своих коллег. Поэтому, когда я попросил его выступить перед коллективом Окского заповедника о своём видении будущего как нашей работы, так и жизни, он попытался изложить свое понимание профессионального и жизненного кодексов сотрудника заповедника как природоохранной организации. Что касается первой позиции (профессионализм), коллектив воспринял ее «на ура». Ещё бы! Борис говорил о работе, работе в природе, наблюдениях, важности ведущейся нами Летописи Природы заповедника, необходимости регулярного подведения итогов, публикациях, сборниках трудов, участии в совещаниях и конференциях, общении, семинарах и пр. Но затем он перешёл к так называемым «житейским» вопросам. Здесь его слова далеко не всем пришли по душе. Основной тезис, который он пытался отстоять, состоял в том,

что работа в заповеднике требует от человека большой самодисциплины и бескорыстия. Борис считал и доказывал это на примерах, что существенное антропогенное воздействие на природу (и в первую очередь – в заповедниках) крайне нежелательно. Более того, оно иногда просто вредно. И не только потому, что человек своей деятельностью затрудняет жизнь

«дикой природы». А в том числе и потому, что хозяйственная деятельность нарушает весь ход природных процессов. В некотором смысле даже затрудняет его понимание учёными. Поэтому сотрудникам заповедника, раз уж они выбрали такую ответственную и необходимую всему человечеству работу и приехали сюда, необходимо себя во многих вещах ограничивать. В частности, Борис выступал за ограничение личных нужд только жизненно необходимыми. Резко высказался против приглашения сотрудниками заповедника в гости родственников и знакомых (поскольку это увеличивает антропогенную нагрузку на заповедную природу). Ратовал за уменьшение числа механических средств передвижения. Естественно, большинству сотрудников, среди которых были также истопники, разнорабочие, трактористы и водители, которые пришли на работу в заповедник отнюдь не по идеальным соображениям, это не могло понравиться. По большинству положений коллектив поддержал Бориса Николаевича, но резко высказался против ущемления, как бы сейчас сказали, «прав личности». Впоследствии Б.Н. Вепринцев сделал конспект своего тогдашнего выступления и передал его в архив ОГЗ. В заповеднике он хранится в назидание будущим «шеренгам бойцов».

Я привёл этот пример для того, чтобы показать, что Борис Николаевич в душе всегда был идеалистом. Он свято верил в человека. В то, что он – и, в первую очередь, работник науки – может понять высшую цель своей жизни и ради неё, этой цели, пожертвовать многими, если не всеми, благами! Как показало наше время, это доступно, увы, далеко не каждому.

В заключение я приведу запись в Книге посетителей ОГЗ, сделанную Борисом Николаевичем Вепринцевым 5 апреля 1984 г. «Для меня Окский заповедник – сказочный край, детская мечта, неожиданно сбывающаяся. Разлив, яркое тёплое солнце, высокая вода. На лодке плывёшь по настоящему лесу, плывёшь между деревьями к журавлям на Старых Боровых. Зайцы на полянах, окруженные водой, гуси над головой, сухой треск чирков-трескунков, звон перепёлок – ещё живая многоликая природа. Это хрупкое существование чуда в центре России сможет жить только при сохранении основных биоценозов Мещёрского края и его водного режима. Я надеюсь, я хочу верить, что наше время невероятного разорения природы наделит мудростью, грамотностью и чувством ответственности перед существующим и будущими поколениями людей Рязанской земли. И Мещёрский край будет сохранён. Его сохранят».

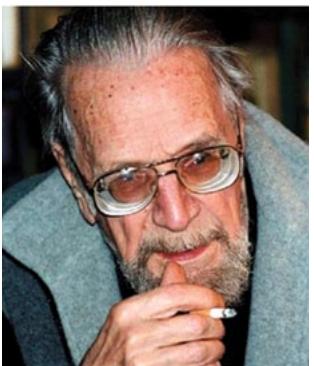
Не слышится ли Вам в этом «послании потомкам» призыв не только к людям Рязанщины, но и к нынешнему руководству России, безоглядно эксплуатирующему природные ресурсы нашей Родины и ещё не наделенному той мудростью и чувством ответственности, особенно перед грядущими поколениями, на которые так надеялся Борис Вепринцев?

С.Г. Приклонский

Первый Президент Союза охраны птиц России – Владимир Евгеньевич Флинт (1924–2004). К 95-летию со дня рождения

Все свои восемь долгих, богатых событиями десятилетий Владимир Евгеньевич Флинт неутомимо шёл только вперёд, только вверх, через тернии – к звёздам. Разных «колочек» и кочек на его большом жизненном пути было предостаточно, но В.Е. Флинт шаг за шагом поднимался

к своему заслуженному признанию. И его кончина стала для всех нас уходом в прошлое большой, богатой событиями, славной эпохи, в течение которой в нашей науке, в стране шёл переход от простой инвентаризации живых природных ресурсов к их сохранению и приумножению для потомков.

В адрес В.Е. Флинта было сказано немало добрых слов. Но боль в душе от потери не утихла даже спустя более десятилетия. Поэтому вспомнить о Владимире Евгеньевиче уместно и сегодня.

Коренным москвичом, выросшим на Большой Ордынке, в потомственной, любившей природу интеллигентной профессорской семье, корни которой уходили далеко в глубь Америки и Наполеоновской Франции, Владимир Флинт уже с детства увлёкся птицами, всерьёз интересовался зоологией и видел ее в будущем свой главной профессией. Но дальнейший путь в науку прошёл через войну, отнявшую четыре долгих, тяжких года. Закончил ее юный В.Е. Флинт танкистом в Чехословакии, и сейчас можно только удивляться и радоваться, что судьба была столь милостива к его бронированной машине.

Затем был послевоенный труд, вечерняя школа рабочей молодежи и, наконец, аттестат о среднем образовании. Поэтому научный старт получился затяжным: только в свои 24 года, в 1948 г., в год моего рождения, В.Е. Флинт преодолел первый рубеж – поступил на биофак Московского университета. Судьба и здесь благоволила Владимиру Евгеньевичу, ниспослав ему замечательных учителей, профессоров С.И. Огнева, Г.П. Дементьева, А.Н. Формозова, В.Г. Гепнера, Н.П. Наумова, доцента Е.С. Птушенко. А в Зоомузее МГУ, где часто проходили занятия, работали также С.С. Туров, Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг. Но сверстников у В.Е. Флинта было мало, их отняла война...

В университете В.Е. Флинт сразу же зарекомендовал себя перспективным, профессиональным орнитологом. Его студенческая курсовая работа, выполненная под руководством Г.П. Дементьева, была посвящена птицам Измайловского парка и получила высокую оценку специалистов. Достаточно ска-

зать, что на неё до сих пор ссылаются орнитологи, как на весьма значимый первоисточник по орнитофауне Москвы. Не меньшее научное значение имеет и дипломная работа В.Е. Флинта, посвящённая изучению гаги на Белом море; эту работу он писал под руководством А.Н. Формозова.

После блестящего окончания МГУ будущий лидер отечественной орнитологии начал свою научную деятельность с преподавания в Московском городском пединституте имени В.П. Потёмкина. Но через год, в поисках нового, В.Е. Флинт ушёл в Институт эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи АМН СССР, в аспирантуру к Н.П. Наумову. При этом Владимиру Евгеньевичу пришлось на время переквалифицироваться в грамотного, целеустремлённого териолога, чтобы подготовить обе необходимые для дальнейшей научной карьеры диссертации: кандидатскую «О зоологических основах эпидразведки» (1959) и весьма солидную докторскую «Пространственная структура популяций мелких млекопитающих» (1972), вышедшую позже отдельной монографией (1977).

Одновременно В.Е. Флинт много путешествовал по самым дальним и неизведанным уголкам Советского Союза, изучая млекопитающих, накапливая материалы для своих диссертаций и одновременно наблюдая птиц и собирая свою знаменитую, одну из самых богатых в СССР, зоологическую коллекцию, насчитывавшую 760 кладок! Препарируя для коллекции птичьи яйца, В.Е. Флинт иногда в шутку повторял: «Птенец – это окончательно и бесповоротно испорченное яйцо!». Орнитологи, мол, собирая кладки, дают птицам благую возможность «отдохнуть» от тяжкого бремени по высиживанию и выкармливанию птенцов. Тем не менее, поиски птичьих гнёзд и детальное изучение поведения птиц возле них позволили В.Е. Флинту собрать уникальные научные материалы по биологии целого ряда тундровых куликов.

Препарирование яиц в экспедиции. 1973 г. Фото П.С. Томковича

В.Р. Дольник и В.Е. Флинт. 1979 г. Ашхабад. Конференция по охране птиц, посвящённая памяти Г.П. Дементьева

Собранная В.Е. Флинтом оологическая коллекция позже была подарена Зоологическому музею МГУ. А в начале 1969 г., после того как в Музее освободилась ставка, Владимир Евгеньевич перешёл туда, вернувшись к своей любимой орнитологии. Здесь в течение восьми лет он плодотворно трудился, изучая распространение, экологию и этологию куликов, а также других птиц на крайнем северо-востоке России – на Индигирке, Чукотке, в Карякии и Анадыре – вместе с А.А. Кищинским, П.С. Томковичем и другими коллегами, с которыми поддерживал тесную дружбу всю свою дальнейшую жизнь.

Кулики стали тогда для В.Е. Флинта одной из наиболее любимых групп птиц. И именно их изучению была посвящена его научная тема, разрабатывавшаяся в Музее: «Экологические, этологические и морфо-физиологические адаптации птиц к типу ландшафта на примере куликов». В эти же годы, работая в Музее, В.Е. Флинт «открыл» важный организационный ресурс Московского общества испытателей природы, размещавшегося в здании Зоологического музея МГУ. И на его базе Владимир Евгеньевич организовал в 1973 г. первое совещание по фауне и экологии куликов, опубликовав два выпуска его материалов. Традиция проведения регулярных тематических совещаний и конференций, посвященных изучению и охране куликов, а также журавлей, хищников и других групп птиц, с лёгкой руки Флинта продолжается до сих пор.

В 1970-е годы, когда острые проблемы охраны природы приобрели особое значение для учёных, общественности и государства, в стране потребовались организаторы, способные построить современную систему сохранения исчезающих животных. И в это время перед В.Е. Флинтом раскрылись новые возможности приложения его организаторского таланта, его незаурядных способностей в сплочении многочисленных коллег. Он активно включился

в природоохранную деятельность, быстро завоевав непререкаемый авторитет мудрого стратега и активного практика в области сохранения живой природы.

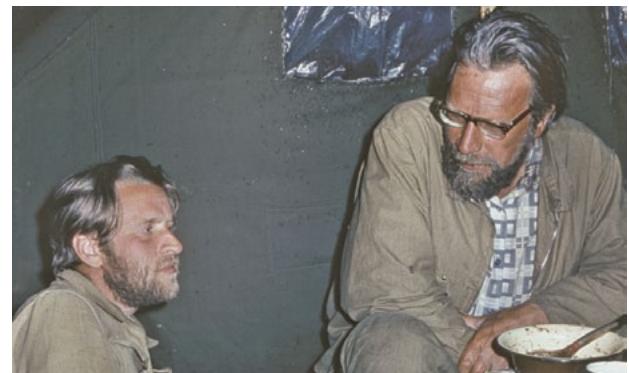
Более четверти века В.Е. Флинт реализовывал свои идеи, работая с 1976 г. в Центральной научно-исследовательской лаборатории охраны природы (ЦНИЛОП МСХ СССР, позже – ВНИИ Охраны природы, а ныне – ВНИИ Экология). Всемирное признание получила, например, блистательно проведенная им «Операция Стерх», которая положила начало всестороннему изучению и спасению от вымирания легендарного белого журавля – гнездового эндемика Сибири. Тем самым было привлечено широкое внимание специалистов и мировой общественности к проблемам сохранения редких животных, заинтересовавшим в последние годы и Президента России.

В.Е. Флинта постоянно волновала судьба журавлей, а также дроф и пернатых хищников – наиболее уязвимых, большей частью реликтовых представителей нашей фауны. И именно он был инициатором создания специальных рабочих групп по этим птицам, возглавив большие коллективы, которые и после ухода В.Е. Флинта до сих пор активно занимаются разработкой и осуществлением программ по изучению, сохранению и восстановлению популяций журавлей, дроф, хищных, гусеобразных, врановых и других птиц Евразии. Итоги этой многогранной деятельности содержатся в одной из последних книг В.Е. Флинта «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика» (2000). А блистательный пример научно-популярного изложения проблем охраны редких видов хищных птиц дан в его интереснейшей книге «Сокол на перчатке» (Флинт, Сорокин, 1999). Оба эти издания с дружескими дарственными надписями В.Е. Флинта хранятся в моей библиотеке.

Владимир Евгеньевич всегда был устремлён в будущее, постоянно находился в поиске новых теоретических, прикладных и организационных форм изучения и охраны птиц. В 1983 г. вместе с В.Д. Ильинским и Е.Н. Курочкиным впервые в СССР они добились организации при Академии наук Всесоюзного орнитологического общества, объединившего всех специалистов на просторах Северной Евразии. Но одно из главных достижений В.Е. Флинта на этом поприще – создание в 1993 г., вскоре после распада СССР, нового общественного объединения – Союза охраны птиц России, а также определение основных направлений его деятельности, формирование структуры, объединение когорты единомышленников, включение российских орнитологов и любителей в международную систему охраны птиц. Более десятилетия В.Е. Флинт стоял во главе Союза охраны птиц России: со дня основания и до декабря 2001 г. – как Президент, а в последние годы – в качестве его Почётного Президента.

Достижения В.Е. Флинта в деле изучения и сохранения животного мира хорошо известны. Свидетельство тому – его высокие общественные посты, широкое

А.А. Кицинский и В.Е. Флинт. Чукотка, 1975 г.

Фото П.С. Томковича

международное признание, мантия академика Российской академии естественных наук. В его активе – участие в создании Красных книг СССР и России. Он инициатор, редактор и автор ряда разделов в новой многотомной сводке «Птицы СССР» / «Птицы России и сопредельных регионов», издающейся с 1982 г. За выдающиеся успехи в области охраны природы, за разработку и практическую реализацию стратегии сохранения биоразнообразия В.Е. Флинт был награждён Орденом Дружбы Народов, а в Голландии получил почетный Орден «Золотой Ковчег» («Gouden Ark»).

Владимир Евгеньевич всегда был открыт и доступен для личного и творческого общения, всегда очень живо интересовался новыми достижениями фаунистики и экологии, музейного дела и зоологической библиографии, искусством содержания ловчих птиц и этнографическими находками. Он был готов обсуждать как большие проблемы зоологической науки, так и различные частные события в жизни наших отечественных научных коллективов. При этом Флинт, сохраняя своё достоинство, обычно не спорил, но мягким, спокойным голосом настойчиво убеждал оппонентов логикой своего мышления, так что возражать ему, как правило, было нечем. Обладая незаурядной памятью, В.Е. Флинт хранил связь нескольких поколений учёных-зоологов, долгие годы передавая всем нам крупицы нашей орнитологической истории. И при этом особенно бросалось в глаза глубокое уважение Владимира Евгеньевича ко всем предшественникам-орнитологам, навеки ушедшим в историю.

О человеческой простоте и непрятательности В.Е. Флинта в быту, в экспедиционных условиях, да и в аристократическом сообществе среди орнитологов ходило немало легенд. До самых последних лет Владимир Евгеньевич вместе со своим верным другом Рюриком Львовичем Бёме каждую весну ездил на охоту в Тверские леса – на глухаринные и тетеревинные тока, на тягу вальдшнепа. И там двум почтенным, седобородым профессорам в течение недели приходилось регулярно ночевать в шалаше, в лесу у костра, коротая холодные ночи на глухарином току за рюмкой чая.

Рассказывают, что как-то на зоологической встрече в дальнем зарубежье интеллигентный Флинт, устав-

ший от длительного дружеского застолья, извинился перед коллегами, расстелил на полу у стены газетку и спокойно прилёг отдохнуть, а через полчаса, посвежевший, вновь сидел за столом в кругу восхищённых сей непосредственностью аристократов. При этом крепкий организм бывшего танкиста выдерживал такие нагрузки, что состязаться с ним в застольях решались лишь самые выносливые полевики. Следует также добавить, что В.Е. Флинт никогда, ни при каких обстоятельствах не терял нить своей мысли, стержень любого разговора, и всегда очень чётко, не спеша излагал свои воспоминания, результаты наблюдений, новые идеи и планы.

Поражает разносторонность Владимира Евгеньевича – как в науке, так и в различных увлечениях. Он одинаково хорошо знал и орнитологию, и териологию, и герпетологию, изучал как распространение, так и экологию и поведение самых различных животных, уделяя внимание проблемам их зоогеографии, активно разрабатывал теоретические и практические вопросы их охраны в природе и разведения в неволе. В.Е. Флинт в разное время вполне профессионально занимался также коллекционированием. Он собирал то марки с изображением фауны, то значки, то кактусы или охотничьи ножи. Об уникальной коллекции птичьих яиц и гнёзд, собранной В.Е. Флинтом в экспедициях, уже упоминалось ранее. Владимир Евгеньевич собрал также поистине богатейшую домашнюю библиотеку зоологической литературы, и в последние годы очень переживал за её будущее, настойчиво искал достойное место для её дальнейшего хранения. И сейчас библиотека Флинта обрела своё пристанище в Московском зоопарке.

Последние годы жизни Владимира Евгеньевича были омрачены уходом из жизни его ближайшего друга Рюрика Львовича Бёме, серьёзной болезнью. Но несмотря на очевидные страдания и физическую слабость, В.Е. Флинт до самого последнего дня был деятелен, встречался с коллегами, постоянно работал.

На последней встрече в связи со своим 80-летием он высказал близким друзьям завещание: оставляя преданными науке, и несмотря ни на какие споры разногласия укреплять единство своих орнитологических и природоохранных рядов. Кончина Владимира Игнатьевича стала огромной, невосполнимой потерей для всех наших зоологов, всех деятелей охраны живой природы. И во время его похорон даже на обветренных, грубых мужских лицах стояли скорбь и слёзы...

Имя Флинта впервые стало известно мне ещё школьные годы, когда во время эпизодических поездок в Москву я начал собирать орнитологическую литературу, покупая в «Академкниге» на улице Горького в букинистических магазинах на Кузнецком мосту опадавшиеся там книги о птицах, прежде всего – борники «Орнитология», издававшиеся в МГУ. Хорошо помню заинтересовавшие меня тогда статьи о свиристевом сорокопуте и желтозобике, об экзотической тогда для меня фауне Тувы и Туркмении, опубликованные в «Орнитологии» в 1962-1967 гг. А потом в моих руках оказался полученный по подписке из Москвы правочник-определитель географа и путешественника, составленный в 1968 г. В.Е. Флинтом в соавторстве Р.Л. Бёме, Ю.В. Костиным и А.А. Кузнецовым, в котором были перечислены сразу ВСЕ виды птиц СССР. Их списки я долго собирая ещё в школьные годы, здесь были даны ещё и цветные рисунки всех видов! Эта книга, правда, уже без истрепавшихся обложек, путешествовала со мной в рюкзаке по России, Украине, Закавказью, Казахстану и Средней Азии почти до конца XX века, пока не была подарена начинающим студентам-орнитологам.

Впервые же увидеть В.Е. Флинта мне довелось здали лишь в 1977 г. – на моей первой научной конференции в г. Черкассы на Украине, где проходила VII Всесоюзная орнитологическая конференция. Через полгода я вновь случайно встретился с ним в Зоомузее МГУ в Москве, где в орнитологическом отделе он, непостижимым образом узнав меня, достал из своего портфеля оттиск с моими статьями из последнем выпуске «Орнитологии» и торжественно вручил с пожеланиями дальнейших успехов. В 1991 г. в Витебске, на последней, X Всесоюзной орнитологической конференции, уже после защиты кандидатской диссертации, я смог, наконец, спокойно подойти к В.Е. Флинту с просьбой о консультации о поводу своей дальнейшей работы. Но меня по-прежнему не оставляло чувство глубокого уважения и преклонения перед этим большим учёным.

Несколько сблизился я с Владимиром Евгеньевичем лишь после нашего долгого общения в 1994 г. на XXI Международном орнитологическом конгрессе в Австрии, где мы совместно с В.М. Галушкиным В.В. Ивановским часто встречались с В.Е. Флинтом Конгресс-центре императорского дворца Гофбург, также в гостинице и на улицах Вены. И позже Владимир Евгеньевич уже с интересом прислушивался

к моему мнению, иногда даже сознательно вызывал меня на разговор. Возможно, на него повлияли мои оригинальные взгляды или самостоятельные суждения о некоторых наших орнитологах, о которых я как-то критически высказался в разговоре. Впоследствии при визитах в Москву я, по приглашению В.Е. Флинта, неоднократно посещал его дом, где обычно вручал цветы его супруге Татьяне Львовне – дочери академика Л.А. Зенкевича, ласкал в прихожей красавца-гордона, а потом мы долго беседовали с Владимиром Евгеньевичем в полу сумраке его рабочего кабинета, заставленного шкафами и стеллажами с книгами, а также многочисленными сувенирами из разных концов света, где ему пришлось побывать в течение жизни. Вернее, теперь я чаще слушал интересные, неторопливые рассказы Флинта о работе и жизни, о его родословной, об именитых друзьях и коллегах из ближнего и дальнего зарубежья...

Особенно же я благодарен Владимиру Евгеньевичу за его всемерную поддержку моей диссертационной работы в 1999 г. Несмотря на занятость и усталость, по его словам, от постоянных защит и оппонирования разных диссертаций в те годы, В.Е. Флинт с удовольствием согласился посмотреть мою работу и дать отзыв о результатах моих исследований, посвященных анализу орнитофауны степного Придонья, тем более что многие рассматривавшиеся в ней вопросы были в русле интересов самого Флинта. В его официальном отзыве было всего два незначительных замечания: о пустопорожности вычислений процентной доли разных отрядов птиц в составе фауны, с чем я, впрочем, был полностью согласен, а также о необходимости комплексного и в то же время индивидуального подхода к разработке стратегий сохранения разных видов.

Вклад Владимира Евгеньевича Флинта в биологию и в охрану природы России, а также в формирование ее нынешнего научного потенциала настолько велик, что его фигура, несомненно, навсегда останется в памяти потомков. Это был добрый товарищ, мудрый наставник, стратегически мыслящий учёный. Особенno наглядно свидетельствует об этом встреча, посвящённая 90-летию со дня рождения Владимира Евгеньевича, которая состоялась 13 марта 2014 г. в Зоологическом музее МГУ в Москве. На ней с яркими, эмоциональными докладами о жизни и деятельности В.Е. Флинта выступили его многочисленные друзья, ученики и коллеги, которые рассказали о его вкладе в защиту природы и охрану птиц, о его большой научной и организационной работе в СССР, в России и на международной арене.

Признание же выдающейся роли Владимира Евгеньевича в развитии отечественной орнитологии и природоохранных движений вполне логично приводит нас к идее, высказанной ещё В.М. Галущиным, о необходимости присвоения имени В.Е. Флинта его детищу – Союзу охраны птиц России.

В.П. Белик

К столетию со дня рождения Н.Н. Карташева (1919–1979)

Все, кто учился на кафедре зоологии позвоночных биофака МГУ в 1960-х и 1970-х годах, хорошо помнят Николая Николаевича Карташева, читавшего студентам систематику, а позднее, и биологию птиц: с виду сурового и строгого, на самом деле — доброго и отзывчивого. Над его письменным столом была прикоплена бумажка с такой цитатой:

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
А прочие пробыются сами.

Лев Озеров

Просидев больше пяти лет с ним в одной тесной комнате на пятом этаже биофака, плотно заставленной дубовой университетской мебелью и приспособленной как под кабинет, так и под лабораторию, я ни разу не слышала от него ни наставлений, ни поучений, зато всегда получала советы и ценные замечания. Самым интересным было слушать его разговоры с гостями, а среди них кого только не было: В.Е. Флинт, А.О. Ташлиев, Р.Л. Бёме, В.А. Земский, С.М. Кудрявцев и многие другие. Разговоры, конечно, касались прежде всего птиц, и сейчас я очень жалею, что ничего не записывала.

К сожалению, я никогда не была с Николаем Николаевичем в поле и только один раз без предупреждения свалилась ему «на голову» в Дарвинском заповеднике. Он, хоть и поворчал в усы, отнёсся к нашему вторжению вполне благосклонно, устроил на ночлег и даже выделил мне с моими спутниками лодочный мотор и ровно столько бензина, чтобы мы могли добраться до острова, понаблюдать за чайками и вернуться. Конечно, мы не отказали себе в удовольствии погонять по водохранилищу, и конечно же, у нас раньше времени кончился бензин. Мы даже слегка повредили мотор и возвращались (на тяжеленной «казанке»!) на вёслах. Карташев терпеливо перенёс

Капитан ветеринарной службы Н.Н. Карташев на жеребце Ваське

все эти безобразия и только себе под нос негромко назвал меня «шалопутной девкой».

Всю жизнь главным объектом исследований Н.Н. Карташева были чистиковые птицы. С 1940 г., ещё будучи студентом, он собирал материал на колониях Баренцева моря в тогда недавно организованном заповеднике «Семь островов». В изучение чистиковых его «втравили» студенты-старшекурсники, а позднее — аспиранты Владимир Модестов и, особенно, Юрий Кафтановский.

В июне 1941 г. студент Карташев под руководством В. Модестова начал обследование Терского берега Белого моря, в первую очередь, для учёта численности и распределения гаги. Жизнь на Белом море летом и взаимоотношения с гагами ярко описана писателем-натуралистом Г.А. Скребицким в книге «На заповедных островах» (М.-Л., 1945). Но тем же летом 1941 года началась война...

В первые дни войны вышел приказ наркома просвещения о четырёхлетнем образовании в МГУ. Это означало досрочное присвоение студентам, окончившим 4 курс, статуса выпускников с последующей мобилизацией и отправкой на фронт. Однако направлены на фронт были не все, некоторые продолжили учёбу для получения военной специальности. Н.Н. Карташев вместе с однокурсниками был зачислен в Военно-ветеринарную академию, сразу на третий курс. Академия располагалась сначала в Москве, затем эвакуировалась на берег Аральского моря, а заканчивал обучение Николай Николаевич в мае 1943 года в Самарканде. Условия были далеки от комфортных: летом изнурительная жара, зимой — лютый холод, скучное питание. В курс обучения, помимо строевой и огневой подготовки, входили военно-полевая хирургия, терапия, анатомия, кормление животных, латынь и др.

По окончании Академии Н.Н. Карташев получил звание капитана ветеринарной службы. С июля 1943 г. по май 1944 г. он воевал на Юго-Западном фронте в составе 20-й Криворожской стрелковой дивизии, где был врачом-хирургом армейского ветлазарета. Оперировать приходилось иногда по 12–16 часов. Раненых лошадей было очень много, а за потери конского состава полагалось наказание вплоть до расстрела. Позднее Николай Николаевич стал начальником лечебного отдела дивизионного ветлазарета, а с июня 1944 г. по май 1945 г. был в составе гвардейских кавалерийских частей 3-го Украинского фронта в должности старшего ветврача полка, в котором было до 350 лошадей. Н.Н. Карташев участвовал в освобождении Украинской и Молдавской ССР, а затем прошёл с боями Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию. Был дважды ранен, заслужил благодарность Главнокомандующего за отличные боевые действия

Н.Н. Карташев после войны с отцом Николаем Николаевичем, матерью Марией Васильевной и женой Лусик Сергеевной

в ходе Будапештской операции 1944 г., награждён Орденом Красной звезды и медалями.

Вместе со своим верным жеребцом Васькой Н.Н. Карташев закончил войну в Австрии. Он тепло вспоминал своего коня, настоящего друга, не раз спасавшего его от смерти. По окончании войны он сам отвёз Ваську на один из украинских конезаводов в Донбассе. Расставание было тяжёлым, но иного выхода не было.

В 1946 г. Николай Николаевич возвращается в Московский университет. В феврале он зачислен старшим лаборантом на биофак, а в ноябре становится аспирантом Института зоологии МГУ. В 1950 г. состоялась успешная защита его кандидатской диссертации «Материалы по биологии развития чистиковых птиц Восточной Атлантики (экология, морфология, промысел)».

Когда после войны Н.Н. Карташев вернулся в заповедник «Семь островов», его друзей уже не было в живых: В.М. Модестов погиб 9 августа 1941 г. в Карелии, сравнительно недалеко от Кандалакшского заповедника, а Ю.М. Кафтановский — 3 февраля 1942 г. вблизи г. Демидова Смоленской области. Позднее свою монографию «Чистиковые птицы Северной Атлантики» (1960), изданную на немецком языке и получившую международное признание, Николай Николаевич посвятил памяти Ю.М. Кафтановского.

На заповедных островах после войны царила безрадостная картина. Вот как описывает это Н.Н. Карташев в сборнике «Охрана природы» за 1951 г.: «В годы войны была снята охрана заповедника и началась бесплановая хищническая эксплуатация базаров. В очень больших количествах проводился сбор яиц, так что обирались не только первые, но и повторные кладки на всех, даже малодоступных участках базаров. Кроме того, широко практиковалась «охота» на базарах, где с одного выстрела падает 10–15 птиц и такое же количество подранков уходит в море и гибнет там. Было разрушено некоторое количество многолетних гнёзд моевок,

засыпаны торфом отдельные верхние карнизы. Ряд больших удобных карнизов, где раньше гнездилось до 50–100 пар кайр, оказались пустующими. Там, где перед войной гнездилось несколько тысяч пар кайр, в 1946 г. на воду спустилось всего 79 птенцов. Поголовье гаги и моевки уменьшилось примерно до уровня 1938 г.». Восстановление заповедного режима быстро поправило ситуацию. «В 1948 г. уже было обеспечено нормальное развёртывание работы, что в первую очередь объясняется большой энергией и любовным отношением к делу Л.О. Белопольского, руководящего научной работой заповедника. Количество гнездящейся птицы, в первую очередь гаги, кайр и моевок, по сравнению с 1947 г. заметно увеличилось. Это создает уверенность в том, что коллектив работников заповедника сумеет в ближайшее время добиться резкого увеличения численности охраняемых видов птиц и превратит заповедник в резерват, обогащающий промысловую орнитофауну Мурманского побережья».

Будучи с малых лет охотником (как-то, отъехав на материк, он за час добыл 16 белых куропаток!), Николай Николаевич, как и его отец, одновременно был приверженцем «правильной охоты» и искренним защитником природы. В 1978 г. он получил письмо от краеведа В.И. Козлова из Горького (Нижний Новгород) с просьбой поделиться информацией о природоохранной деятельности своих родителей: они были членами Горьковского, а мать, Мария Васильевна, ещё и Центрального Совета ВООП. Н.Н. Карташев вспоминал, что дома очень часто и горячо обсуждались проблемы охраны природы.

В те годы был распространён подход к заповедному делу как к способу увеличения запасов промысловых животных, что не могло не отразиться на работе Николая Николаевича. За пределами заповедника на птичьих базарах Мотовского залива Н.Н. Карташев предложил организовать опытное показательное промысловое хозяйство, заложив в его основу следующие принципы:

Н.Н. Карташев и заведующий кафедрой зоологии позвоночных Н.П. Наумов

- выяснение биологии чистиковых птиц, точный учёт запасов и продукции каждого базара перед началом промысла; различная эксплуатационная нагрузка на разные виды, запрет промысла малочисленных тупика и гагарки;
- сбалансированная заготовка яиц, взрослых и молодых птиц;
- полное использование всех частей добываемых птиц (мяса, пуха, пера, шкурок); изоляция опромышленного участка от остальных;
- ограничение территории и сроков промысла;
- регулирование численности хищников, соблюдение техники безопасности, биотехнические мероприятия (расчистка карнизов и т.п.);
- постоянный контроль промысла с участием зоологов.

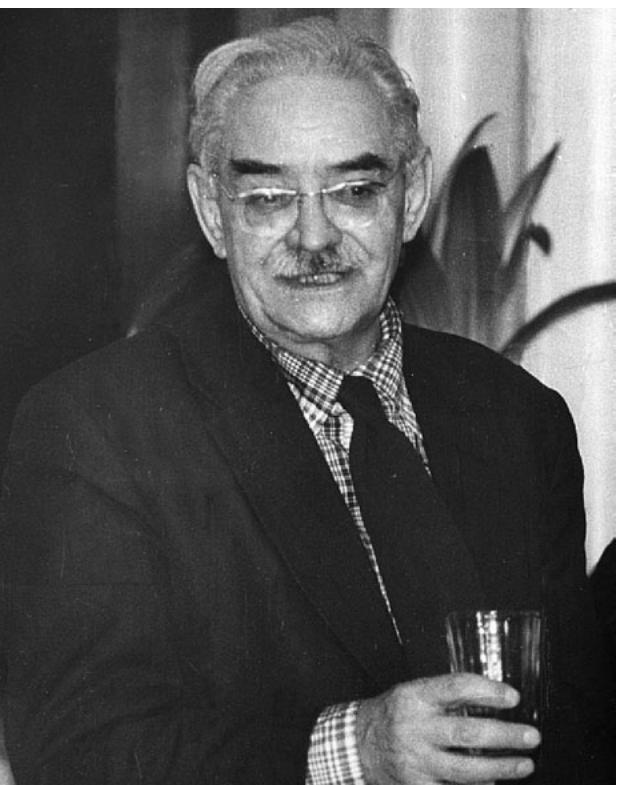
Все это предполагало максимальный выход продукции при одновременном росте численности гнездящихся птиц. Воплощение в жизнь подобного плана вовлечения колоний птиц в сферу экономической деятельности могло бы стать ярким примером рационального природопользования в условиях Арктики.

Эти принципы организации промысла Н.Н. Карташев предлагал распространить также на восточный сектор Советской Арктики и на Тихоокеанское побережье, предварительно проведя там тщательное обследование и точный учет чистиковых птиц. Одновременно он придавал очень большое значение организации научной работы в заповедниках, в том числе для разработки эффективных методов учета птиц и уточнения особенностей их биологии.

Николай Николаевич внёс заметный вклад в организацию работы заповедников. В Приокско-Террасном, Окском, Дарвинском заповедниках он уделял большое внимание разработке методов учёта птиц, особенно водоплавающих, оценке эффективности разных методов. Вместе с В.П. Тепловым разработал серию рекомендаций «Биологические основы упорядочения охоты на водоплавающих птиц в центральных областях Европейской части СССР» (1956).

Справа налево: Н.Н. Карташев, Н.П. Наумов, Г.Н. Симкин

Н.Н. Карташев на юбилее кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ в 1979 г.

Главным трудом жизни Н.Н. Карташева стала монография «Систематика птиц» (1974) – первый учебник на русском языке, обобщающий мировой опыт в этой области. Курс с таким же названием он читал студентам кафедры зоологии позвоночных много лет, непрерывно совершенствуя его и уделяя много времени подготовке к каждой лекции. Николай Николаевич чрезвычайно бережно относился к научному наследию предшественников. Истории исследований он всегда посвящал отдельную лекцию, причем не первую, как обычно делают, а последнюю в цикле, когда у слушателей уже были сформированы основные представления о системе, и они могли оценить весь творческий путь, пройденный от Аристотеля до Линнея и далее.

Николай Николаевич Карташев остается в памяти коллег как человек большого личного обаяния и глубокой эрудиции, как учёный, чтивший и поддерживавший преемственность в науке, неизменно обращавшийся к опыту предшественников. Он был сторонником инновационных подходов, постоянно совершенствовал методический арсенал, критически относился к результатам работы, не допускал декларативности и категоричности утверждений. Наконец, Н.Н. Карташев был приверженцем рационального природопользования, горячо поддерживал заповедное дело и лично участвовал в организации и пропаганде научной работы заповедников.

Автор благодарит Ольгу Николаевну Карташеву за предоставленные фотографии и документы.

К.В. Авилова

Пётр Петрович Сушкин. К 150-летию со дня рождения

Если я видел дальше других,
то потому, что стоял на плечах гигантов...

Из письма Исаака Ньютона

Роберту Гуку

Пётр Петрович Сушкин родился 8 февраля 1868 г. в Туле, в большой старообрядческой состоятельной семье. Символично, что 8 февраля сейчас – День Российской науки, которой Петр Петрович посвятил все свою жизнь.

Он учился в тульской классической гимназии, получил прекрасное разностороннее образование. Увлечение познанием природы, особенно «летающими существами», определило его научные интересы. В 1885 г. Петр поступил на физико-математический факультет Московского университета. Естественно-научное образование в то время было в России на подъёме. В университете преподавали замечательные учёные, среди которых был молодой экстраординарный профессор по кафедре сравнительной анатомии и зоологии Михаил Александрович Мензбир. От него П.П. Сушкин перенял необходимые навыки лабораторной и полевой работы.

Длительные экспедиции в отдаленные районы нашей страны требовали хорошей физической подготовки и выносливости, умения хорошо управляться с лошадьми, лодкой, владеть оружием. Петр

П.П. Сушкин (в центре), и А.Ф. Котс (слева) за работой с коллекцией птиц

в студенческие годы занимается греблей, интенсивно работает с коллекциями, собирает орнитологический материал на юге Тульской губернии. Магистерскую диссертацию «К морфологии скелета птиц. Череп *Tinunculus*» он защищает в 1897 году.

После окончания учебы, его, как одного из лучших выпускников, командируют в музеи и крупнейшие университеты Европы. Разрабатывая в Германии способы консервации музеиных коллекций, Петр Петрович отравился парами формалина. Развился геморрагический бронхит – болезнь, которая уже к 1920 г. не позволит ему ездить в экспедиции и приведёт к преждевременной смерти 17 сентября 1928 года. Докторскую диссертацию по вопросам классификации дневных хищных птиц Петр Петрович блестяще защитил в 1904 г. Она была опубликована отдельной монографией и удостоена академической премии им. Ф.Ф. Брандта. Впоследствии П.П. Сушкин становится почетным членом многих отечественных и зарубежных обществ – Московского общества испытателей природы, которое поддерживало его первые экспедиции и печатные труды, Британского орнитологического союза, членом-учредителем Русского палеонтологического общества.

После кончины В.Л. Бианки Петр Петрович Сушкин с 1920 г. руководит орнитологическим отделением Зоологического музея в Петрограде. Начинается систематическая инвентаризация и описание коллекций. Содержимое сундуков и ящиков вносится в «Зеленую книгу», составляется каталог птиц Центральной Азии, зарождается остеологическая коллекция. В то время в отделе мало сотрудников, и П.П. Сушкин привлекает специалистов из других организаций. Он старается заинтересовать и подготовить к работе возможно большее количество практикантов Академии наук, среди которых отбирает самых лучших. Впоследствии его ученики и молодые коллеги – А. И. Иванов, Л.А. Портенко, Б.К. Штегман, А.Я. Тугаринов, Е.В. Козлова, Б.С. Виноградов – внесли значительный вклад в развитие отечественной и мировой орнитологии.

Сохранились воспоминания о личных качествах Петра Петровича, о его педагогическом таланте. Он предстает как строгий, внимательный, живой образец преданного служения науке в трудный период разрушительного военного и революционного времени. Много работая, щедро передавая свои знания ученикам, он самые строгие требования предъявлял, прежде всего, к себе. В студентах воспитывал стремление к разностороннему чтению, эрудированности. Обсуждая научную проблему, ждал от них живой реакции, самостоятельности в суждениях, советовал не доверять слепо авторитетам. Петр Петрович передавал

ученикам радость исследовательского труда, что ярко описал И.А. Ефремов, воспоминания о «посвящении в палеонтологи».

С 1921 г. П.П. Сушкин заведует Северо-Двинской галереей в Геологическом институте, регулярно разбирает и описывает палеонтологические коллекции В.П. Амалицкого. В его публикациях преобладают палеонтологические темы и вопросы палеобиологии. Как действительному члену Академии наук ему также приходится заниматься большой организационной работой; в 1927 г. его избирают академиком-секретарем отделения физико-математических наук АН СССР. В 1924 г. Петр Петрович совершает длительную поездку в США, где знакомится с природоохранной деятельностью и посещает Йеллоустонский национальный парк. В 20-е годы прошлого века в голодной, разорённой России П.П. Сушкин тратит личные деньги на оплату коллекционных материалов и снаряжения для экспедиций в Монголию, Забайкалье и на Дальний Восток. Вместе с преданными делу сотрудниками он продолжает заниматься обработкой и систематизацией сборов, поступающих из разных концов страны и из-за рубежа. Поддерживал контакты с университетами других стран, особенно с музеем сравнительной зоологии Гарварда.

Сам Петр Петрович уже не мог заниматься полевой работой, и его мечта об экспедиции в Гималаи не осуществилась. Вот как отзывались на известие о тяжелой болезни П.П. Сушкина современники: «Ужасное известие. Давно ему скверно. Полон мыслей, блестящий, глубокий учёный, который унесет неоконченное. В последнее время его работы в области палеонтологии и в области орнитологии – как систематики, так и географии – резко выдвинулись и только подходят к крупным обобщениям». В одном из последних писем 4 сентября 1928 года Петр Петрович, находясь на лечении

Петр Петрович и Надежда Николаевна Сушкины в экспедиции

Овсянка-дубровник. Серии из коллекции П.П. Сушкина. Зоологический музей Санкт-Петербурга.
Фото Я.А. Редькина

в Кисловодске, писал с присущим ему чувством юмора Е.В. Козловой: «The life constant struggle for existence or, as one cynical person has express edit, is one damned thing after another» (жизнь – постоянная борьба за существование, или, как выразился один циник, это одна пакость за другой).

Научное наследие Петра Петровича Сушкина имеет непреходящую ценность. Его ранние экспедиционные сборы по птицам и бабочкам, а также морфологические препараты хранятся в учебной коллекции Зоологического музея Московского университета. Основные орнитологические сборы из разных регионов страны – Урала, Уфимской губернии, Киргизии, Алтая, Центральной и Восточной Сибири, Тувы, Казахстана, Монголии – находятся в Зоологическом музее Петербурга и научно востребованы в наше время. Он обосновал выделение ряда подвидов птиц: *Locustella thoracica przewalskii* (Sushkin, 1925) – китайская пестрогрудка Пржевальского; *Luscinia svecica saturatior* (Sushkin 1925) – южно-сибирская варакушка и другие. В его честь названы некоторые подвиды птиц, в частности, *Perdix daurica sushkini* (Poljakov, 1915) – восточная бородатая куропатка Сушкина. Классические статьи и монографии П.П. Сушкина на русском и немецком языках активно цитируются и содержат подробно описанный фундаментальный материал, позволяющий проанализировать изменения орнитофауны ряда регионов с начала прошлого века до нашего времени. В его работах поставлены фаунистические, зоogeографические и систематические вопросы, ответы на которые мы продолжаем искать в XXI веке.

Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Зоологического музея Санкт-Петербурга и Зоологического музея МГУ за помощь и возможность работы с коллекцией П.П. Сушкина и редкими книгами, а также сотрудникам Дарвиновского музея за фотографии из архива А.Ф. Котса.

Н. Супранкова

Памяти Александра Ивановича Шепеля (28.05.1953–19.03.2018)

В феврале 2018-го в Твери на Первом всероссийском орнитологическом конгрессе Александр Иванович общался с коллегами, эмоционально говорил на круглом столе. И всего через несколько дней его не стало... Пермский государственный национальный исследовательский университет и орнитология России понесли невосполнимую утрату. Неожиданная смерть Александра Ивановича потрясла его товарищей по родному факультету и всех, кто знал по жизни, работе, встречам на конференциях.

Александр Иванович Шепель родился в г. Никополь Днепропетровской области 28 мая 1953 г. В 1970 г. он поступил на биологический факультет Пермского государственного университета. Местом студенческих практик Александра Шепеля был Окский заповедник, где он познакомился с ведущими российскими орнитологами и окончательно решил для себя, что будет изучать хищных птиц. Так и случилось. Кафедра зоологии позвоночных была в основном ихтиологической, но существовал кружок по наземным позвоночным, руководимый деканом Серафимом Петровичем Чащиной. Знаменитые «чащинские выезды» в природу всегда были для кружковцев радостным событием. Саша заметно выделялся среди студентов необыкновенным орнитологическим любопытством. Уже тогда особый интерес для него представляли хищники. Он много, увлеченно и с заметным знанием дела говорил о проблеме уменьшения их численности; особенно его привлекали беркут и сапсан. Наиболее посещаемым местом для членов кружка был учлесхоз Пермского университета «Предуралье» в долине р. Сылвы, который Александр с друзьями обошли вдоль и поперек. Особо запомнились зимние выезды, неутомимость и юношеский энтузиазм участников этих походов.

Александр окончил университет в 1975 г. и начал работать в лаборатории лесоведения Естественно-научного института при университете. Он принял за работу с большим энтузиазмом, даже автомобиль УАЗ купил, чтобы совершать автономные выезды по Уралу, хотя технику не любил. В результате была обследована вся территория Пермской области, и изученность хищных птиц на Среднем Урале, как показали мировые сводки, оказалась лучшей по России. Александр Иванович не пропустил

ни одного полевого сезона. Даже на студенческой военной практике он не расставался с биноклем и успевал вести орнитологический дневник. В 1981 г., после завершения учебы в аспирантуре, А.И. Шепель защитил под руководством профессора Н. Н. Данилова кандидатскую диссертацию. В 1986 г. он стал доцентом Пермского университета, в 1997 г. защитил докторскую диссертацию и стал профессором кафедры зоологии позвоночных и экологии. В 1990–1992 гг. и с 1995 по 2008 годы он заместитель декана на биологическом факультете по научной работе, с 1999 г. Александр Иванович – председатель Пермского отделения Союза охраны птиц России. В 2012 г. награждён нагрудным знаком «Почётный работник высшего образования России».

Огромные полевые нагрузки сказались на здоровье, но Александр Иванович продолжал работать и мужественно боролся с недугами. Он был патриотом Университета и Биофака, всю жизнь проработал на одном месте, никогда не гнался за наградами и почестями. Его наградой были ученики, которыми он гордился и всегда говорил, что они – продолжатели лучших российских орнитологических традиций. Александр Иванович всегда использовал любую возможность для популяризации орнитологических и экологических знаний. Достаточно в поисковой системе «загуглить» его имя – и огромное количество страстных интервью и публицистических статей появится перед читателем. Поэтому А.И. Шепеля знали многие жители города Перми. Знали как крупного ученого, не боящегося выступать защитником природы на любом уровне.

Александр Иванович воспитал множество молодых орнитологов. В учлесхозе «Предуралье» много лет работал созданный им орнитологический стационар где студенты открывали для себя мир птиц, делали первые шаги в науке.

А.И. Шепель имел широкие научные интересы, но в первую очередь был орнитологом с большой буквы, замечательным знатоком хищных птиц и сов. Проблемы сохранения редких видов и природы в целом глубоко волновали его. Он не мог равнодушно взирать на безразличие и непрофессионализм чиновников, до последних дней боролся с развитием туризма в заповедниках, который сводит на нет задачи сохранения биологического разнообразия. С молодых лет он не щадил себя как при сборе научных материалов в уральской тайге, так и при отстаивании своей точки зрения в научных прениях или во властных коридорах.

Основные научные интересы Александра Ивановича были сосредоточены в области охраны наземных позвоночных Пермского края и Уральского

региона, а также всестороннего изучения системы «хищник-жертва». В последние годы он занимался проблемами регионального кадастра и зоологического мониторинга. По результатам исследований им опубликовано более 200 работ. Он автор и соавтор монографий «Хищные птицы и совы Пермского Прикамья» (1992), «Животные Прикамья» (2001), «Жемчужины Прикамья» (2003), «Животный мир Вишерского края» (2004), «Сокровища Пермского края» (2005), «Красная книга Пермского края» (2008), «Птицы города Перми» (2014) и 15 учебно-методических пособий, в т.ч. последнего – «Позвоночные Урала» (2013).

В «лихие 90-е», когда в нашей стране происходил разгул беспредела авантюристов и аферистов самых разных мастей и калибров, в орнитологической среде

Александр Константинович Юрлов (1953 – 2018)

7 ноября 2018 года после тяжёлой болезни ушёл из жизни известный сибирский орнитолог Александр Константинович Юрлов.

Он родился 30 июля 1953 г. в Новосибирске, где прожил всю жизнь. В 1970 году закончил среднюю школу № 42 и поступил на биофак Томского государственного университета, в котором в своё время учился его отец, известный орнитолог Константин Тимофеевич Юрлов. Вместе с отцом Саша ещё в школьные и первые студенческие годы каждое лето проводил в экспедициях, в том числе с конными переходами на большие расстояния по бескрайним южно-сибирским просторам.

С 1971 г. в устье рек Чулым и Каргат, впадающих в озеро Чаны, начал принимать исследователей в круглогодичном режиме Чановский стационар Биологического института СО АН СССР. Главной тематикой работ групп учёных, которые базировались на стационаре, стали орнитологические исследования, в том числе в комплексе с вирусологами, гельминтологами, другими паразитологами, а также в сотрудничестве с орнитологами из других регионов Сибири, Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана и с периодическим участием иностранных специалистов. В 1969 и 1976 гг. на базе Биологического института СО АН СССР были проведены Международные симпозиумы по трансконтинентальным связям перелётных птиц и их роли в переносе арбовирусов. Результаты изучения миграций птиц имели большое значение также для гражданских и военных организаций в целях орнитологического обеспечения безопасности полётов

тоже появились такие люди и стали весьма активно публиковать свои «научные» непотребности. Александр Иванович первым стал бить тревогу и разоблачать в печати как само явление, так и этих «активных и талантливых молодых учёных». Его дружно поддержали коллеги по всей стране, и в первую очередь – на родном Урале. Порядочность и профессионализм, а не корыстные интересы служат в науке очень важным критерием доверия к результатам исследований специалиста. Это и есть гарантия того, что человека будут помнить.

Память об Александре Ивановиче Шепеле – большом учёном и прекрасном отзывчивом человеке – всегда останется с нами.

Коллеги, ученики, друзья

в авиации. А.К. Юрлов принимал самое деятельное участие в этих исследованиях, которые были поддержаны ГКНТ СССР по науке и технике и обобщены в известной орнитологам серии сборников «Миграции птиц в Азии».

В университете Сашу сразу заметили в деканате, на кафедре позвоночных, в студенческих группах. Он выполнял общественные поручения на факультете, был душой весёлой жизнерадостной компании сокурсников и соседей по общежитию, но им всегда двигало стремление к научной работе, поездкам в поле, сбору материала, фотографированию птиц. Курсовую и дипломную работы под руководством С.С. Москвитина он защитил с блеском, так как они были основаны на огромном, лично собранном материале по куликам с приложением замечательных фотографий и ссылок на работы предшественников.

По распределению в 1975 г. Александр Константинович поступил на работу в Зоомузей БИ СО РАН, где курировал орнитологический отдел и навёл должный порядок в хранящихся и пополняемых сбоях. Экспедиционные работы А.К. Юрлов проводил как на Чановском стационаре, так и на Таймыре, в Томской области и в ряде других мест, где находился порой многие месяцы подряд в суровых зимних условиях без радиосвязи с Большой землей. Участвовал в авиаучётах диких копытных и птиц. На Чановском стационаре занимался мечением птиц и сбором других данных в рамках комплексных исследований и международного сотрудничества. Закончил заочную аспирантуру при Институте зоологии АН Таджикистана, кандидатскую диссертацию защитил в 1989 г. Содержащиеся в этом многолетнем

труде уникальные сведения о куликах – птицах систематической группы, очень интересной и разнообразной по видовому составу, размещению, миграциям, образу жизни и гнездовому поведению, стали сокровищем для специалистов по ржанкообразным.

В трудные 1990-е годы финансирование исследований на базе Чановского стационара частично покрывалось международными грантами, что видно по ряду сборников, книг и атласов, опубликованных в те годы и в последующее время с участием Александра Константиновича и его коллег в России и за рубежом. Самое активное участие он принимал и в подготовке списков и выходе в свет всех трёх изданий Красной книги Новосибирской области (2000, 2008 и 2018 гг.). Много сил потратил А.К. Юрлов на борьбу за сохранение не только краснокнижных, но и других птиц, включая охотничьи виды, за ограничения охоты и расширение сети особо охраняемых природных территорий. Ежегодно он составлял новые научные обоснования запрета весенней охоты. Им была полностью подготовлена орнитологическая часть проекта Барабинского заповедника, который, к сожалению, так и не был организован. Александр Константинович был экспертом и при организации Васюганского заповедника.

В 1999 г. А.К. Юрлов стал руководителем Чановского стационара не только в научном, но и в административном отношении. Заботы о стационаре стали отнимать большую долю времени и сил. Благодаря навыкам водителя автомобиля и моторной лодки, ему всегда удавалось быть достаточно мобильным. В течение многих экспедиционных сезонов он с сотрудниками интенсивно изучал особенности гнездовой биологии нескольких видов чайковых птиц на островах озера Чаны. Его международные контакты расширились не только в сторону Европы, но и далеко на восток, несколько лет продолжались продуктивные совместные работы с японскими коллегами. С 2005 года, в связи с актуальной проблемой птичьего гриппа и других вирусных заболеваний, возбудители которых циркулируют в том числе в популяциях пере-

лётных птиц и представляют опасность для человека, акцент в комплексных исследованиях был сделан на сотрудничество с соответствующими учреждениями и специалистами в Новосибирске, Якутии, России в целом и в других странах, в основном, в Китае. С молодых лет до последних месяцев жизни ему по поручению Института и приглашению коллег довелось побывать в разных уголках Земного шара, включая Африку, Австралию, Северную Америку, он часто ездил в европейские и азиатские страны. Александр Константинович продолжал руководить Чановским стационаром, тематической группой экологии птиц и работать над завершением нового издания Красной книги Новосибирской области буквально до последнего дня жизни, мужественно борясь с недугом.

А.К. Юрлов опубликовал более 90 научных работ, включая несколько коллективных монографий и статей в высокорейтинговых, в том числе иностранных, журналах. Имея многолетние ряды наблюдений, он получил интересные результаты по влиянию факторов среды на динамику численности, структуру популяций и продуктивность размножения гусеобразных и ржанкообразных с использованием новых математических методов. К сожалению, эти и многие другие результаты его работ остались неопубликованными... Его безвременная кончина – огромная утрата для всех, кто его знал, прежде всего для супруги, дочерей и внучек, о которых он всегда и много заботился. Одноклассники, сокурсники, которых судьба разбросала от Камчатки и Приморья до Калининграда, прислали искренние соболезнования. Сочувствие родным и близким выражают коллеги из научных и природоохранных учреждений в России и за рубежом. Светлую память об Александре Константиновиче Юрлове мы сохраним навсегда.

А.П. Яновский, Л.Г. Вартапетов

Мурат Хамидович Емтыль (1949 – 2018)

18 июля 2018 г., на 69 году, из жизни ушёл известный краснодарский зоолог, орнитолог, кандидат биологических наук, доцент Кубанского университета Мурат Хамидович Емтыль.

Мурат Хамидович родился 27 ноября 1949 г. и уже с детства стал проявлять интерес к зоологии. После окончания в 1967 г. средней школы в г. Усть-Лабинск и службы в армии, он поступил на биологический факультет Кубанского университета в Краснодаре. В студенческие годы зоология для Мурата Хамидовича стала основным направлением при выборе дальней-

шего пути. Уже тогда он со своими однокурсниками совершил две интересные экспедиции, в Ростовскую область и в Узбекистан, в ходе которых студенты собирали разноплановый зоологический материал.

После окончания университета в 1975 г. Мурат Хамидович поступил на работу в Краснодарский НИИ прудового рыбного хозяйства на должность младшего научного сотрудника. По окончании аспирантуры он в 1987 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Буффало как объект прудовой поликультуры».

Но интересы Мурата Хамидовича не ограничивались только ихтиологическим направлением. Ещё с начала своего научного пути он много времени отдавал изучению некоторых групп птиц, прежде всего птиц-ихтиофагов. При этом особое внимание

уделялось изучению влияния рыбоядных птиц на рыбопродуктивность в специализированных хозяйствах, разработке методов снижения ущерба, наносимого некоторыми видами иктиофагов прудовому рыбоводству.

Завершив научные исследования по докторской теме, Мурат Хамидович переходит на преподавательскую работу на кафедру зоологии Кубанского университета. В те годы под руководством декана биологического факультета Кубанского университета В.Я. Нагалевского начинаются широко масштабные исследования биоты разных ландшафтов Краснодарского края, проводятся ежегодные экологические экспедиции в различные природные зоны, оцениваются изменения природной среды под воздействием антропогенных факторов.

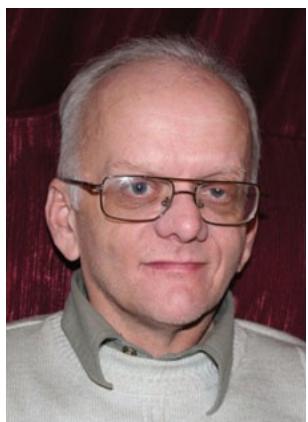
М.Х. Емтыль был участником всех экологических экспедиций, организованных биологическим факультетом. Интересы учёного существенно расширились. Он становится автором и соавтором обзоров по различным группам позвоночных животных, обитающих в исследованных районах Краснодарского края, прежде всего – обзоров по птицам. Собранные материалы позволили приступить к подготовке списков редких и исчезающих видов животных региона и к составлению листов первого издания Красной книги Краснодарского края (1994), в работе над которой Мурат Хамидович принимал самое непосредственное участие.

Памяти Андрея Вадимовича Алексеева (1960 – 2020)

6 января 2020 года, в Рождественский сочельник, ушёл из жизни Андрей Вадимович Алексеев. Охотовед. Госохотинспектор. Прирооохранник. Было ему 59 лет.

Андрей Вадимович родился 11 апреля 1960 г. и прожил всю жизнь в посёлке Белоомут Луховицкого района Московской области.

Я хорошо помню его отца – егеря охотовхозяйства, знатока и любителя природы. Выбор профессии для Андрея был очевиден. Он закончил известную «кузницу кадров» – ВСХИЗО, пополнив плеяду балашихинских охотоведов. Я познакомился с ним в середине 1980-х, когда он работал охотоведом Белоомутского охотовхозяйства Московского общества охотников и рыболовов. А я тогда трудился старшим госинспектором рыбоохраны управления «Мосрыбвод» и был также внештатным госохотинспектором.

Луховицы, Белоомут – это края слыли браконьерскими. А раз так – то и были в поле зрения тех, кто занимался этой проблематикой, в том числе на профессиональной основе. Сюда, на стык Московской и Рязанской областей, мы, инспектора из Москвы, выезжали нередко. И молодой (как и все мы) охотовед Андрей Алексеев стал нашим спутником, проводником, мотористом. И главное – он стал нашим товарищем. Вместе мы проводили оперативные рейды, изымали «стволы», сидели вочных засадах на окраине Белоомута, задерживали любителей лова плавными сетями и багрения стерляди на Оке.

В эти же годы сформировались и тесные контакты Андрея с московскими студенческими дружинами по охране природы – знаменитыми ДОПами. Доброжелательный, безотказный, знающий территорию района и любящий природу молодой охотовед стал опорой и в работе доповцев на ниве охраны и изучения редких видов, создания заказников. Немало ветеранов ДОПов сохранили дружеские отношения с Алексеевым все последующие десятилетия.

Вспоминая свою инспекторскую молодость, я всегда вспоминаю и Андрея. Охотовед Алексеев выглядел весьма неказистым – невысокий, щуплый, постоянно

до самой кончины Мурат Хамидович был бесменным председателем Краснодарского отделения Союза охраны птиц России. Его авторитет, эрудиция и знание природы Кубани многие годы позволяли ему возглавлять эту организацию и успешно пропагандировать её цели и принципы.

Итогом жизненного пути Мурата Хамидовича стали более 150 научных публикаций, среди которых монографические работы по иктиофауне Краснодарского края и юга России. Но не только они стали наследием Мурата Хамидовича. Воспоминания о его содержательных лекциях, на которых воспитано целое поколение студентов, надолго останутся в памяти выпускников Кубанского университета. Кроме того, М.Х. Емтыль умело руководил дипломными работами студентов, и некоторые из них посвятили в дальнейшем свою жизнь науке.

Искренность, жизнерадостность, остроумие и оптимизм Мурата Хамидовича быстро располагали собеседников в общении с ним. Он был, несомненно, лидером во многих жизненных ситуациях, генератором всевозможных идей и начинаний. Его отличало также умение быть настоящим другом, готовым и разделить радость, и поддержать в трудную минуту.

Светлая память о замечательном человеке и учёном Мурате Хамидовиче навсегда останется в наших сердцах.

П.А. Тильба

носящий очки, он никак не производил впечатление грозного инспектора. И вызывал снисходительную усмешку у нарушителей – но лишь при первой встрече и в первые минуты, далее эта усмешка с их лиц спадала. Андрей Алексеев отличался исключительным упорством, настойчивостью, смелостью – и всё это в сочетании с высоким профессионализмом.

Отчётливо эти качества были проявлены 32 года назад, в начале января 1988 года, когда в Белоомутское хозяйство выехала «на лося» дружная команда охотников-любителей: первый секретарь райкома КПСС, председатель райисполкома, директор лесхоза и т.д. и т.п., не меньше десятка – «партхозактив» Луховицкого района. Охота прошла удачно, команда уже приступила к транспортировке продукции, как появился охотовед Алексеев (с общественным инспектором). При проверке документов был обнаружен «букет» (весьма традиционный) нарушений в части соблюдения порядка добычи диких копытных на коллективной охоте, в том числе – «незакрытая» лицензия.

В общем, браконьеры они были не самые злостные, зато люди – очень уважаемые. И, пожалуй, в подобной ситуации многие штатные работники охотхозяйства (даже не госохотнадзора!) ограничились бы устным замечанием (его бы, безусловно, восприняли) и напоминанием о необходимости закрыть лицензию – её бы незамедлительно закрыли, пожали бы охотоведу руку и разошлись с миром. Многие бы может этим и ограничились – но не охотовед Алексеев. Андрей пошёл на принцип (благо таковые у него были) и довел дело до составления протоколов. Те, кто в теме охотнадзора, могут оценить – легко ли в целом в подобной ситуации составить на присутствующих протоколы. Андрей это сделал.

Надо заметить, что охотовед Алексеев отличался принципиальностью, но не наивностью. Он отчётливо представлял все «подводные камни» дальнейшего производства по делу. И поэтому незамедлительно связался с друзьями из ДОПовского движения и иже с ними. Там оперативно организовали небольшую публикацию о случившемся в областной газете. По тем меркам для ответственных работников – история весьма неприятная. В госохотнадзоре дело заминать уже не стали и наложили на участников охоты штрафы. Но и «сильные мира сего» районного масштаба «утираться» вовсю не собирались и обратились в суд. В свой, районный, самый гуманный. В случае же отмены постановлений планировалось поднять вопрос о соответствии занимаемой должности (да и вообще о поведении) охотоведа Алексеева. Над Андреем нависли тучи.

Истцы в итогах процесса были просто уверены, они даже не удосужились нанять адвоката – мол, и так осилим, хотя, на мой взгляд, правовые позиции у них были не шибко сильные.

Мой взгляд на эту историю некоторое значение имел. Дело в том, что руководство областной Госохотинспекции (люди-то они были очень неплохие) с одной

стороны стремилось (из политических соображений) дистанцироваться от процесса дальнейшего прессования «партхозактива» Луховицкого района, а с другой – как профессионалы, не хотели проигрывать дело. И обратились с предложением представлять по доверенности интересы Госохотинспекции на этом процессе именно ко мне (ну, имел определённую репутацию). И я двинулся на суд в Луховицы.

Дело наше было правое, и победа в конечном итоге оказалась за нами, но суть не в этом. Я вспоминаю эти два полных дня судебного процесса и зал, где сидел главный свидетель – охотовед Алексеев, а также многочисленные «потерпевшие» и иже с ними. И ощущая всю эту накалённую атмосферу злобы и неприязненного отношения к Андрею, я думал: «Как же тебе, парень, здесь живётся и работает? И как будет дальше?». Эти риторические вопросы меня не покидали долго. 4 года спустя, уже будучи начальником Управления заповедного дела федерального министерства, я связался с Андреем и предложил ему перейти на должность заместителя директора по охране одного из заповедников в Центральной России. В этом случае заповедная система могла бы приобрести классного специалиста – хорошо подготовленного, опытного, мотивированного. К великому сожалению, этого не случилось. Андрей взял время на размышление, но всё-таки покинуть родной Белоомут не решился, став олицетворением пословицы «Где родился, там и пригодился».

Несколько лет спустя Андрей Алексеев оставил Белоомутское охотхозяйство, перейдя в структуры государственного охотничьего надзора Московской области, работая в родном Луховицком районе. На этом поприще Андрей оставался до конца своей жизни. Абсолютный бессребреник, он полностью сосредоточился на миссии охраны фауны (да и живой природы в целом), не утратив своих бойцовских качеств, сформированных ещё в молодости, став настоящим профессионалом.

Своей профессиональной деятельности Андрей Алексеев отдавал себя полностью. Даже в день собственного пятидесятилетия он вышел в рейд по борьбе с браконьерством. И так на протяжении всей взрослой жизни. А ведь работа государственного инспектора, если делать её всерьёз, связана с непрекращающимися стрессами и нервотрёпкой. Богатырским здоровьем Андрей Вадимович и без этого не отличался. В свое время получил инсульт. Как-то преодолел недуг, встал в строй. А в декабре минувшего года перенёс операцию на сердце...

Мне кажется, что именно к такой породе людей, как Андрей Вадимович Алексеев, относятся слова Чехова: «люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели».

Царство тебе небесное и светлая память, Андрей! Ты это заслужил!

В.Б. Степаницкий

Памяти Николая Сергеевича Панькина

12 января 2020 г. после тяжёлой болезни скончался известный амурский орнитолог, кандидат биологических наук, доцент Николай Сергеевич Панькин. Ушёл из жизни человек, внесший весомый вклад в изучение и охрану птиц Амурской области, прекрасный натуралист, знающий преподаватель.

Николай Сергеевич родился 15 июня 1936 г.

в семье крестьян. Трудное военное детство, первые послевоенные полуголодные годы вынуждали мальчишку заниматься рыбалкой, сбором грибов и ягод, а потом и охотой. Постоянное общение с природой породило в душе юного Николая любовь к живому, стремление понять окружающий мир.

После окончания педагогического училища Николай Сергеевич четыре года работал учителем в сельских школах. В 1959 году он поступил на естественно-географический факультет Благовещенского государственного педагогического института. Будучи студентом, он проявил глубокий интерес к изучению птиц, а после окончания института в 1964 г. был принят на должность ассистента кафедры зоологии. Педагогической и научной работе в институте, а в дальнейшем университете, Н.С. Панькин отдал 47 лет своей жизни, пройдя путь от ассистента до доцента и заведующего кафедрой. Своё научное призвание Николай Сергеевич нашёл в изучении птиц. Он был настоящим орнитологом-полевиком, проводил много времени в природе, наблюдая птиц. Круг его «птичьих» интересов был обширен – от широко распространённых видов до редко встречающихся и мало изученных. Им были найдены гнездящиеся на Буреинско-Хинганской низменности японские журавли и дальневосточные аисты, проведены наблюдения за малоизвестной в то время пятнистой трёхперсткой. Однако приоритетными для него всегда были и оставались хищные птицы. До второй половины прошлого века в нашей стране продолжались гонения на хищных птиц, якобы наносящих большой ущерб охотничьему и сельскому хозяйству. Николай Сергеевич, под руководством известного в нашей стране специалиста по хищным птицам В.М. Галушкина, со свойственной ему скрупулёзностью и глубокой нравственной ответственностью взялся за трудную и одновременно очень важную работу по изучению хищных птиц Зейско-Буреинской равнины. Его многолетняя исследовательская работа, отражённая в десятках публикаций, которые не утратили своей научной ценности и по сей день, увенчалась успехом. Читая статьи Николая Сергеевича,

ча, поражаешься обилию представленного материала, детальности наблюдений, аргументированности выводов. Логическим завершением его напряжённой работы стала кандидатская диссертация «Хищные птицы и совы Зейско-Буреинской равнины», которую он защитил в 1977 году.

Особое внимание Н.С. Панькин уделял вопросам охраны птиц Амурской области и прежде всего редких видов: японского и даурского журавлей, дальневосточного аиста. Исследования Николая Сергеевича имели большое значение при организации Хинганского заповедника, одного из важнейших мест гнездования японских и даурских журавлей в Амурской области.

Особое место в работе Николая Сергеевича занимала преподавательская деятельность. На кафедре зоологии он читал курс позвоночных животных и вёл полевой практикум. Его лекции, наполненные личными наблюдениями за животными в природе, всегда и с большим интересом воспринимались студентами. Полевые практики по зоологии позвоночных на долгие годы оставались в памяти студентов. Побудки в четыре часа утра с выходом на прослушивание голосов птиц, учёты лягушек на заболоченных лугах, покрытых холодной утренней росой, суточные дежурства у гнёзд птиц и многочисленные тематические экскурсии. Кажется, совсем недавно на одной из очередных полевых практик мы отмечали Николаю Сергеевичу 50-летний юбилей, а девчата к этому знаменательному событию испекли большой пышный пирог с абрикосовым повидлом. Всё это осталось в памяти.

Будучи студентом, а потом и сотрудником кафедры зоологии, мне приходилось подолгу бывать с Николаем Сергеевичем в полях, многие часы просиживать у гнёзд пернатых хищников, обследовать широкие поймы Амура и Зеи с целью обнаружения гнездовий журавлей, проводить учёты фазанов и водоплавающих птиц. Меня всегда поражала его педантичность. Своевременно оформленные записи в полевом дневнике, сделанные с точностью до миллиметра и десятых долей грамма измерения, стремление проверить и перепроверить. Этого он требовал и от студентов.

Николай Сергеевич был орнитологом старой закалки, он по праву входит в когорту зоологов, которые внесли большой вклад в становление и развитие орнитологии в Амурской области, в охрану её природы.

Работая на кафедре, он никогда не гнался за должностями и званиями, старался держаться в стороне от интриг и сомнительных нововведений. Всегда оставался скромным и даже застенчивым, избегал увеселительных мероприятий и шумных компаний, стараясь уединиться и больше бывать наедине с природой.

Прощайте, Николай Сергеевич. Вы навсегда останетесь в памяти друзей, коллег и ваших студентов.

В.А. Дугинцов

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА ЧЛЕНА СОЮЗА ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ

Фамилия, имя, отчество _____

Дата рождения _____ Электронная почта _____

Интернет-страница _____ Телефон дом. (____) _____

Телефон моб. 8- (____) _____ Телефон раб. (____) _____

Факс (____) _____ Почтовый индекс:

--	--	--	--	--

Адрес для переписки: _____

Место работы или учебы и должность _____

Вы считаете себя: орнитологом-профессионалом / любителем (нужное подчеркнуть)

Вид членства: индивидуальный, семейный, коллективный (нужное подчеркнуть)

Какими иностранными языками Вы владеете? _____

Какой раздел орнитологии Вам интересен? _____

Какие районы России Вам интересны? _____

Кто пригласил Вас вступить в Союз? _____

Для коллективных и семейных членов: как Вы хотите быть поименованы в дипломе _____

В каких направлениях деятельности Союза Вы хотите участвовать? (отметьте галочками)

Научные проекты Природоохранные акции Развешивание гнездовий и кормушек

Фотографирование птиц Поддержка Союза в интернете Просветительская деятельность

Распространение информации о деятельности Союза

Другие направления деятельности (какие): _____

Хочу участвовать лично Могу организовать людей // Я хочу только оплачивать взносы

Дата заполнения: _____ 202__ г. Подпись: _____

Прошу принять меня в члены Союза охраны птиц России

ВСТУПАЙТЕ В СОЮЗ ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ!

Наши цели – охрана птиц и мест их обитания, распространение знаний о птицах и их жизни, развитие любительской орнитологии в России.

В наших рядах – самые разные люди: от профессиональных орнитологов до начинающих птицелюбов. Не важно, сколько вам лет и какова ваша профессия. Если вы любите птиц – нам по пути! Ведь сейчас, как никогда раньше, птицы зависят от нашей заботы, от нашего к ним отношения.

В Союзе каждый найдет дело по силам – от зимней подкормки птиц и развески скворечников до участия в исследовательских и природоохранных проектах.

Как вступить в Союз охраны птиц России:

– вырежьте и заполните помещённую здесь учетную карточку члена Союза и платежную квитанцию на её обороте;

– оплатите членский взнос в любом отделении Сбербанка и вышлите в Координационный центр Союза заполненную учетную карточку вместе с квитанцией. Оплатить взнос можно также в любом из региональных отделений Союза или в Координационном центре в Москве.

Каждый вступивший получает членскую карточку, доступ к электронной рассылке, журнал «Мир птиц» и информационные материалы Союза.

Как вступить в Союз

Извещение

Форма ПД-4

Общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»

(наименование получателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7

(ИНН получателя платежа)

4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9

(номер счета получателя платежа)

в Сбербанке России ОАО, г.Москва

БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за год

(наименование платежа)

Ф.И.О. плательщика

Адрес плательщика

Кассир

Сумма платежа руб. коп. «__» 20 г.

Подпись плательщика

Форма ПД-4

Общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»

(наименование получателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7

(ИНН получателя платежа)

4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9

(номер счета получателя платежа)

в Сбербанке России ОАО, г.Москва

БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за год

(наименование платежа)

Ф.И.О. плательщика

Адрес плательщика

Квитанция
Кассир

Сумма платежа руб. коп. «__» 20 г.

Подпись плательщика

Годовой членский взнос в 2020 г.:

Индивидуальный – 300 руб.

Льготный (для пенсионеров, инвалидов, безработных) – 150 руб.

Семейный – 300 руб.

Поддерживающий – от 500 руб.

Попечительский – от 3000 руб.

ПОДДЕРЖИТЕ СОЮЗ!

**Если вам небезразлична судьба птиц России,
вы можете помочь нам
сделать больше для их защиты.
Даже самый скромный взнос,
внесенный вами,
послужит нашему общему делу –
охране птиц!**

Внести все пожертвование вы можете безналично на расчетный счет № 40703810438090102269 в Сбербанк России или у нас в офисе по адресу: Москва, шоссе Энтузиастов, дом 60, корп. 1 с 11.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

1 килограмм семечек для подкормки птиц	80 р
Содержание одной раненой птицы (сутки)	500 р
1 деревянная кормушка	800 р
1 скворечник или синичник	800 р
Устройство одной гнездовой платформы для хищных птиц	7 000 р
Один бинокль для наблюдения за птицами	от 5000 р
Зрительная труба для наблюдения за птицами	от 15 000 р
Установка птицезащитных устройств на одном километре ЛЭП	14 000–20 000 р
Печать одного номера журнала «Мир птиц»	130 000 р